

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45 2022
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (440) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Роман Осипович Яковсон* (1896–1982), русский лингвист, идеи которого оказали влияние на другие науки: литературоведение, антропологию, неврологию, историю русской культуры.

Роман Яковсон родился в Москве. Он был одним из трех сыновей в еврейской семье инженера-химика и купца I гильдии Иосифа (Осипа) Абрамовича Яковсона (родом из Австро-Венгрии) и его жены Анны Яковлевны, уроженки Риги. В 1914 году Роман Осипович окончил гимназию при Лазаревском институте и поступил на отделение славянской филологии историко-филологического факультета Московского университета, который окончил в 1918 году. В 1915 году стал одним из основателей Московского лингвистического кружка и оставался его председателем до 1920 года.

В феврале 1920 года Яковсон поехал в Ревель в составе торговой делегации Центросоюза в качестве сотрудника РОСТА, а оттуда в июле того же года — в Чехословакию как переводчик миссии Красного Креста, занимавшейся репатриацией военнопленных. Затем работал в советском полпредстве.

Замминистра иностранных дел Чехословакии В. Гирса считал, что Яковсон — «доносчик советской миссии, шпион и провокатор». В январе 1923 года полиция устроила у него обыск по подозрению в шпионаже.

В 1926 году Роман Осипович стал одним из основателей Пражского лингвистического кружка, занимал в нем должность вице-президента.

В 1930 году он защитил в Немецком университете в Праге докторскую диссертацию на тему *Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen* («О стихосложении сербскохорватского народного эпоса»). В 1931 году переехал в Брно, преподавал в университете имени Масарика русскую филологию и древнечешскую литературу. В 1937 году Яковсон получил чехословацкое гражданство. Участвуя в международных научных конференциях и конгрессах, много ездил по Европе; эти поездки оплачивал чехословацкий МИД.

В 1930-е годы Яковсон примыкал к евразийству. Один из лидеров евразийства — Н. С. Трубецкой — был его ближайшим единомышленником в лингвистике и корреспондентом, а другой — П. Н. Савицкий — крестным отцом (Яковсон принял православие в 1938 году).

15 марта 1939 года, сразу же после ввода немецких войск в Чехословакию, Роман Осипович выехал вместе с женой из Брно в Прагу, где они скрывались около месяца в ожидании выездных виз. В апреле прибыли в Данию, где Яковсон читал лекции в Копенгагенском университете (по приглашению, отправленному еще до оккупации), откуда 3 сентября уехал в Осло, где работал в Институте сравнительной культурологии и был избран действительным членом Академии наук Норвегии.

Весной 1940 года, едва услышав объявление о нацистском вторжении в Норвегию, Яковсоны, не захватив даже домой задокументами, бежали к шведской границе и въехали в Швецию

в качестве беженцев. Там Яковсон преподавал в университете Уппсалы.

В мае 1941 года Яковсоны отправились в США на грузовом судне *Remmaren* (вместе с ними плыл философ Эрнст Кассирер с женой).

В 1948 году Роман Осипович опубликовал обстоятельное опровержение гипотезы Андре Мазона о поддельности «Слова о полку Игореве». Научная дискуссия вокруг публикации столкнулась с некоторыми политическими трудностями (особенно во Франции), поскольку, по словам Яковсона, «многие не верят Мазону, но считают его развенчание русской культурной традиции удобным орудием в антикоммунистической кампании». В Колумбийском университете студенты распространяли листовки, обвиняющие Яковсона в поддержке коммунистической линии в его книге о «Слове...».

Первой значительной работой Яковсона было исследование особенностей языка поэта-футуриста Велимира Хлебникова (1919). Противопоставляя поэтический язык языку естественному, Яковсон провозгласил, что «поэзия есть язык в эстетической функции» и поэтому «безразлична в отношении описываемого ею объекта». Этот тезис лег в основу эстетики раннего русского формализма, перевернувшего традиционное соотношение формы и содержания в литературном произведении.

В исследовании, посвященном сопоставлению русской и чешской систем стихосложения, Яковсон заострил внимание на звуковых сегментах слов, именуемых фонемами, которые не имеют собственного значения, но их последовательности являются важнейшим средством выражения значений в языке. Интерес к звуковой стороне языка привел Яковсона к созданию (при участии Н. С. Трубецкого) новой отрасли лингвистики — фонологии, предметом которой являются дифференциальные признаки звуков, из которых состоят фонемы. Яковсон установил 12 бинарных акустических признаков, составляющих фонологические оппозиции, которые, по его утверждению, являются языковыми универсалиями, лежащими в основе любого языка.

Основы еще одного нового направления в науке — нейролингвистики — заложены в работе Яковсона об афазии (1941 г.), в которой он связал нарушения речи с данными неврологии о структуре мозга.

Роману Яковсону принадлежит монументальное исследование славянской эпической поэзии.

В 1959 году Яковсон основал журнал *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* и стал его главным редактором.

В 1962 году был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Роман Осипович Яковсон умер у себя дома в Кембридже (Массачусетс). Похоронен на кладбище Маунт-Обёрн. На его надгробии написано по-русски, в латинской транскрипции: *russkij filolog*.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абакаров Р. Т.**
Банкротство юридических лиц: актуальные проблемы правового регулирования 81
- Абакаров Р. Т.**
Некоторые проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридических лиц.....83
- Аганина А. А.**
Сравнение института самоубийства и доведения до самоубийства в РФ и зарубежных странах ...85
- Азарова М. С.**
Сущность и содержание права на равный доступ граждан к государственной службе..... 88
- Акладская А. В., Мищенко М. А.**
Некоторые вопросы привлечения к юридической ответственности за незаконное использование «Пушкинской карты» 90
- Алешин В. В.**
Понятие и признаки обособленного спора в деле о банкротстве94
- Анощенков В. Н.**
О юридической ответственности должностных лиц.....95
- Арсланова Д. М.**
Некоторые особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности как совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего98
- Баталин А. В.**
Признаки ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда101
- Белов С. А.**
Влияние композиции логотипа на различительную способность средства индивидуализации 104
- Бирюков М. Б.**
История авторского права в России 108
- Боргоякова К. В.**
Субъективные признаки доведения до самоубийства 112
- Бугаева Е. С.**
Участие прокурора в прениях сторон 114
- Бугаева Е. С.**
Некоторые аспекты полномочий прокурора в исключительных стадиях уголовного процесса.....115
- Будякова К. О.**
Особенности правового регулирования реорганизации в форме слияния и присоединения в российском законодательстве 117
- Власенко Т. С.**
Актуальные проблемы алиментных правоотношений 119
- Воденников М. М.**
Многофункциональный центр как форма предоставления государственных услуг (на примере ГБУ Курганской области «МФЦ»).. 121
- Горохова Р. Н.**
Административная ответственность за правонарушения в области финансов, налогов и сборов для субъектов малого и среднего предпринимательства 125
- Железняк Т. А.**
Проблемы и перспективы участия прокуроров в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов 127

Иерусалимская Е. А., Сухарев Д. Д. К вопросу о правовом статусе государственных служащих.....	130	Кудрина А. А. Отличия медиации от других видов примирительных процедур	142
Иерусалимская Е. А., Сухарев Д. Д. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения	132	Курочкина Е. С., Грошев А. В. Ответственность за незаконное предпринимательство в уголовном и административном законодательстве: сравнительный анализ	144
Климова О. С. Проблемы и направления развития регулирования договора на оказание медицинских услуг	133	Масаров М. Т. Правовые подходы к пониманию электронного правительства в Российской Федерации	149
Ковшова Е. Н. Проблемы, связанные с административной преюдицией в уголовном праве.....	135	Медведев Г. А. Роль банковского надзора в механизме публично-правового регулирования банковской деятельности.....	151
Коленкова Е. Г. Особенности этики речевой коммуникации в деятельности юриста.....	136	Мечевский А. Н. Проблемы правового регулирования Единой информационной системы в сфере закупок ...	155
Коновалова Ю. А. Доведение до самоубийства несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	138	Муромцев В. М. Актуальные проблемы и тенденции развития пенсионной системы Российской Федерации ..	157
Коротовских Ю. М. Особенности правового регулирования административной опеки и попечительства....	140		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Банкротство юридических лиц: актуальные проблемы правового регулирования

Абакаров Рамазан Темирханович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье выявляются актуальные проблемы правового регулирования института банкротства применительно к юридическим лицам. Особое внимание уделяется недобросовестному поведению арбитражных управляющих по делам о банкротстве. С учетом выявленных проблем предлагаются пути совершенствования действующего законодательства, которые направлены на снижение количества случаев злоупотребления правами арбитражными управляющими.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, юридическое лицо.

В настоящее время особый интерес вызывает вопрос, связанный с особенностями юридического сопровождения корпоративных кредиторов по текущим обязательствам при банкротстве юридических лиц. Так, например, на практике это достаточно актуально для случаев, когда имеют место быть злоупотребления правами со стороны арбитражного управляющего (недобросовестное поведение) [5, с. 116]. Например, арбитражный управляющий исполняет свои обязанности ненадлежащим образом. В частности, он предоставляет кредиторам недостоверную отчетность, не публикует необходимые сведения в средствах массовой информации, не организовывал инвентаризацию имущества в разумный срок и др. В таком случае может встать вопрос об устранении такого арбитражного управляющего. Зачастую кредиторы в указанных ситуациях обращаются в компании для предоставления их интересов в процедуре банкротства. Также на практике бывают случаи, связанные с «перекрестным представительством». Более того, кредиторы также бывают не в полной мере юридически грамотными, поэтому нуждаются в сопровождении по текущим обязательствам при банкротстве юридических лиц.

Актуальность темы подчеркивается и наличием неоднозначных аспектов в правовом регулировании по вопросам юридического сопровождения корпоративных кредиторов по текущим обязательствам при банкротстве юридических лиц. Более того, указанные вопросы не были в полной мере исследованы и в рамках доктринальных исследований.

Банкротство организаций является завершающей мерой по взысканию задолженности в бюджет Российской Федерации и от того, насколько грамотно и в полном объеме проведены мероприятия в процедурах банкротства, зависит результат по ее взысканию [2, с. 137].

С процедуры наблюдения начинается банкротство юридического лица и по ее результатам принимается решение о дальнейшей стадии банкротства.

Основопологающей целью процедура наблюдения является принятие комплекса мер, направленных на установление размера кредиторской задолженности, сохранение и выявление имущества должника, проведение анализа имущественного положения должника [1, с. 337].

На практике также бывают случаи, связанные с недобросовестным поведением арбитражного управляющего. В конкурсном производстве отстранить недобросовестного арбитражного управляющего можно в двух случаях. Первый вариант — доказать причинение арбитражным управляющим убытков должнику и кредиторам, второй — отстранить управляющего по решению собрания кредиторов по совокупности допущенных нарушений. Доказывание убытков — процесс долгий и трудоемкий. Так как клиент обладал большинством голосов на собрании кредиторов, мы решили действовать по второму сценарию.

С развитием информационных технологий и широкой публикации судебных актов в сети Интернет участники судебных процессов в своих возражениях в качестве основания для наличия сомнений в добросовестности представленной кандидатуры арбитражного управляющего стали указывать на факты так называемого «перекрестного представительства», когда юристы, представляющие интересы одного из участников процесса, ранее могли быть представителями арбитражного управляющего, кандидатура которого утверждается в рассматриваемом деле, — только в других процессах.

В 2010 г. в России заработала Картотека арбитражных дел — система, позволяющая отслеживать судебные акты арбитражных судов, в которых, как правило, публикуются

фамилии и инициалы представителей, присутствовавших на судебном заседании, чем активно пользуются современные юристы.

Если представитель кредитора, который просит утвердить конкретную кандидатуру арбитражного управляющего ранее, был представителем этого арбитражного управляющего в другом деле или имеются какие-либо иные факты перекрестного представительства, то в таком случае можно ли это толковать таким образом, что имеются объективные сомнения в беспристрастности арбитражного управляющего и судам по умолчанию необходимо применять процедуру «случайной выборки»? Мы полагаем, что нет.

Кредитор, указывая в заявлении о признании должника банкротом конкретную кандидатуру арбитражного управляющего, исходит из многих факторов: во-первых, он просит утвердить ту кандидатуру, в профессиональной компетенции которой он уверен; во-вторых, он как, правило, просит утвердить ту кандидатуру, кому он может доверить ведение дела не только с профессиональной точки зрения, но и ориентируясь на человеческие качества, такие как честность, добросовестность, порядочность; ну и, в-третьих, немаловажным является и фактор территориальной отдаленности арбитражного управляющего от региона должника, кредитора или имущественного комплекса должника [3, с. 245].

Очевидно, что кредитор в большинстве случаев не будет выбирать арбитражного управляющего наугад, а будет основывать свой выбор на рекомендациях своих коллег, юристов, СМИ, родственников и станет учитывать не только квалификацию его как специалиста, но и его личные качества.

Соответственно, пересечение некоторого времени назад в другом процессе наемного представителя кредитора (юриста) с предложенной кандидатурой арбитражного управляющего не может являться основанием для отказа в утверждении кандидатуры и назначения кандидатуры методом случайной выборки, поскольку Закон

о банкротстве [4] не только это не запрещает, но и прямо наделяет конкурсного кредитора — правом на выбор кандидатуры арбитражного управляющего.

Представляется, что представитель, ранее учувствовавший в деле, являющийся наемным юристом, может быть заменен в любой момент, соответственно, никакой аффилированности, заинтересованности у арбитражного управляющего с непосредственно самим должником или кредитором (юридическим лицом) в таком случае не возникает.

Соответственно, перекрестное представительство юристов, то есть факт оказания сторонам услуг по представлению интересов в суде одними и теми же юристами, не свидетельствует об их фактической аффилированности со сторонами по делу и не является основанием для отнесения юридического лица к одной группе лиц.

Таким образом, в рамках настоящего исследования были выявлены особенности юридического сопровождения корпоративных кредиторов по текущим обязательствам при банкротстве юридических лиц.

Были выявлены юридические действия, совершаемые в рамках юридического сопровождения корпоративных кредиторов, а также обозначены проблемы такого сопровождения. При этом особый акцент был сделан на недобросовестном поведении арбитражных управляющих. Представляется, что недобросовестное поведение арбитражных управляющих (например, предоставляет кредиторам недостоверную отчетность) должно влечь соответствующие меры ответственности. В связи с этим следует отметить, что отдельные вопросы, связанные с особенностями юридического сопровождения корпоративных кредиторов по текущим обязательствам при банкротстве юридических лиц, должны быть дополнены в рамках действующего законодательства.

Представляется, что внесение предложенных изменений в правовое регулирование позволит сократить случаи недобросовестного поведения арбитражных управляющих.

Литература:

1. Гартина, Ю. А. Теоретические аспекты процедуры признания юридического лица несостоятельным (банкротом) // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 1 (22). — с. 337-340.
2. Портнова, Е. В. Формирование института несостоятельности (банкротства) в современном российском праве // Наука. Общество. Государство. — 2019. — Т. 7. — № 2 (26). — с. 135-141.
3. Смирнов, В. В. Утверждение кандидатуры арбитражного управляющего при наличии «перекрестного представительства» // Сборник трудов молодых ученых УВО «университет управления «ТИСБИ». — Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2020. — с. 240-247.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Ястребова, Е. С. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства) // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 1. — с. 114-117.

Некоторые проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридических лиц

Абакаров Рамазан Темирханович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье выявляются некоторые проблемы правового регулирования института банкротства применительно к юридическим лицам. Особое внимание уделяется анализу практики правоприменения, которая отражает наличие проблемных вопросов.

Ключевые слова: банкротство, реализация имущества, юридическое лицо.

Правовое регулирование института банкротства юридических лиц на сегодняшний день не лишено недостатков. Так, при воплощении ряда норм в практической деятельности субъекты банкротных отношений сталкиваются с определенными трудностями, которые в большей степени вызваны недостаточной законодательной регламентацией того или иного вопроса. Так, например, такая ситуация будет актуальна при реализации конкурсной массы должника. В данном аспекте в нынешнее время возникает достаточно много коллизий, которые представляется важным рассмотреть и проанализировать в рамках настоящей научной статьи.

Одной из важнейших задач в деле о банкротстве является реализация конкурсной массы должника в целях максимально возможного удовлетворения требований кредиторов.

Хотя механизм реализации имущества должника достаточно четко прописан в законодательстве, на практике он не обеспечивает защиту от злоупотреблений и нарушений норм права.

Так, например, особенности имеет процедура реализации заложенного имущества должника в процессе исполнительных производств, возбужденных по корпоративным спорам.

Реализация заложенного имущества представляет собой этап удовлетворения требований залогодержателя кредитора из стоимости заложенного имущества. В процессе реализации имущества кредиторы-залогодержатели находятся в привилегированном положении, поскольку законодатель предоставил им право самостоятельно определять сроки, порядок и условия реализации предмета залога [7, с. 80].

В случае разногласий между конкурсным кредитором по обязательству, обеспеченному залогом имущества должника, и конкурсным управляющим в вопросах о порядке и об условиях проведения торгов по реализации предмета залога, каждый из них вправе обратиться с заявлением о разрешении таких разногласий в суд, рассматривающий дело о банкротстве, по результатам рассмотрения которого выносится определение об утверждении порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога, которое может быть обжаловано [6]. Вместе с тем права кредитора при определении порядка

реализации имущества должника ограничены. Например, кредитору не предоставлено право выбора организатора торгов, поскольку вопрос выбора организатора торгов не относится к порядку и условиям реализации заложенного имущества. Залоговому кредитору предоставляется лишь право определить, кто будет организовывать торги, сам конкурсный управляющий или же привлеченное лицо, но организацию выбирать он не вправе. Выбор привлеченного лица для организации торгов лежит на конкурсном управляющем.

Стоит также отметить, что значительное число примеров из судебной практики по оспариванию результатов торгов связано с продажей имущества посредством публичного предложения [1].

Так, например, в суд было заявлено требование о признании недействительными торгов по продаже имущества должника. В результате требование частично удовлетворено, так как денежных средств, вырученных от реализации имущества должника на торгах, недостаточно даже для расчетов с кредиторами второй очереди удовлетворения [2].

Возникающие трудности обусловлены тем, что ни Закон о банкротстве, ни другие нормативные правовые акты не содержат четкого регламента выбора графика снижения цены активов, установления цены отсечения, определения шага снижения цены.

Кроме того, предусмотренная законодательством возможность реализации имущества должника фактически предусматривает различные способы реализации данного имущества, но при этом установленные пределы для стоимости реализуемого имущества на данный момент не вполне соответствуют с положением дел на сегодняшний день. Поэтому, необходимо привести нормы законодательства в соответствии с современной действительностью.

Более того, следует отметить, что реализация имущества должника имеет и более общие проблемы. Например, в нынешнее время установлен запрет на реализацию в рамках торгов единственного жилья, личных предметов должника и т. д. [3, с. 128]. Однако в аспекте определения единственного жилья возникают проблемы при его оценке. По данному вопросу имеются достаточно значимые позиции высших судов, однако

в рамках законодательства они восприняты до сих пор не были.

Так, по данному вопросу значимой является позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Постановлении от 26.04.2021 № 15-П [5]. Фактически многие суды при принятии решения об оценке единственного жилого помещения в качестве «роскошного» руководствуются указанным Постановлением [4]. Более того, в рамках него была сформулирована и фактически новая правовая норма, однако соответствующие изменения пока еще не были внесены в действующее законодательство.

В деле о банкротстве организации конкурсный управляющий должника не позднее трех месяцев обязан проинвентаризировать имеющееся имущество должника-банкрота и в установленные сроки опубликовать информацию о ее результатах в ЕФРСБ, провести его оценку (самостоятельно или привлекая специалиста) и приступить к продаже.

Если организация находится на этапе банкротства, то имущество реализуется посредством электронных торгов (аукцион или конкурс). Однако даже при проведении электронных торгов возникают определенные коллизии, что вызвано также недостаточным их правовым регулированием в рамках действующего законодательства.

Так, фактически в нынешнее время не в полной мере урегулирован вопрос о реализации арестованного иму-

щества посредством электронных торгов. Считаем, что данный пробел должен быть устранен посредством внесения положений об электронных торгах в нормы права об исполнительном производстве. Такое нововведение позволит не только привлечь покупателей из множества регионов и стран, но и контролировать как процесс размещения имущества на торгах, так и процесс его практической реализации.

Соответственно, из проанализированного примера можно заметить, что суды, при вынесении решений по делу, руководствуются позициями вышестоящих судебных инстанций, что говорит о том, что в самом законодательстве по данному вопросу имеется правовой пробел, который восполняется в рамках практики правоприменения. Представляется, что соответствующие изменения, с учетом сформулированных в практике позиций судов, должны найти отражение в рамках правового регулирования вопросов реализации на торгах единственного жилого помещения.

В связи с вышеизложенным, реализация имущества должника — юридического лица в процессе исполнительных производств, возбужденных по корпоративным спорам, имеет множество особенностей. При этом не все из них урегулированы действующим законодательством, что требует внесения соответствующих изменений в правовое регулирование по данному вопросу.

Литература:

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.07.2018 № 310-КГ15-9228 // СПС «Консультант-Плюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2020 № 305-ЭС-16-13381 (4) по делу № А40-174619/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Перепелица, И. О. Проблемные аспекты реализации арестованного имущества должника // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 1-2 (64). — с. 127-129.
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.08.2022 № Ф03-3613/2022 по делу № А51-14150/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2009.
7. Реут, А. В. Порядок реализации заложенного имущества в процессе несостоятельности (банкротства) юридического лица // В сборнике: Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. — 2019. — с. 80-81.

Сравнение института самоубийства и доведения до самоубийства в РФ и зарубежных странах

Аганина Алёна Андреевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются преступления, связанные с доведением до самоубийства, содержащиеся в уголовных кодексах разных стран в сравнении с уголовным законодательством России. Ввиду территориальных, социальных, политических и иных факторов законодательство складывается по-разному, право каждого государства имеет свои особенности. В результате исследования предлагается рассмотреть уголовную ответственность за доведение до самоубийства, склонение к самоубийству и помощь в самоубийстве. Выявление общего и особенного позволит отследить основные тенденции развития уголовного законодательства в данной сфере, что позволит совершенствовать отечественную практику и соответствующую правоприменительную деятельность.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, уголовное законодательство, исторический метод.

В ходе исторического развития права всегда существовал вопрос ответственности за причинение смерти теми или иными способами, в том числе ответственности за косвенную причастность к ней. В результате этого сложился институт ответственности за доведение до самоубийства. Согласно опубликованному в 2010 году обширному докладу Всемирной организации здравоохранения [1], 25 независимых государственных образований из 192 изученных содержат преступления, которые предусматривают наказание за попытку самоубийства. Особо было отмечено, что существуют ещё десять государств, в которых господствуют нормы шариата, и в них люди, совершившие суицид или попытку суицида, также подвергаются наказанию.

Согласно основному закону РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В основных законах зарубежных государств также нашло отражение положение о ценности человеческой жизни. Международное право провозглашает, что государство должно защищать жизнь человека, гарантируя личности реализацию права на жизнь посредством создания условий достойного и безопасного существования граждан. За лишение человека жизни предусмотрена уголовная ответственность.

Так, в Великобритании в уголовном законе была предусмотрена ответственность за самоубийство и покушение на него (данные преступления были отнесены к тяжким убийствам), но позже она была упразднена Законом о самоубийстве (Suicide Act) 1961 г. Согласно статистике с 1941 по 1955 г. в Англии были привлечены к уголовной ответственности 44956 лиц, покушавшихся на самоубийство, из них по решению суда оправдали 346, а 308 было назначено наказание в виде лишения свободы.

Согласно уголовному законодательству Индии (ст. 309 УК 1860 года) предусматривается уголовная ответственность за попытку самоубийства [6]. В следствие международной тенденции гуманизации уголовного законодательства в Индии 7 апреля 2017 г. принят Закон о психиатрической помощи (психическом здоровье), изменяющий область применения указанной нормы. Со-

гласно указанному закону пытавшийся покончить жизнь самоубийством считается испытывающим сильный стресс и не подлежит уголовной ответственности, если не доказано иное. Несмотря на это, попытка суицида не декриминализована. Так, данная статья применяется, когда лицо угрожает совершить самоубийство, находясь в правительственном учреждении, если его требования не будут выполнены, не намереваясь при этом на самом деле это сделать, т.е. с целью несправедливого давления или шантажа.

К государствам, уголовное законодательство которых предусматривает ответственность за самоубийство или попытку самоубийства, также относятся Судан (ст. 133 УК), Нигерия (ст. 327 УК), Брунея (ст. 309 УК), Сингапур (ст. 309 УК). Несмотря на то, что во многих государствах, где основной религией является шариат, но право является светским, уголовная ответственность за покушение на самоубийство узаконена. К таким странам относятся ОАЭ, Саудовская Аравия, Исламская Республика Иран.

В США система уголовного права не предусматривает наказание за покушения на собственную жизнь. Однако, учитывая, что в США установлен правовой дуализм, и поэтому правоприменитель вправе при назначении наказания широко использовать судебское усмотрение. Показательным примером, получившим широкую огласку, может являться дело в штате Мэриленд. В феврале 2018 года 56-летний житель был осужден за попытку самоубийства. Он признал себя виновным в окружном суде округа Каролина и приговорен к трем годам условного тюремного заключения с испытательным сроком [2].

Для большинства западноевропейских стран характерен подход, согласно которому криминальным считается только склонение к акту самоубийства или пособничество к нему. Доведение до самоубийства или покушения на самоубийство одним человеком другого является одной из форм преступной причастности к самоубийству, заключается в провокации различными (указанными в законе) способами. Согласно классификации А.А. Цыркалюка существует несколько групп преступлений, свя-

занных с доведением до самоубийства: подстрекательство к самоубийству; — помощь в самоубийстве; склонение к самоубийству; одобрение самоубийства; доведение до самоубийства.

В России уголовно наказуемыми являются доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства. Однако так было не всегда: УК РСФСР 1922 года не содержал подобного состава преступления, однако на практике могли применяться нормы, предусматривающие ответственность за убийство. Последующие УК (1926 и 1960 гг) данный вид преступления уже закрепили. Действующий УК РФ (принят в 1996 г) изначально содержал только один состав преступления: доведение до самоубийства, причем законодатель конкретизировал перечень способов. К ним он отнес угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

В 2017 году у российского законодателя появилась необходимость изменения нормы, и он ввел ещё три состава преступления: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, а также статья, предусматривающая ответственность за доведение до самоубийства была дополнена квалифицирующими признаками.

Действия, доводящие лицо до самоубийства или до покушения на него, криминализованы уголовным законодательством ряда государств мира.

Ответственность за обсуждаемое деяние установлена в американском уголовном законодательстве — как федеральном, так и штатов. В США нет единой общенациональной уголовно-правовой системы, что обусловлено особенностями американского федерализма. На территории разных штатов действует свое законодательство, а при определенных обстоятельствах следует применять федеральное право.

Примерный УК США (не является прямо обязательным к применению) содержит норму об ответственности за доведение до самоубийства специальными способами: применение насилия, физическое принуждение или обман. В этой же статье американский законодатель предусмотрел уголовную ответственность за пособничество и подстрекательство в самоубийстве и покушении до него.

В швейцарском уголовном кодексе в ст. 155 указывается, что те, «...кто из корыстных мотивов склоняет кого-либо к самоубийству или оказывает ему в этом помощь, если совершается самоубийство или покушение на него, то наказанием является каторжная тюрьма сроком до 5 лет или тюремное заключение».

Аналогичная норма закреплена на законодательном уровне в уголовном законодательстве Дании (в параграфе 240 [10]) и Швеции.

В УК Австрии предусматривается ответственность за «склонение к самоубийству и оказание помощи потерпевшему в этом» [9].

Итальянское уголовное законодательство трактует виновного как выполняющего роль подстрекателя: «Кто убедит другого совершить самоубийство, или укрепит в нем предположение покончить с собой, или окажет ему каким-либо образом содействие при выполнении самоубийства, наказывается, если самоубийство последовало» [4].

Отличительной особенностью уголовного законодательства Франции является то, что в нем на законодательном уровне закрепляется ответственность за рекламирование и пропаганду товаров, услуг, средств и методов, в результате применения которых появляется возможность причинения себе смерти.

Уголовное наказание виновного, которое с помощью уговоров или оказания помощи приводит человека к совершению самоубийства, предусмотрено и в УК Польши в ст. 151 [13].

При этом в одних странах предусматривается простой вид доведения до самоубийства, а в ряде других, наряду с простым, закрепляется квалифицированный вид, где для усиления ответственности устанавливаются различные способы совершения данного вида преступления.

Ряд государств (Азербайджан, Грузия, Эстония и Литва) выделяют только простой вид доведения до самоубийства и покушение на него. Так, по УК Грузии (ст. 115) [6] сформулирована ответственность за это деяние крайне схоже с российским правом: уголовная ответственность наступает за доведение до самоубийства или покушение на него путем угроз или жестокого обращения с жертвой или систематического унижения её чести или достоинства.

Ст. 125 УК Азербайджана закрепила ответственность за совершение подобного деяния аналогичными способами. Однако право Азербайджана имеет особенность: законодатель обозначает здесь только специального потерпевшего: он должен находиться в материальной, служебной или иной зависимости от виновного [11]. Без факта зависимости данное деяние не будет подпадать под состав преступления.

Уголовный закон Эстонии содержит обязательный для квалификации признак: жестокое обращение с потерпевшим. Жестокое обращение с потерпевшим, согласно разъяснениям, может выражаться в издевательствах.

Литовский законодатель также предусмотрел ответственность за доведение до самоубийства или склонение к нему, указав на специальные способы совершения преступления: жестокое или «коварное обращение» с потерпевшим. При этом существующий в УК РФ способ «угроз» законодатель не выделил, а также не конкретизировал понятие «коварное обращение» [12]. Это в свою очередь породило различия в правоприменительной практике.

Также обязательными для квалификации могут являться и другие признаки. УК Республики Молдавии (ст. 150) предусматривает ответственность за доведение до самоубийства и покушение на него, но только если это явилось следствием травли, клеветы, оскорбления или систе-

матического унижения достоинства жертвы виновным лицом. Квалифицирующим признаком является совершение данных действий в отношении лица, не достигшего совершеннолетия или факт материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного. Также, как и в литовском законодательстве, способ доведения до самоубийства путем угроз не предусмотрен.

Нельзя не отметить, что уголовное право разных стран сильно влияет друг на друга. Так, изменение в 2017 году российским законодателем статей, связанных с доведением до самоубийства, было осуществлено с применением опыта некоторых зарубежных государств. Такой вывод можно сделать и из пояснительной записки к вводимому проекту закона: «Предлагаемый законопроект подход согласуется с международным и зарубежным опытом правового регулирования противодействия суицидам» [3]. При этом, нельзя не отметить и обратную

связь: российское уголовное право так же позитивно воздействует на законодательство зарубежных стран, особенно стран — членов СНГ.

Таким образом, изучив мировой опыт существования и регулирования уголовной ответственности за преступления, связанные с доведением до самоубийства, можно отметить следующее: каждое государство ввиду исторических, политических социальных и иных факторов в процессе законотворчества по-разному подходит к вопросу конструкции состава данного преступления. Используя сравнительно-правовой метод, можно выявить тенденции и перспективы развития данного института, а результаты сравнения возможно использовать при разработке мер усовершенствования российского уголовного законодательства путем интеграции и заимствования мер уголовно-правового характера, применяемых в уголовном праве зарубежных стран.

Литература:

1. Доклад ВОЗ «Предотвращение самоубийств: глобальный императив» 2014 г. с. 53. URL: [http://docviewer.yandex.ru.world_suicide_report_rassion.pdf](http://docviewer.yandex.ru/world_suicide_report_rassion.pdf); URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf.
2. Попытка самоубийства не является преступлением по законам штата Мэриленд. Но человек с восточного берега был осужден за это. URL: <http://www.baltimoresun.com/news/crime/bs-md-suicide-criminal-charge-20180222-story.html>
3. Пояснительная записка к проекту №118634-7 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», вносимому 9 марта 2017 г. депутатом Государственной Думы И. А. Яровой. URL: <http://www.d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/03/UK-suitsid.pdf>.
4. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. [Текст]. — Пер.: Исаев М. М. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. — 175 с.
5. Латыпова, Э. Ю. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: современное состояние проблемы // Материалы XV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики», г. Тольятти, 20-21 апреля 2018 г.: в 3 т. Тольятти, 2018. Т. 3: Актуальные проблемы юридических наук.
6. Уголовный кодекс Индии [Текст]/Пер. с англ. А. С. Михлина; Под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Б. С. Никифорова. — Москва: Изд-во иностр. лит., 1958. — 240 с.; 21 см. (дата обращения 01.09.2022)
7. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие. Часть Общая/под ред. И. Д. Козочкина. М., 2003.
8. Уголовное право зарубежных государств: учебник для бакалавриата и магистратуры. Часть Общая/под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М., 2018.
9. Уголовный кодекс Австрии [Текст]. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. — 352 с.
10. Уголовный кодекс Дании [Текст]. — СПб., Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. — 230 с.
11. Уголовный кодекс Азербайджана [Текст]. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 325 с.
12. Уголовный кодекс Литовской республики. Утвержден законом № VIII — 1968 г. 26 сентября 2000 г. [Текст]/Перевод с литовского/Пер.: Казанскене В. П.; Предисл.: Мацнев Н. И.; Вступ. ст.: Абрамовичус А., Дракшене А.; Науч. ред. и вступ. ст.: Павилонис В. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 470 с.
13. Уголовный кодекс Республики Польша [Текст]. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 234 с.

Сущность и содержание права на равный доступ граждан к государственной службе

Азарова Марина Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье рассматривается сущность и содержание права граждан на доступ к государственной службе. Важно отметить, что данный институт является одним из ключевых для правового государства, так как именно равный доступ на государственную службу призван обеспечить нормальную сменяемость и обновление представителей государственного аппарата, избегая превращения в касту.

Ключевые слова: сущность и содержание, государственная служба, конституционно-правовые гарантии, институт права граждан на доступ к государственной службе, гражданское общество, конституционный строй, права и свободы человека.

Основы права на участие в государственных вопросах формируются возможностью любого лица участвовать в принятии решений, затрагивающих его интересы. Каждый должен иметь возможность участвовать в жизни общества, отстаивать свои интересы, помогать создавать общество, которое также удовлетворяет его интересы и желания. Свобода голосовать и баллотироваться на выборах, а также свобода ассоциаций и собраний являются основными политическими выражениями такого участия. Эти права составляют основу любого представительного, демократического процесса и активного гражданского общества и гарантируют, что общественные дела действительно публичны. Право на участие в управлении государством также неразрывно связано с другими правами, такими как право на образование и право на свободу вести и религии.

Понятие участия шире, чем право голоса или свобода объединений. Это влечет за собой представление о том, что все граждане должны быть вовлечены в процессы принятия решений, которые их затрагивают. Более того, участие лежит в основе основанного на правах человека подхода к развитию и сокращению бедности, при котором бедняки должны рассматриваться как основные действующие лица и стратегические партнеры в целях развития.

После распада СССР в 1991 г. Россия пережила бурный период преобразований системы государственного управления, унаследованной от прежнего руководства. Чтобы понять специфику реформы российской системы государственного управления, необходимо взглянуть на новейшую историю и современное состояние российского государственного управления с точки зрения политико-управленческих отношений в контексте неинституционального подхода.

В российской государственной гражданской службе накопились некоторые хронические проблемы, влияющие на качество государственного управления и приводящие к несоответствию качества компетенций государственных служащих уровню, необходимому для достижения текущих целей и выполнения задач системы государственного управления.

Попытки реформировать российскую госслужбу предпринимаются регулярно. Серьезным приложением к преобразованиям в системе управления персоналом на государственной службе стал Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», предусматривавший внедрение некоторых инструментов, направленных на оценку, развитие и управление служащими государственной службы, но комплексной реформы не произошло; проблемы остались нерешенными.

Спустя восемь лет было объявлено об очередной реформе госслужбы, важнейшей мерой которой должно стать сокращение численности государственных служащих в связи с их недостаточной эффективностью. В соответствии с его публично объявленными целями максимальная численность государственных служащих была снижена на 5% в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти и на 10% в их территориальных подразделениях. Оптимизация государственных служащих необходима для экономии денег, а также может привести к качественным изменениям в управлении. Помимо столь масштабных преобразований «сверху» различные эксперты регулярно озвучивают предложения по реформированию некоторых аспектов государственной и муниципальной службы.

Административные механизмы управления в России не подчинены неразрывно политике; они более сложны и автономны. Широкое распространение получили инновации в духе Нового государственного управления (НПМ), которые в целом отражают рыночный характер экономических отношений. Реформы управления имеют значительный экономический аспект, который проявляется в выборе методов управления на основе критериев эффективности и того, как эти методы воспринимаются различными социальными агентами. Иными словами, «свободно возникающие инновационные идеи проходят через фильтр отбора по критерию эффективности, который определяет, какие из них будут реализованы в массовом масштабе (с учетом эффекта увеличения выгоды от случайного характера оригинальный выбор)» [7, с. 47].

Воздействие административных механизмов на политические институты часто приводит к трансформации первоначальных моделей управленческих решений. Например, процесс коллегиального принятия решений межведомственными рабочими группами государственных органов предполагает взаимодействие политической и административной повестки дня, и вырабатывается компромисс между подходами централизованной командной экономики и рыночной экономики.

Современное право граждан на равный доступ к государственной службе вытекает из следующего конституционного принципа — «носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ». А. А. Безуглова и С. А. Солдатова определяют основные признаки данного понятия:

— Народ как совокупность всего населения страны выступают субъект государственной и негосударственной систем власти;

— Общественные отношения составляют объект суверенной власти, которые представляют общественный интерес в масштабе всей страны;

— В связи с тем, что народ выступает как единое целое и является носителем публичной власти, формируется верховенство суверенитета власти народа [3, с. 89].

Государственный гражданский служащий субъекта РФ — гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной гражданской службы субъекта РФ и получающий денежное содержание (вознаграждение) за счет средств бюджета соответствующего субъекта РФ.

Нанимателем федерального государственного служащего является Российская Федерация, государственного гражданского служащего субъекта РФ — соответствующий субъект РФ. Правовое положение (статус) федерального государственного служащего и государственного гражданского служащего субъекта РФ, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливаются соответствующим федеральным законом о виде государственной службы.

Граждане, замещая государственные должности, реализуют свое право. Право же, согласно Конституции, может быть ограничено в оговоренных Конституциях

случаях только законом. В силу данного положения государственная служба, т.е. выполнение обязанностей по государственной должности, существенно отличается от работы по найму. Во втором случае нанимателем выступает конкретное лицо, а в первом — нанимателем является все общество, от имени которого и принимаются законы.

Граждане России имеют, во-первых, право на поступление на государственную службу (а значит, право быть государственными служащими), во-вторых — де-юре равные стартовые возможности поступления на государственную службу. Однако, конкретизируясь в федеральных законах, это всеобщее право сужается до вполне конкретных условий поступления на тот или иной вид государственной службы.

Более того, смысл формулировки «граждане Российской Федерации имеют...» предполагает отсутствие каких-либо ограничений для тех или иных групп граждан, всеобщность (все граждане России) и безусловность. Декларативность этой формулировке придает хотя бы тот факт, что, например, согласно ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» на государственную службу по контракту вправе поступать граждане, которые должны к тому моменту:

— владеть государственным языком Российской Федерации;

— достигнуть возраста, установленного федеральным законом о виде государственной службы для прохождения государственной службы данного вида.

Иностранные граждане участвуют в государственной гражданской службе в качестве военных служащих по контракту, которое закреплено в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2], что предполагает поступление иностранных граждан на военную службу и замещение ими воинских должностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что сущность права граждан на равный доступ к государственной службе выражается в нормативном закреплении и дальнейшей реализации права граждан на поступление на государственную службу, а де-юре — равные возможности на «старте». Тем не менее стоит помнить о том, что каждый из видов государственной гражданской службы имеет свои ограничения, однако все они реализуются на основе принципа равнодоступности.

Литература:

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (посл. ред.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 11.04.2022).
2. О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (посл. ред.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 11.04.2022).
3. Безуглов, А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России/А. А. Безуглов, С. А. Солдатов. — М. — 2001. — с. 235.
4. Козбаненко, В. А. Публично-правовая природа статуса гражданских и муниципальных служащих: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право/В. А. Козбаненко. — 2009. — № 12. — с. 21-22.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации/Под ред. Ю. В. Кудрявцева. — М.: Фонд «Правовая культура», 2014. — 780 с.

6. Купряшин, Г. Л. Институциональный дизайн и концептуальные направления модернизации государственного управления // Л. Г. Купряшин // Государственное управление. Электронный вестник. — 2011. — № 26. — с. 11-14.
7. Тамбовцев, В. Л. Институциональные изменения в российской экономике // В. Л. Тамбовцева. — Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — с. 44-53.

Некоторые вопросы привлечения к юридической ответственности за незаконное использование «Пушкинской карты»

Акладская Анна Викторовна, студент;

Мищенко Мария Андреевна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

«Пушкинская карта» является новым социальным проектом, направленным на повышение уровня культуры и популяризацию посещения различных музеев, театров, выставок молодежью за счёт средств бюджета Российской Федерации. Данная программа — результат кооперации Министерства культуры Российской Федерации и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации при участии Акционерного Общества «Почта Банк».

Целью работы является исследование некоторых вопросов привлечения к юридической ответственности за незаконное использование «Пушкинской карты», а также информирование молодежи России о правилах ее использования.

В настоящее время данная тема имеет особую актуальность, по причине новизны социального проекта «Пушкинская карта», стартовавшего 1 сентября 2021 года. В настоящее время не все держатели карт в полном объёме изучили все правила и условия использования предлагаемого продукта. Новаторская культурная программа имеет ряд недоработок, в виду которых у недобросовестных граждан появлялась возможность использовать выделенные средства не по назначению. Неправомерные деяния с «Пушкинской картой» были совершены в начале старта программы, в сентябре 2021 года.

Государство предоставляет гражданам меры социальной поддержки, которые согласно федеральному закону от 17.07.1999 «О государственной социальной помощи» оказываются в целях поддержания уровня жизни малоимущих семей, усиления адресности социальной поддержки нуждающихся граждан, создания необходимых условий для обеспечения доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг, повышения доходов населения, снижения уровня социального неравенства [15]. «Пушкинская карта» является по своей правовой природе социальной картой, предназначением которой является создание необходимых условий для общедоступности учреждений культуры и мероприятий для граждан РФ в возрасте от 14 до 22 лет. Номинал карты в 2021 году составлял 3000 рублей. Перечень культурных мероприятий и учреждений доступных для посе-

щения определен в Афише «Пушкинской карты» на сайте «Госуслуги. Культура». В рамках проведения Прямой линии с Президентом Российской Федерации 31 июня 2021 года сам Президент, являясь инициатором создания данной социально-культурной программы, упомянул о скором старте проекта. Уже 31 июля 2021 года вышло Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2021 года № 2122-р «О выделении Минкультуры России в 2021 году из резервного фонда Правительства Российской Федерации бюджетных ассигнований на предоставление субсидии акционерному обществу «Почта Банк»». На реализацию новой программы было выделено 3,9 млрд рублей из резервного фонда Правительства Российской Федерации, а на Министерство Культуры России было возложена функция по контролю за целевым и эффективным использованием бюджетных ассигнований. «Пушкинская карта» является государственной социальной помощью гражданам Российской Федерации со стороны Российской Федерации.

Карта, являясь именной, то есть индивидуальной, предоставляет возможность ее держателю приобрести именные билеты на мероприятия, направленные на культурное просвещение молодых граждан РФ. Выбор учреждения культуры или конкретного мероприятия не ограничен пределами конкретного субъекта Российской Федерации, ведь в программе участвуют более 800 федеральных и региональных учреждений культуры на всей территории Российской Федерации. Более того, билеты, приобретенные с помощью «Пушкинской карты», подлежат возврату, как билеты, приобретенные гражданами за собственные денежные средства.

Обозначим некоторые причины, из-за которых при использовании карты возникали как попытки неправомерных деяний, так и конкретные нарушения законодательства Российской Федерации.

На старте проекта имело место быть нецелевое использование средств «Пушкинской карты» со стороны их обладателей по причине недоработок в защите средств на карте в силу отсутствия опыта реализации таких проектов. Часть держателей карт приобрели с помощью «Пушкинской карты» билеты на мероприятия, ко-

торые не включены в перечень доступных для посещения за счет средств карты, таких как концерты современных поп и рэп исполнителей, которые не способствуют культурному обогащению молодёжи России, пропагандируют ненормативную лексику, употребление алкоголя, табака и наркотических средств. Возможность нецелевого использования денежных средств была заблокирована в течение первой недели с момента запуска программы, однако уже купленные билеты не были аннулированы. Пресс-центр АО Почта Банк 4 сентября 2021 года сообщил, что списанные на нецелевые услуги культурные рубли были возвращены на карты, а заплатил за неправильное расходование бюджетных средств АО Почта Банк [10].

Одной из главных причин незаконного использования молодыми людьми возможностей социального проекта стало малое количество культурных объектов во многих населённых пунктах нашей страны. В связи с данным обстоятельством, молодые люди не находят для себя интересного для посещения места. В связи с отсутствием учреждений культуры в некоторых населённых пунктах, держатели карт находят иной путь получения пользы от карты, который является неправомерным, так как происходит использование карты не в тех целях, которые были установлены. Например, возникает стремление получить малую выгоду от программы «Пушкинская карта» путём продажи карты за более низкую стоимость, чем её номинал. Однако Интернет-ресурсы оперативно отреагировали на незаконные действия, в настоящее время сервисы блокируют подобные объявления. На фоне масштабных попыток конвертации культурных рублей в российскую валюту возникла почва для мошенничества. Как сообщает РИА Новости, в социальных сетях стали распространяться записи с предложением обналить Пушкинскую карту за сумму от 100 до 1000 рублей. После перевода стоимости процедуры злоумышленники исчезали [7].

Проект имеет защиту от многочисленных способов обхода правил использования. Как уже упоминалось, каждая карта именная, соответственно, все билеты на мероприятия, приобретаемые с её помощью, также закреплены лично за её владельцем, соответственно, при входном контроле на культурное событие необходимо предъявить документы, удостоверяющие личность.

Использование «Пушкинской карты» не по назначению было выявлено с первых дней старта данной программы. Однако далеко не все держатели данных карт осведомлены об ответственности, которая может наступить вследствие незаконных действий с картой.

Можно выделить две группы правонарушителей. С одной стороны, нарушения в использовании карты совершаются со стороны держателей карты. С другой стороны, неправомерные действия осуществляют и лица, которые держателями карты не являются.

Со стороны держателей карт были выявлены такие правонарушения: продажа карты (меры социальной под-

держки граждан со стороны государства), обман и злоупотребление доверия с причинением имущественного вреда при продаже карты. В свою очередь, лица, не являющиеся держателями, осуществляют незаконное оформление «Пушкинской карты», обман по услуге обналчивания «Пушкинской карты», использование чужой «Пушкинской карты».

Рассмотрим неправомерные действия со стороны держателей карты. Во-первых, рассмотрим продажу «Пушкинской карты» ее держателем. Как упоминалось выше, «Пушкинская карта» является мерой социальной поддержки со стороны государства, не подлежит продаже или обмену на иные материальные блага, что было сказано министром культуры РФ О.Б. Любимовой [6]. Также ей было уточнено, что данные действия со стороны держателей являются мошенническими. Однако возникает вопрос: наказуемы ли такие действия держателей? На данный момент законодательством Российской Федерации не предусмотрено статьи за продажу социальной карты как меру социальной поддержки, которая предназначена для конкретной категории граждан. Привлечение по статье 159 Уголовного кодекса Мошенничество невозможно, так как никого обмана со стороны держателя не выявлено. Однако, если держатель карты при продаже уверяет покупателя в отсутствии проблем при дальнейшем использовании, данные действия следует квалифицировать по статье 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ведь держатель карты — продавец вводит в заблуждение покупателя с целью получения денежных средств от покупателя, причиняя ему имущественный вред. Дальнейшее использование карты покупателем невозможно, так как карта именная и оформлена на бывшего владельца, соответственно билеты, полученные с помощью карты будут оформлены на бывшего владельца.

На интернет-порталах лица, не являющиеся держателями карты выставляли предложения по обналчиванию Пушкинской карты с переводом денежных средств держателю. До момента блокировки подобных предложений, цена на услугу по обналчиванию не превышала 1000 рублей. Алгоритмы защиты карты не предоставляют возможности ее обладателю перевести «культурные рубли» на иные карты для личных целей. Лица, представляющие предложения по обналчиванию, совершают обман, вводят в заблуждение держателя карты о возможности проведения такой операции и вывода культурных рублей, так как на данный момент перевод денежных средств с «Пушкинской карты» невозможен. Такие действия со стороны лиц, предоставляющих услугу обналчивания, следовало бы квалифицировать по статье 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так как лицо, осуществившее операцию по обналчиванию, причиняет имущественный вред держателю карты путем обмана и злоупотребления доверием держателя. Однако как сле-

дует поступить, если данное административное правонарушение имеет систематический характер? Привлекать лицо по одной и той же статье Кодекса РФ об административных правонарушениях не представляется целесообразным. Поэтому для пресечения данных деяний при их систематическом характере было бы целесообразно ввести уголовно-правовую норму, устанавливающую уголовную ответственность за причинение имущественного вреда путем обмана или злоупотребления доверием лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия.

Рассмотрим действия со стороны лиц, которые держателями «Пушкинской карты» не являются.

Лицами, не имеющими права на получение «Пушкинской карты» (граждане Российской Федерации младше 14 и старше 22 лет, иностранные граждане и лица без гражданства) совершались попытки ее оформления, которые не приводили к незаконному владению картой благодаря мерам защиты программы посредством идентификации через «Госуслуги» или представления документов в банке-участнике программы. Однако, если у лица все же получилось незаконно оформить карту на свое имя путем предоставления в учреждения и органы, оформляющие карту или проводившие подтверждение аккаунта на «Госуслугах», заведомо ложных недостоверных сведений или путем умолчания о прекращении оснований для получения социальных выплат, такие действия следовало бы квалифицировать по статье 159.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации [14].

Лица, покупающие Пушкинские карты (лица, которые не являются держателями), ответственности не подлежат, ведь сама покупка карты через Интернет-ресурс не является ни правонарушением, ни преступлением. Лицо, которое приобрело чужую Пушкинскую карту не сможет посещать культурные мероприятия, ведь билет выдается на имя оформившего карту гражданина, а на входе в культурное учреждение с лица потребуют документ, удостоверяющий личность, и в случае выявления несоответствия, лицо на мероприятие допущено не будет. Действия со стороны учреждения, оказывающие услуги по культурному досугу, при предъявлении гражданами именных билетов зафиксированы в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре», утвержденных ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1.

Но является ли использование чужой карты преступлением или правонарушением? Если мы обратимся к законам субъектов, то незаконное использование чужой льготной карты, которая также является мерой социальной поддержки, квалифицируется как правонарушение, за которое предусмотрено наказание чаще всего в виде административного штрафа. Например, в Московской области за неправомерное использование документа, представляющего право на льготный проезд в наземном транспорте установлен штраф в размере 2500 рублей [4]. Однако «Пушкинская карта», являясь новой программой,

не защищена от подобных действий юридически. Использование чужой «Пушкинской карты» также, по нашему мнению, не может квалифицироваться по статье 159.2 Уголовного Кодекса, так как покупатель приобрел карту посредством купли-продажи, а не незаконного оформления карты. Люди, которым будет отказано учреждением культуры в посещении мероприятия в виду несоответствия личности-держателя карты и лица, пришедшего на мероприятие, ответственности не понесут, ведь благодаря контролю на входе их деяние — незаконное нахождение на мероприятии за счет средств карты — совершено не будет. А люди, которых в силу разных обстоятельств все-таки проникли на мероприятие также не должны привлекаться к ответственности по статье 159.2 Уголовного Кодекса РФ, так как их деяние не несет общественной опасности и будет рассматриваться по юридической категории малозначительность.

Однако не каждый держатель карты может быть привлечён к юридической ответственности. Как упоминалось ранее, минимальный возраст получения «Пушкинской карты» составляет 14 лет. А административная ответственность по статье 7.27.1 КоАП и уголовная ответственность по статьям 159, 159.2, 159.3 УК РФ, предусмотрена для лиц от 16 лет. Граждане с 14 до 16 лет привлечены к ответственности не будут, что способствует распространению среди данной категории граждан криминальных замыслов в виду безнаказанности, что влияет на увеличение незаконных действий среди держателей карты от 14 до 16 лет. Лица от 16 лет, совершающие юридически наказуемые действия с картой, уже подлежат ответственности.

Попытка привлечь молодых граждан Российской Федерации к культурной жизни страны дала возможность молодым людям свободно посетить разнообразные мероприятия и учреждения, вошедшие в культурный досуг. Программа показала хорошую заинтересованность той части молодежи, оформившую «Пушкинскую карту», в искусстве, поэтому дальнейшую реализацию программа получила и в 2022 году, в котором сумма средств, которые граждане могут потратить на культурный досуг, достигла 5000 рублей. На момент середины мая 2022 года Пушкинской картой пользуются 3 млн человек, о чем сообщила вице-премьер РФ Татьяна Голикова на просветительском марафоне «Новые горизонты» [2]. Вопрос о расширении категорий граждан-участников данной программой уже активно обсуждается. Заместитель министра культуры РФ Ольга Ярилова сообщила, то Пушкинская карта стала доступной к оформлению военнослужащих от 14 до 22 лет, которые проходят обучение в военных образовательных организациях [3]. Также предлагается распространить действие карты на многодетные и малообеспеченные семьи, а также на пожилых людей и инвалидов.

Подводя итоги, хочется уточнить, что «Пушкинская карта» — мера социальной поддержки молодых граждан России, которая направлена на достижение четко определённой цели — обеспечение доступности посещения

культурных мероприятий и учреждений. Использование карты в иных целях, кроме прямо для неё предусмотренных по организации гражданами своего культурного досуга, недопустимо. Возможное увеличение категорий

граждан, имеющих право на получение Пушкинской карты и продление карты на десятилетие делают вопрос о привлечении к ответственности недобросовестных пользователей лишь более актуальным.

Литература:

1. АО Почта Банк: официальный сайт. — режим доступа: <https://www.pochtabank.ru/news/707552> — текст: электронный
2. Голикова заявила, что Пушкинской картой активно пользуются 3 млн человек // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/kultura/14655901> (дата обращения: 19.05.2022).
3. Действие «Пушкинской карты» распространили на военных // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/kultura/14613917> (дата обращения: 19.05.2022).
4. Закон Московской области № 37/2016-ОЗ «Кодекс Московской области об административных правонарушениях» // Интернет-портал Правительства Московской области (<http://mosreg.ru>).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.
6. Любимова предупредила о мошенниках, продающих «Пушкинскую карту» // РИА НОВОСТИ. 2021. <https://ria.ru/20210907/lyubimova-1749071401.html> (дата обращения: 15.10.2021) Текст: электронный.
7. Махинации и «обнал»: недетские шалости вокруг «Пушкинских карт» // Новости России, СНГ и мира ИА REGNUM. 2021. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3364028.html> (Дата обращения: 15.10.2021) Текст: электронный
8. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 30.04.2021) // «Ведомости СНД и ВС РФ», 19.11.1992, № 46, ст. 2615.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». № 2. 2018
10. Почта Банк подарит оплаченные «Пушкинской картой» билеты на концерты // Известия. 2021. <https://iz.ru/1217253/2021-09-05/pochta-bank-podarit-oplachennye-pushkinskoi-kartoi-bilety-na-kontcerty> (дата обращения: 15.10.2021) Текст: электронный.
11. Президент Российской Федерации: официальный сайт. — Москва. — режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 14.10.2021). — Текст: электронный;
12. Приказ Минкультуры России от 29.06.2020 № 702 (ред. от 04.08.2021) «Об утверждении форм билета, абонеента и экскурсионной путевки (в том числе форм электронного билета, электронного абонеента и электронной экскурсионной путевки) на проводимые организациями исполнительских искусств и музеями зрелищные мероприятия как бланки строгой отчетности» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.09.2020 № 59670) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2020;
13. Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2021 № 2122-р «О выделении Минкультуры России в 2021 году из резервного фонда правительства российской федерации бюджетных ассигнований на предоставление субсидии акционерному обществу «Почта Банк»» // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 09.08.2021. № 32. Ст. 6059;
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.;
15. Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственной социальной помощи» // «Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. ст. 3699.

Понятие и признаки обособленного спора в деле о банкротстве

Алешин Владислав Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В данной статье автором посредством проведения анализа норм действующего законодательства и позиций ученых исследуются основные признаки обособленных споров в деле о банкротстве. Делается вывод о том, что в настоящее время проблематика обособленных споров (как единого правового явления) не получила должной разработанности в юридической науке. По результатам проведенного исследования формулируется понятие обособленного спора.

Ключевые слова: обособленные споры, понятие обособленного спора, признаки обособленных споров.

Актуальность проведения исследования понятия и признаков обособленных споров в деле о банкротстве характеризуется, во-первых, распространенностью данных споров, при осуществлении банкротства. Так, как показывает анализ правовой статистики, в 2020 году было рассмотрено 142524 обособленных спора в рамках дел о банкротствах. При этом следует понимать, что обособленные споры, являют собой «движущую силу дела о банкротстве», т. к. целевым назначением абсолютно любого обособленного спора является либо финансовое оздоровление, либо же максимально полное погашение обязательств должника. Вместе с тем, в настоящее время юридической наукой обособленные споры (как отдельная категория споров в деле о банкротстве) характеризуются достаточно слабой научной разработанностью, т. к. ученые в основном подробно анализируют отдельные разновидности обособленных споров, тогда как комплексных исследований данного правового явления достаточно мало. Представляется, что в настоящее время, в условиях активного развития законодательства о несостоятельности (банкротстве), следует особое внимание уделять и обособленным спорам и изначально необходимо остановиться именно на понятии и признаках обособленных споров, что является «отправной» точкой для дальнейшего исследования по данной теме.

Если мы проанализируем актуальную юридическую литературу, то можем сделать вывод о том, что вопросами, связанными с осмыслением понятия и признаков обособленных споров, занимались такие авторы как: Подольский Ю. Д. [1], Солодилов А. В. [2], Малькова М. Д. [3] и другие авторы. Рассмотрев работы данных исследователей, а также положения Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4], можно отметить следующее.

В настоящее время отсутствует законодательное определение понятия «обособленный спор в деле о банкротстве». С учетом данного обстоятельства, различными авторами по-разному формулируется определение указанной категории юридических споров. Приведем некоторые точки зрения по данному вопросу.

К примеру, Подольский Ю. Д. указывает на то, что: «обособленный спор — это факультативное гражданское дело, требующее разрешения спора о субъективном праве, имеющее взаимную юридическую связь с процессуальным

правоотношением по урегулированию несостоятельности должника, в котором с участием определенного законом круга субъектов (участников дела о банкротстве) устанавливается самостоятельный предмет доказывания. Обособленный спор инициируется для защиты нарушенных прав и законных интересов участников дела о банкротстве. В результате рассмотрения обособленного спора выносится итоговый судебный акт, влияющий на рассмотрение дела о банкротстве» [1, с. 31]. Другой автор, Малькова М. Д. указывает на то, что: «обособленный спор — это предъявленное в рамках рассмотрения дела о банкротстве для разрешения в определенном процессуальном порядке материально-правовое требование одного лица (лиц) к другому, вытекающее из неразрывно связанного с делом о банкротстве материального правоотношения и основанное на определенных юридических фактах» [3, с. 1294].

В целом указанный перечень позиций авторов можно было бы и продолжить далее, в целом же можно констатировать факт того, что несмотря на различные формулировки, практически всеми авторами определяются существенные признаки обособленного спора в деле о банкротстве:

— признак «обособленности» рассматриваемой разновидности спора (собственно почему и данная категория споров носит наименование именно «обособленных споров») подразумевает собой, что данный спор требует отдельного судебного рассмотрения, в нем наличествует спор о праве, соответственно данная категория споров рассматривается в порядке искового производства;

— признак юридической связи обособленного спора и дела о банкротстве, что подразумевает собой неразрывную связь обособленного спора с делом о банкротстве, которое уже рассматривается в арбитражном суде (при этом с делом о банкротстве связаны собственно основания возникновения обособленного спора, лица которые участвуют в деле, последствия рассмотрения и разрешения обособленного спора также имеют значение для дела о банкротстве и т. д.);

— признак факультативности обособленного спора по отношению к делу о банкротстве, что подразумевает собой, что обособленный спор имеет «дополнительный» характер по отношению к делу о банкротстве, разрешение обособленного спора для дела о банкротстве по своей сути

не является обязательным условием, обособленный спор может возникнуть только лишь при условии его инициирования одной из сторон в деле о банкротстве, при этом инициирование рассмотрения данного спора является правом стороны;

— признак особого субъектного состава обособленного спора подразумевает под собой, что хотя и лица участвующие в обособленном споре также могут являться лицами участвующими в деле о банкротстве, все же субъектный состав обособленного спора в целом не совпадает с субъектным составом дела о банкротстве;

— признак особого предмета доказывания, который предполагает собой, что предмет доказывания в рамках обособленного спора не совпадает с предметом доказывания по делу о банкротстве, и по своей сути имеет полностью самостоятельный характер;

— признак специального правового регулирования рассмотрения и разрешения обособленных споров в деле о банкротстве, что предусматривает существование специальных процессуальных правил, связанных со специальными процессуальными сроками рассмо-

трения тех или иных обособленных споров, особым порядком распределения судебных расходов и т. д.

Таким образом, проведя анализ точек зрения ученых относительно понятия обособленного спора в деле о банкротстве, а также выделив существенные признаки данной разновидности споров, мы можем предложить собственное определение рассматриваемой правовой категории. На наш взгляд обособленный спор в деле о банкротстве является собой факультативное по отношению к делу о банкротстве гражданское дело, которое рассматривается в порядке искового производства (в своей основе имеет спор о праве), которое имеет неразрывную связь с делом о банкротстве (инициирование обособленного спора происходит при рассмотрении дела о банкротстве), особый субъектный состав и отдельные правила рассмотрения и разрешения указанной категории споров. В основе обособленного спора лежит определенное материально-правовое требование, которое одного субъекта к другому, которое вытекает из связанного с делом о банкротстве материального правоотношения и которое основывается на определенных юридических фактах.

Литература:

1. Подольский, Ю. Д. Понятие и признаки обособленных споров в деле о банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. 171 с.
2. Солодилов, А. В. Обособленные споры в деле о банкротстве: к вопросу о соответствии законодательства фактической процессуальной деятельности // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 3. с. 45-53.
3. Малькова, М. Д. Особенности рассмотрения обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве) // XVI КОРОЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. сборник материалов Международной молодежной научной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю. А. Гагарина, в 3 томах. Самара, 2021. с. 1294-1295.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

О юридической ответственности должностных лиц

Анощенко Валентин Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье рассматривается вопрос реализации одного из важнейших элементов административно-правового статуса должностных лиц — юридической ответственности. Исследование применения юридической ответственности происходит на примере муниципальных служащих, и выделяется дисциплинарная ответственность, административная ответственность, материальная ответственность и уголовная ответственность. Выделены проблемы применения дисциплинарной ответственности по отношению к муниципальным служащим, ввиду чего предложены соответствующие изменения в нормы действующего законодательства.

Ключевые слова: должностные лица, административно-правовой статус, элементы административно-правового статуса, юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность

Действующая система государственного управления образует объемный взаимосвязанный механизм, который включает в себя множество элементов и в настоящее время деятельность органов государственной и муниципальной власти невозможна без эффективной

деятельности их должностных лиц, под которыми по мнению автора О. А. Тюфяковой, понимается служащий, относящийся к определённой особой категории, который наделен исполнительно-распорядительными полномочиями, а также осуществляющий функции, но-

сящие юридический властный характер и которые влекут за собой соответствующие правовые последствия [7, с. 353].

Должностные лица, в свою очередь, наделены определенным перечнем функций, прав, обязанностей, запретов, ограничений, полномочий, льгот, а также несут юридическую ответственность, что составляет их административно-правовой статус. Дополнительно стоит отметить, что под административно-правовым статусом должностного лица, по мнению О.М. Карбутовой, понимается положение должностного лица, непосредственно урегулированное нормами права и выражающее наличие у должностного лица дополнительных прав и обязанностей, которые важны для осуществления служебной деятельности в органах государственной власти, органах местного самоуправления, а также в других органах, и иных организациях вне зависимости от формы собственности и устанавливающее в том числе пределы ответственности данных лиц [6, с. 88].

В свою очередь, административно-правовой статус определяет существенные связи должностного лица с органами государственного и муниципального управления, ввиду чего правовой статус должностного лица имеет административно-правовой характер и напрямую относится к сфере регулирования Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

При исследовании вопроса элементов административно-правового статуса должностных лиц наибольшую актуальность представляет их юридическая ответственность. В этой связи стоит отметить, что юридическая ответственность должностных лиц включает в себя систему правовых отношений, возникающей ввиду применения мер принуждения к должностным лицам из-за определенного поведения, противоречащего нормам действующего законодательства, и ввиду чего должностное лицо должно претерпеть отрицательные последствия для себя из-за совершения определенного проступка, правонарушений или преступления.

Но ввиду того, что категория понятия «должностные лица» весьма объёмная и включает в себя различных представителей власти как федерального, так регионального и местного уровня, данная научная работа посвящена рассмотрению особенностей юридической ответственности муниципальных служащих как отдельного вида должностных лиц.

Как указывает А.Г. Грунин, «существует несколько уровней нормативно-правовых актов, которыми регламентируется юридическая ответственность участников муниципальных правовых отношений: федерального уровня, уровня субъектов Российской Федерации и муниципального уровня» [5, с. 54].

Основание возникновения правоотношений при возникновении юридической ответственности на муниципальных служащих, специфика совершенных нарушений, применяемых санкций, а также иных критериев определяют четыре ключевых вида юридической ответственности

муниципальных служащих: дисциплинарную ответственность, административную ответственность, материальную ответственность и уголовную ответственность.

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих применяется только в рамках действующих служебных правоотношений, и в обязательном порядке должен быть подтвержден факт совершения дисциплинарного проступка и наличие вины муниципального служащего, а также наличие карательной санкции в виде дисциплинарных взысканий. Согласно статье 27 Федерального закона от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения муниципальным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя (работодатель) имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор и увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям [4]. Исходя из анализа данной нормы стоит отметить проблему наделения работодателя (представителя нанимателя) правом, а не обязанностью применять к муниципальным служащим мер дисциплинарных взысканий ввиду совершения дисциплинарного проступка. Данное законодательное предоставление вышеотмеченного права работодателю может привести к минимизации привлечения виновных лиц в совершении дисциплинарного проступка, что также может повлиять на нарушение служебной дисциплины в коллективе муниципального органа. Также имеется проблема отсутствия законодательного закрепления обязанности проведения служебной проверки при каждом случае совершения дисциплинарного проступка со стороны муниципальных служащих, что может приводить уже непосредственно к нарушению прав данных муниципальных служащих.

Административная ответственность муниципальных служащих согласно статье 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях возлагается на должностные лица, в том числе и на муниципальных служащих, в случае совершения ими административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей [3]. Также стоит дополнить, что муниципальные служащие могут привлекаться к административной ответственности и за совершение в том числе общих административных правонарушений, как обычные граждане Российской Федерации, к примеру, за нарушение правил дорожного движения.

Материальная ответственность муниципальных служащих выражается в осуществлении возмещения виновным муниципальным служащим причиненного им имущественного ущерба либо вреда, и не исключается возможность одновременного привлечения виновного лица в том числе и к дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем, отдельного нормативно-правового акта о материальной ответственности муниципального служащего нет, поэтому применяются нормы Трудового кодекса РФ, к примеру, статей 235, 236, 237 Трудового кодекса РФ [2].

Уголовная ответственность муниципальных служащих наступает ввиду совершения виновного противоправного деяния, которое включает в себя совокупность признаков состава преступления, санкции за совершение которого установлены в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ [1]. Категории преступлений, за совершение которых муниципальные служащие могут привлекаться к уголовной ответственности, содержатся в главе 30 Уголовного кодекса РФ, которая включает в себя преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Или, к примеру, глава 19 Уголовного кодекса РФ также включает в себя отдельные составы преступлений, за совершение которых муниципальные служащие могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Рассмотрев особенности видов юридической ответственности муниципальных служащих, считаем необходимым для разрешения проблемы применения дисциплинарной ответственности к муниципальным служащим, внести изменения в часть 1 статьи 27 Федерального закона от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной

службе в Российской Федерации» и изложить ее в следующем виде:

«1. За совершение дисциплинарного проступка — неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей — представитель нанимателя (работодатель) обязан применить следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям».

Также предлагается ввести часть 4 статьи 27 Федерального закона от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» следующего содержания:

«4. Для назначения дисциплинарного взыскания обязательно проведение служебной проверки в каждом конкретном случае совершения дисциплинарного проступка».

Таким образом, введение данных изменений позволит совершенствовать процесс привлечения муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности, как посредством защиты прав муниципальных служащих ввиду обязательности проведения служебных проверок, так и позволит соблюдать служебную дисциплину и неотвратимость ответственности за совершенный дисциплинарный проступок.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (часть I). ст. 3.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). ст. 1.
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 26.05.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. ст. 1152.
5. Грунин, А. Г. Подходы к классификации компенсационных механизмов и юридической ответственности в отношении муниципальных служащих // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. № 21. с. 52-59.
6. Корбутова, О. М. Понятие административно-правового статуса и применение его к должностному лицу // Инновационная наука. 2021. № 11-1. с. 86-88.
7. Тюфякова, О. А. Формирование и развитие понятия должностного лица // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). с. 351-353.

Некоторые особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности как совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего

Арсланова Диана Маратовна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В статье рассматривается использование оценочного признака «беспомощное состояние» при квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних лиц. Исследуются имеющиеся при расследовании половых преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния, практические проблемы и иллюстрируются пути их решения.

Ключевые слова: беспомощное состояние, несовершеннолетние, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности.

Признак беспомощного состояния потерпевшего является предметом дискуссии уже многие десятилетия, это вызвано отсутствием его дефиниции в уголовном законодательстве. В связи с этим у субъектов правоприменения возникают трудности при осуществлении верной квалификации, в частности при совершении преступления в отношении такой малозащищенной категории граждан как несовершеннолетние лица, чьи права находятся под особой охраной государства.

Российскому обществу в настоящее время свойственно стремительное развитие общественных отношений, обусловленное постоянным прогрессом в различных сферах жизни, в связи с этим государству необходим гибкий законодательный механизм, позволяющий вовремя предотвратить возможные нарушения, не допустив ущемления прав и законных интересов человека и гражданина. Как известно, в соответствии с частью 1 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет [1]. Поэтому для законодательства нашего государства характерно наличие оценочных признаков, которые превращают правовые нормы в руках правоприменителя в эффективный способ защиты, ибо четкая законодательная регламентация дефиниций в некоторых случаях создавала возможность ухода правонарушителей от ответственности. Ведь закон, вносящий изменение, распространял свое действие только на деяния, совершенные после вступления его в силу, в то время как послужившее причиной для реформирования преступное действие (бездействие) осталось безнаказанным.

Одним из оценочных признаков в уголовном праве является беспомощное состояние потерпевшего [2]. Необходимо отметить, что законодатель не раскрывает его сущность, однако позиция излагается в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Так, под потерпевшим, находящимся в беспомощном состоянии, при умышленном убийстве понимается лицо, которое не может оказать активное сопротив-

ление преступнику, вследствие физического или психического состояния. Обязательным условием также является осознание указанного факта лицом, совершающим преступление. Верховным судом перечислены категории граждан, относящихся к беспомощным: «тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [3].

Несколько отлична позиция высшей судебной инстанции при квалификации половых преступлений. Помимо названных условий при характеристике убийства, беспомощное состояние потерпевшего не содержит исчерпывающего ряда признаков. В Пленуме отмечается возможность наличия «иных обстоятельств, когда пострадавший не мог понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному». Отмечается также, что «беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом не имеет значения, было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий» [4].

Проиллюстрированный подход к определению беспомощного состояния можно обозначить в теории уголовного права как объективный (законодательный).

Отсутствие четкой законодательной регламентации создает почву для дискуссии в правовом поле среди ученых-юристов, и такой признак как «беспомощное состояние» не является исключением. Анализ теоретического материала позволяет выделить второй подход — субъективный (этический), который можно разделять на широкий и узкий.

Так, согласно широкому подходу исследователями, помимо отраженных признаков в судебной практике высшей инстанции, относятся к беспомощности состояние сна и гипноза. Однако судебским сообществом сон

понимается как естественное физиологическое состояние (в частности, применительно к убийству), в то время как гипнотическое состояние вообще не признается в качестве характеризующего признака беспомощного состояния, в силу отсутствия критериев (методических рекомендаций) определения нахождения лица в гипнозе или трансе и наличие возможности пребывания в таком состоянии в принципе.

В рамках этического подхода можно также выделить и узкий, согласно нему преступление признается совершенным в отношении беспомощного лица в связи с тем, что потерпевшему причиняются дополнительные, помимо причиняемых преступлением, страдания, так как он осознает происходящие с ним во время противоправных действий события, но в силу различных обстоятельств не может оказать необходимого сопротивления для их прекращения. Такой подход в некоторой степени представляется нарушающим принцип справедливости, так как исключает из круга потерпевших лиц, которые в силу физических или психических недостатков не осознают фактические обстоятельства (например, душевнобольные и младенцы).

Необходимо заострить внимание на правовых проблемах, возникающих при расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, квалифицирующихся как совершенные с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Данная категория преступлений обладает повышенной степенью общественной опасности как в силу особенностей потерпевшего лица, так и вследствие высокого уровня латентности. Зачастую эта категория преступлений выявляется спустя длительные промежутки времени, в силу того что пострадавшие пребывают в состоянии страха и стыда, а также опасаются осуждения со стороны членов семьи и близкого окружения. В то же время анализируемая категория преступления нередко характеризуется множественностью эпизодов.

При наличии нескольких эпизодов преступления на первоначальной стадии расследования следователи сталкиваются с проблемой определения времени совершения преступного действия, а также характеристикой физического и психического состояния потерпевшего лица в указанный момент. Это обусловлено, как правило, эмоциональным состоянием потерпевшего на момент совершения преступления, а также болезненностью воспоминаний во время проведения следственных действий. Помимо этого, известно, что подвергшиеся преступным деяниям лица, в момент совершения преступления в силу малолетнего возраста не обладают знаниями о датах, месяцах, временах года, что осложняет определение времени совершения преступления. Кроме того, отсутствие познаний о половых отношениях (в частности, у детей дошкольного возраста) создает затруднения при расследовании, которые, однако, компенсируются и преодолеваются осуществлением производства по уголовному делу наиболее опытными следователями, а также сопро-

вождением компетентным психологом-педагогом, благодаря познаниям которых восстанавливается последовательность событий без нанесения дополнительных психологических травм ребенку.

Так, например, гражданином О. на протяжении трех лет совершено 17 эпизодов развратных действий в отношении малолетней А. На момент совершения первого преступления малолетней А. исполнилось 12 лет, а на момент пресечения противоправных действий было уже 14. В силу продолжительности совершения развратных действий возникла сложность при разграничении в указанные промежутки времени совершения преступления в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, и в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, но достигшего четырнадцатилетнего. Затруднение обуславливалось и психологическим состоянием пострадавшей. В процессе расследования преодолеть вышеуказанные проблемы позволило проведение комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы в отношении малолетней. Комиссии экспертов следователем поставлены вопросы о возможности осознания малолетней совершаемых в отношении нее деяний с обозначением промежутков времени, в которые совершались преступления, с разбивкой по возрасту ребенка — 12, 13 и 14 лет соответственно, что позволило при предъявлении обвинения вменить признак нахождения в беспомощном состоянии в момент совершения преступлений в отношении потерпевшей до достижения четырнадцатилетнего возраста, тем самым исключив необоснованное вменение указанного признака по достижению потерпевшей четырнадцатилетнего возраста.

Квалификация деяния как изнасилования предполагает в качестве признака не только применение насилия либо угрозу его применения, но и как альтернативу — совершение преступных действий в отношении потерпевшей, находящейся в беспомощном состоянии. То есть исходя из законодательства, применение насилия по отношению к потерпевшей не является обязательным условием для квалификации деяния как изнасилования, равно как и сопротивление потерпевшей, если она находится в беспомощном состоянии. Отсутствие акта борьбы и агрессивного поведения со стороны субъекта преступления не свидетельствует о добровольности вступления потерпевшей в половую связь.

Так, в Астраханской области возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 134 УК РФ, по подозрению двадцатилетнего С. в совершении полового сношения с тринадцатилетней К. Из материалов дела следовало, что С. и К. изначально поддерживали дружеские отношения, которые со временем переросли во взаимную симпатию, следствием которой стало совершение (исходя из показаний подозреваемого и потерпевшей) добровольного полового акта по обоюдному согласию. Однако по результатам проведения комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы малолетней, К. по уровню своего психического

развития и осведомленности в вопросах половых отношений, не могла правильно понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий и оказывать сопротивление в момент совершения полового акта. В связи с этим деяние на стадии предварительного расследования подлежало переквалификации на п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ — изнасилование, то есть половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста. Необходимо отметить, что в настоящее время С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ.

На практике встречаются ситуации, когда беспомощное состояние обусловлено эмоциональным состоянием, например, начавшейся панической атакой, повышенным чувством тревожности, а также оцепенением и парализацией движений, в результате чего потерпевшая не способна оказать сопротивления. В подобных случаях традиционно в заключении комиссией экспертов постановляются следующие выводы: «...с учетом осведомленности в вопросах половой жизни потерпевшая могла понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий. С учетом малолетнего возраста (13 лет), ее эмоционального состояния в исследуемый период с переживаниями страха, испуга за свою жизнь, факта меньшей физической силы по сравнению с обвиняемым она не могла оказывать активное сопротивление в период совершения в отношении нее противоправных действий» [5].

Нередки случаи, когда пострадавшие, сохраняя способность к осознанному восприятию фактических обстоятельств преступления тем не менее не могли оказать сопротивление злоумышленнику. Подавление воли у потерпевших может возникнуть из-за индивидуальных особенностей, например, легкой внушаемости, излишней доверчивостью, воспитания в токсичных семьях. Также известно, когда преступления совершались в отношении детей, чьи семьи признаны неблагополучными, а соответственно жертвами становились лишненные родительского внимания и заботы, зачастую, подвергавшиеся домашнему насилию, то есть лица, чьи представления о моральных ценностях отличны от традиционных и, порой, способны воспринимать сексуальные отношения иначе.

Исходя из вышеуказанных следственных ситуаций, необходимо отметить, что, принимая к производству уголовное дело о преступлении, где потерпевшим является «уязвимое» и наименее «защищенное» лицо, в том

числе малолетнее, необходимо с особой внимательностью подходить к выполнению следственных действий. Как известно, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, но при квалификации преступления важно руководствоваться заключением комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы, так как показывает практика, оно имеет решающее значение при предъявлении обвинения в окончательной редакции.

Таким образом, установление в федеральном законодательстве оценочных признаков, в частности «беспомощное состояние» целесообразно, что подтверждается разнообразными примерами из судебной-следственной практики. Установление категоричной и «жесткой» дефиниции не позволило бы в полной мере реализовать принцип справедливости, снизив либо увеличив объем предъявленного обвинения и соответственно назначенного наказания при постановлении приговора, тем самым также не позволив сопоставить квалификацию преступления в соответствии с совершенными действиями. Кроме того, такая законодательная норма послужила бы ограничением при расследовании «новых» видов преступлений. Законодатель, устанавливая оценочный признак беспомощного состояния потерпевшего, доверяет бремя окончательной квалификации правоприменителю с целью исключения необоснованного привлечения к ответственности, а также наоборот — невозможности избегания ее в случае совершения преступления, ранее неизвестного судебной-следственной практике. Само понятие «беспомощность» предполагает совершение преступления повышенной степени общественной опасности, так как потерпевшим лицом выступает субъект права, чья охрана находится под особым контролем. Поэтому реформирование законодательства, предлагаемое многими исследователями, в части определения четких границ беспомощного состояния излишне, так как существует угроза, что такая новелла парализует дальнейшую работу правоприменительных органов, не допустив осуществления индивидуальной оценки совокупности имеющихся доказательств, осуществив расширение или сужение понятия, следствием которого будет являться неправильная квалификация. Ведь пострадавшим является лицо, нуждающееся в гарантированной защите, а задача уголовного судопроизводства и правоохранительных органов в том числе — защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954
2. Васько, Е. В., Сафуанов Ф. С. Психолого-правовая оценка беспомощного состояния несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия // Юридическая психология. 2009. № 3. с. 16-20.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 1999

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. № 284. 12.12.2014
5. Шиян, В. Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. 2014. № 5. с. 103-105.

Признаки ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда

Баталин Александр Валерьевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию признаков ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Рассматриваются основные точки зрения на общее понятие юридической ответственности и ответственности из возмещения вреда в соответствии со ст. 1070 ГК РФ. Высказывается авторская позиция относительно возможности выделения положительной и негативной форм ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

На основе критического анализа высказанных в научной литературе мнений автором делается вывод о родовых и специфических признаках данного вида ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, ответственность из причинения вреда, негативная ответственность, положительная ответственность, правонарушение, незаконные действия, виновное лицо, неблагоприятные последствия, государственное принуждение.

Signs of liability from compensation for damage caused by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court

Batalin Aleksandr Valeryevich, student master's degree
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the study of the signs of responsibility for the harm caused by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court. The main points of view on the general concept of legal liability and liability for damages in accordance with p. 1070 of the Civil Code of the Russian Federation are considered. The author's position is expressed regarding the possibility of distinguishing positive and negative forms of liability from compensation for damage caused by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court.

Based on a critical analysis of the opinions expressed in the scientific literature, the author concludes about the generic and specific features of this type of responsibility.

Keywords: legal responsibility, liability from causing harm, negative responsibility, positive responsibility, offense, illegal actions, guilty person, adverse consequences, state coercion.

Общественные представления о справедливости государственно-правового развития строятся не только в результате оценки действенности государственной защиты от преступных посягательств на субъективные права и законные интересы граждан, но и на основании сложившегося мнения о законности деятельности правоохранительных органов. Ярким показателем этого является сложившаяся практика возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Изучение проблемы возмещения вреда, нанесенного в результате противоправных действий должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и рассмотрение дела в суде, представляет большой исследовательский интерес, т.к. имеет непреложное теоретическое и прикладное значение. Сложности методологического характера, с которыми исследователь сталкивается при изучении понятия и сущности ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, обусловлены несколькими факторами, среди

которых можно назвать комплексность института, регулирующего данные правоотношения, особенности субъектного состава, специфичность правового регулирования общественных отношений в указанной сфере и др.

Исследование вопросов ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, следует начинать, прежде всего, с уяснения сущности юридической ответственности вообще и гражданско-правовой ответственности в частности. Следующим необходимым этапом исследования является изучение особенностей ответственности, вытекающей из факта причинения вреда. При этом следует учитывать, что ответственности из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, хотя и соотносится с указанными правовыми категориями как частное проявление целого, тем не менее, обладает и собственными, довольно специфичными признаками.

Под юридической ответственностью в юридической науке чаще всего понимают применение к виновному лицу мер публично-правового принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы [8, с. 592], состояние, когда правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия, лишения вследствие нарушения юридической нормы [11, с. 14], институт, регулирующий деликтные отношения методом наказания правонарушителей [3, с. 47].

По мнению М. Н. Марченко, содержание юридической ответственности проявляется в виде либо возложения на виновное лицо штрафных, карательных санкций за совершенное правонарушение, либо вменение ему в обязанность восстановления там, где это возможно, незаконно нарушенных прав и ранее существовавших общественных отношений [6, с. 632].

Юридическую ответственность принято разделять на позитивную и негативную [2, с. 50-52]. Д. А. Липинский юридическую ответственность определяет как единую, но включающую в себя ответственность за будущее поведение (позитивная), так и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативное). По мнению данного автора, юридическая ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольная (позитивная) — это способ закрепления юридических обязанностей соблюдения требований правовых норм, реализующегося в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, одобряемом или поощряемом государством, и государственно-принудительная (негативная) форма — это способ закрепления юридических обязанностей правонарушителя претерпеть осуждение, ограничения материального, правового или личного характера и их реализация [5, с. 27-37].

Как полагает М. С. Строгович, «это, прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом своих юридических обязанностей, возложенных на него за-

коном.... Если же обязанность не выполнена, тогда действительно наступает ответственность в ее негативном значении — принуждение, взыскание, наказание и так далее» [10, с. 73].

Относительно позитивной ответственности высказано и иное мнение. В. М. Баранов полагает, что позитивная ответственность имеет не правовую природу и должна рассматриваться как один из мотивов правомерного поведения [11, с. 505]. М. Н. Марченко полагает, что при выделении позитивной ответственности происходит неправомерное смешение юридической ответственности со служебным или гражданским долгом и другими социальными нормативами [8, с. 632]. По мнению И. С. Самошенко и М. Х. Фаркушина, юридическая ответственность может быть только ответственностью за правонарушение [9, с. 4].

Таким образом, юридической ответственности присущи следующие признаки:

- 1) она представляет собой различные формы взаимодействия личности и государства;
- 2) она стимулирует субъектов к исполнению правовых обязанностей личностью;
- 3) юридическая ответственность проявляется в двух формах — позитивной и негативной;
- 4) юридическая ответственность связана государственным принуждением;
- 5) для юридической ответственности характерно наличие законодательно установленных лишений, неблагоприятных последствий, налагаемых на виновного за совершение правонарушения.

Согласно статье 1070 Гражданского кодекса РФ «вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом» [1].

Как видно из текста приведенной статьи, ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, обладает такими родовыми признаками юридической ответственности, как нормативность, обеспеченность государством, установление связей личности и государства (в законодательных установлениях, в предоставлении организационно-процедурных, процессу-

альных и материальных средств восстановления права и т.д.).

Вместе с тем, следует отметить и некоторые, весьма существенные, отличия ответственности за вред, причиненный незаконным приговором или незаконным применением мер пресечения или иными незаконными действиями.

Во-первых, при возмещении вреда в соответствии со ст. 1070 ГК нельзя говорить о таком признаке юридической ответственности, как наступление неблагоприятных имущественных последствий для правонарушителя, поскольку понесенные убытки возмещаются лицу не виновником противоправного деяния, а Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием из средств соответствующей казны. На этом же основании нельзя говорить о наличии государственного принуждения к лицу, совершившему противоправное деяние.

Во-вторых, функция побуждения субъекта к исполнению правовых обязанностей в данном случае либо не выполняется, либо выполняется опосредованно, если лицо, совершившее незаконное действие, позднее будет привлечено к дисциплинарной ответственности по факту возмещения вреда на основании ст. 1070 ГК.

Как справедливо отмечает О.Н. Войтенко, «сам факт компенсации вреда казной еще не предупреждает аналогичные, новые правонарушения со стороны властных органов и должностных лиц, и в принципе не формирует у них мотивов, побуждающих соблюдать законы, уважать права и интересы граждан и юридических лиц» [4, с. 49].

Исходя из изложенного можно прийти к выводу, что ответственность из причинения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда не может существовать в позитивной форме. Сознательное выполнение правовых требований и предписаний должностными лицами суда, прокуратуры, следствия и дознания обеспечивается не возможностью применения

мер гражданско-правовой ответственности, а необходимостью соблюдения законов, должностных инструкций, других актов, а также потенциальной возможностью наступления дисциплинарной ответственности.

Особенностью ответственности за причинение вреда следует признать то обстоятельство, что ее несет не лицо, совершившее противоправное деяние, а государство, которое в силу провозглашения себя правовым и социальным государством, взяло на себя обязанности по обеспечению законности в деятельности государственных органов и должностных лиц по осуществлению правосудия, уголовного и административного преследования.

Благодаря выполнению государством указанной обязанности граждане получают возможность возместить ущерб, нанесенный противоправным деянием, восстановить свои нарушенные права. В связи с этим мы можем говорить о системном, комплексном, правовосполнительном, нормативно определенном, ретроспективном, внедоговорном, невиновном характере ответственности,

Таким образом, под ответственностью из возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда следует понимать комплексный институт российского права, регулирующий выполнение взятой на себя обязанности государства по возмещению вреда, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности должностными лицами и органами суда, прокуратуры, органов дознания и следствия в целях восстановления прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. от 1.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410, 2021. № 27 (часть I). Ст. 5123.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2-х тт. М.: Юрид. лит-ра, 1981. Т. 2. 359 с.
3. Базылев, Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 120 с.
4. Войтенко, О. Н. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия: дис.... канд. юрид. наук. М., 2001. 179 с.
5. Липинский, Д. А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. с. 27-37.
6. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2018. 636 с.
7. Недбайло, П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1970. № 3. с. 44-53.
8. Общая теория государства и права: Академический курс: в 2-х тт./Отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 640 с.
9. Самощенко, И. С., Фаркушин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит-ра, 1971. 240 с.
10. Строгович, М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. с. 72-78.

11. Теория государства и права: учебник/Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрайт, 2013. 715 с.
12. Хачатуров, Р.Л., Ягтян З.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: А Print: Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1995. 196 с.

Влияние композиции логотипа на различительную способность средства индивидуализации

Белов Степан Алексеевич, соискатель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Термин «логотип» отсутствует в российском законодательстве, но тем не менее, часто применяется по отношению к обозначениям, которые фактически используются в качестве средств индивидуализации. В настоящей статье автором рассматриваются некоторые правовые особенности создания логотипов — изображений, использование которых осуществляется без регистрации товарного знака. На основе выявленных правовых признаков, возникающих у изображения из факта его создания, определяется правовое состояние логотипа как проекта обозначения, созданного для включения в заявку на товарный знак, а также делается вывод о наличии у такого изображения различительности — свойства, которое генерирует различительную способность товарного знака.

Ключевые слова: логотип, изображение, товарный знак, создание произведения.

Развитие информационных технологий в условиях рыночной экономики является одним из основных факторов массового использования товарных знаков и в целом благоприятствует ускорению процессов коммерциализации интеллектуальной собственности. В эпоху всеобщей цифровизации семантическая аннотация неправовых понятий приобретает особую значимость, поскольку общеупотребительный оборот дополняется большим количеством терминов, использование которых в настоящее время распространено не только в среде представителей творческих профессий, но и в юридической практике.

С позиции правовой доктрины употребление понятия «логотип» подразумевает необходимость правовой квалификации отношений, связанных с использованием таких объектов, на основании положений действующего законодательства. Практика разрешения споров, связанных с использованием непоименованных в законе, но фактически используемых в предпринимательской деятельности нематериальных объектов, исходит из следующего определения рассматриваемого понятия: «Логотип — это незарегистрированное в Патентном ведомстве РФ оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (услуг или группы товаров данной фирмы), которое специально разрабатывается с целью привлечения внимания к фирме, ее товарам и услугам» (Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2009 N КА-А40/5426-09 по делу N А40-41784/08-98-123).

Предложенное в судебном акте определение позволяет относить к логотипам не только средства индивидуализации, но и результаты интеллектуальной деятельности (например, объекты авторских прав: произведение изобразительного искусства, графического дизайна, и проч.)

(Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2015 N 17АП-11422/2015-ГК по делу N А50-7654/2015). В целом указанная понятийная постановка не исключает исследование рассматриваемого понятия через соотнесение правовых оснований и последствий применения логотипов в предпринимательской деятельности с нормативно установленным порядком использования товарных знаков, поскольку приведенное определение позволяет рассматривать товарный знак как логотип, в отношении которого реализованы формально-юридические регистрационные процедуры.

Многочисленные случаи использования логотипа по идентичному товарному знаку назначению без его непосредственной государственной регистрации, а также возникновение исключительного права на логотип на основании договора авторского заказа (Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 N 305-ЭС16-19567 по делу N А40-147641/2015) предоставляют возможность для изучения особенностей правового регулирования отношений, возникающих по поводу товарных знаков, не только в части, связанной с регистрацией и использованием обозначений, но и в случаях разработки (создания) оригинальных обозначений, потенциально охраноспособных в качестве товарных знаков, а также изображений, обладающих идентичным товарному знаку предназначением. В качестве таких обозначений могут быть представлены любые визуальные композиции, в том числе изображения, имеющие в своем составе объекты авторских прав.

С этимологической точки зрения соотнесение понятия логотипа с понятием товарного знака, а также с понятием произведения графики (дизайна) представляется не совсем корректным, поскольку в Энциклопедическом словаре логотип (англ. logotype от греч. logos — слово

и typos — отпечаток) определяется как «типографская лигатура с наиболее употребительными словами и слогами для набора, а также специально разработанная, стилизованная сокращенная форма названия фирмы, часто в оригинальном начертании» [1]. То есть при буквальном толковании в понятие логотипа уместнее включать известные товарные знаки, комбинированные товарные знаки (включающие словесный элемент в качестве охраняемого), а также обозначения, в составе которых содержатся оригинальные названия произведений литературы или искусства.

Обобщая вышеизложенное, логотип можно условно определить как изобразительную композицию, отличающуюся оригинальностью цифробуквенного исполнения, используемую юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями в процессе ведения хозяйственной деятельности. Для цели рассмотрения соотносимости положений российского законодательства об авторском праве и товарных знаках основным элементом сравниваемых в настоящей публикации объектов интеллектуальных прав логотипом предлагается считать разработанное для использования в коммерческой деятельности изображение.

Действующее российское законодательство не содержит положений, устанавливающих правила создания обозначений, которые впоследствии представляются на государственную регистрацию в качестве товарных знаков. В то же время в нормах ГК РФ закреплен порядок регистрации средств индивидуализации и условия возникновения исключительного права в отношении товарных знаков. В своде гражданского законодательства, а также в подзаконных актах¹ в отношении объекта регистрационных действий используется словосочетание «заявляемое обозначение». Очевидно, что подаче заявки на товарный знак (появлению «заявляемого обозначения») и возникновению исключительного права на средство индивидуализации предшествует процесс создания такого обозначения, поскольку объект регистрации должен иметь форму выражения, позволяющую идентифицировать его для выполнения процедур формальной легализации. Несмотря на то, что использование термина «заявляемое обозначение» осуществляется без легального закрепления его дефиниции, а само заявляемое обозначение не рассматривается в качестве объекта интеллектуальных прав, любой логотип фактически является проектом заявляемого обозначения, то есть находится в состоянии, предшествующем моменту правовой квалификации обозначения в качестве товарного знака.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время ни логотип, ни заявляемое обозначение законодательно не определены в качестве объектов правовой охраны. Но в случае, если заявляемое обозначение на момент подачи заявки будет соответствовать требованиям к товарному знаку и в дальнейшем будет зарегистрировано, то фактическая природа созданного логотипа (проекта заявляемого обозначения) в композиционном плане окажется идентичной фактической природе зарегистрированного товарного знака. В то же время правовая природа логотипа отличает его от товарного знака: создаваемая композиция логотипа может являться объектом интеллектуальных прав независимо от факта последующей регистрации товарного знака.

Существует мнение, согласно которому разработка логотипа не предполагает создания авторского произведения — такая разработка есть только результат репродуктивных действий по созданию проекта обозначения, заявляемого для регистрации в качестве товарного знака [2]. Одним из доводов в пользу такого утверждения является то, что предназначение проекта заявляемого обозначения заключается только в дальнейшей государственной регистрации средства индивидуализации. Однако, существующее в судебной практике определение понятия «логотип», а также споры о правах на обозначения, не являющиеся *de-jure* товарными знаками, свидетельствуют об ошибочности такого утверждения. Необходимо признать, что разработка проекта товарного знака не исключает создания логотипа в результате творческой деятельности, а значит и возникновения интеллектуальных прав в отношении изображения, созданного для товарного знака, но еще не прошедшего регистрационные процедуры формального признания. Созданный таким образом логотип является объектом, который сохраняет свои правовые признаки (которые связаны с его фактурой²) как до момента регистрации товарного знака, так и после регистрации.

Подводя промежуточный итог вышеизложенному, логотип, представляющий собой композицию визуальных элементов (включающую также слова или словосочетания) и подлежащий последующей регистрации в качестве товарного знака, предлагается определить как изображение-проект обозначения (в дальнейшем — ИПО).

В результате разработки ИПО всегда предполагается создание такого изображения, которое будет соответствовать установленным в законе требованиям к товарному знаку. К. Веркман указывает, что предназначение любого товарного знака должно заключаться в возможности обозначения выполнять следующие функции:

1 Имеется в виду Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 N 482 "Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак" (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2015 N 38572) (с изм. и доп., внесенными Приказом Минэкономразвития России от 10.10.2016 N 647) - опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 09.11.2016

2 Фактура (латин. *factura* — произведение). Своеобразие художественной техники в поэзии, музыке, живописи или скульптуре (искус.) — [10]

«фиксировать отличительные особенности изделий; давать имя изделиям; позволять потребителям узнавать изделия; облегчать потребителям запоминать изделия; указывать источник происхождения; доносить до потребителей информацию об изделиях; стимулировать стремление купить товар; символизировать гарантию качества товара» [3]. Кроме основного предназначения, заключающегося в обозначении конкретного товара определенного производителя или указания источника происхождения товара, правовед выделяет и побочные задачи, решаемые при использовании товарного знака. Такие задачи, как связь обозначения с определенными качествами товара и информирование потребителя о свойствах товара — связаны с использованием маркетинговых инструментов продвижения товара. Существо иных сопутствующих основному предназначению эффектов использования товарного знака заключается в оказании на восприятие потребителя определенного эмоционального воздействия: фиксация отличительных особенностей товара в сознании потребителя, запоминание и узнавание потребителем товаров, выработка стремления купить товар.

Выполнение указанных К. Веркманом задач при использовании логотипа осуществимо только при условии непосредственного создания обозначения в результате деятельности человека. В таком случае творческое исполнение элементов композиции будущего товарного знака существенно снижает риск отказа в регистрации заявляемого обозначения, а также облегчает выполнение им указанных функций за счет наличия у самого обозначения отличительных свойств формально-эстетического характера.

При том, что разработчик ИПО при осуществлении творческого акта не ставит перед собой задачу создания оригинального авторского результата, оригинальность результата есть неотъемлемое правовое последствие творческого акта. Именно наличие творческого акта приводит к созданию охраняемого авторским правом объекта, поскольку без творческого акта создателя не может возникнуть оригинальный результат, являющийся ценным для права независимо от социальной оценки художественного уровня [4]. Творческий поиск решения задачи по обеспечению функционала будущего обозначения с учетом необходимости соблюдения регистрационных требований к товарному знаку обязательно сопровождается применением разработчиком индивидуальных, неординарных подходов к созданию ИПО.

Рассмотрение ИПО с позиции авторско-правового регулирования основывается на презумпции авторства (включающей признание результата созданным творческим трудом, пока не доказано иное) и предполагает, что формой выражения произведения изобразительного искусства является оригинальное изображение, созданное самостоятельным творческим трудом автора. В случае с изображением одним из признаков такого произведения является специфичность организации

визуальных элементов, составляющих его композицию. Возникновение законченного сочетания композиции обусловлено тем, что все элементы, составляющие внешний вид изображения, при их совместном восприятии создают в сознании человека такие зрительные образы, на передачу которых направлено такое изображение.

В.Я. Ионас отмечал, что определенным набором выразительных средств характеризуется художественная форма произведения как результата творческого акта: «В живописи это колорит, ритм (расположение предметов), распределение света и тени, рисунок, композиция и др. приемы, организующие воздействие произведения на зрителя» [5]. Любая из форм объективного существования творческих результатов является тем внешним проявлением, которое способно обеспечить необходимое восприятие созданного результата. Организация воздействия на лицо, воспринимающее товарный знак (потребителя), в случае с разработкой ИПО характеризуется применением разработчиком особых выразительных средств, объективизирующих авторский замысел и в то же время несущих сущностный посыл (информацию о товаре и его производителе, «имя» товара). Разработка ИПО осуществляется посредством применения разработчиком такого набора инструментов, использование которых генерирует особую художественную форму ИПО, объединяющую эстетические свойства объекта (специфичность организации элементов композиции для обеспечения требуемого восприятия за счет визуализации внутреннего смыслового содержания) и его утилитарное назначение (выполнение индивидуализирующих функций товарного знака).

Следовательно, эфемерная посредственность композиции ИПО не исключает правовой квалификации ИПО в качестве объекта, подлежащего авторско-правовой охране. Композиция ИПО обладает признаком специфичности, поскольку в каждом из случаев она аутентична, что обеспечивается именно определенным расположением визуальных элементов, составляющих композицию. Указанный признак раскрывается в том, что способ расположения элементов, составляющих композицию ИПО, оказывает существенное влияние на восприятие изображения. Сами элементы могут группироваться, создавая локальную или полную симбиотичность до степени неделимости внутри композиции, а могут оставаться независимыми друг от друга, не теряя при этом общей целостности восприятия. Например, кадр из аудиовизуального произведения, рассматриваемый как результат фиксации любой из сцен произведения в статике, содержит в составе изображения-иллюстрации самостоятельные, но неотъемлемые от основного произведения элементы (персонажи произведения). Являясь частью иллюстрации, персонажи сами по себе остаются автономными законченными творческими результатами, что подтверждается положениями законодательства об авторском праве, в соответствии с которыми персонаж произведения определяется как его неотъемлемая часть, но также рассматривается в качестве самостоятельного творческого результата.

В то же время признак специфичности композиции ИПО идентичен художественным свойствам произведения, поскольку также обеспечен применением особого набора выразительных средств, используемых разработчиком в процессе создания логотипа.

В соответствии с положениями статьи 1483 ГК РФ в качестве товарных знаков не могут быть зарегистрированы обозначения, не обладающие различительной способностью. В научном сообществе существует мнение, что обозначение, зарегистрированное в качестве товарного знака, может обладать как первичной (или изначальной), так и приобретенной различительной способностью [6]. Само понятие различительной способности обозначения в законе не раскрывается, но, как отмечают правоведы, определяется как «гипотетическая возможность обозначения вызывать у рядового потребителя ассоциативные образы, необходимые и достаточные для идентификации предмета индивидуализации» [7]. Из практики применения положений о товарных знаках следует, что к усилению различительной способности товарного знака, как правило, приводят процессы, связанные с использованием маркетинговых инструментов продвижения товара, маркированного спорным обозначением.

Тем не менее, различительная способность фактически является одним из основных признаков охраноспособности обозначения. Таким образом, фракционирование различительной способности на первичную и приобретенную является следствием наличия нескольких нормативных условий для изменения правового состояния обозначения. Объясняется это тем, что, во-первых, наличие именно первичной различительной способности (как гипотетической возможности для индивидуализации маркируемых товаров) является обязательным условием для квалификации обозначения в качестве товарного знака. Приобретенная различительная способность у обозначения, не имеющего первичной различительной способности в отношении определенной группы товаров, может быть доказана заявителем и также являться основанием для регистрации средства индивидуализации.

Во вторых, первичная различительная способность является основанием для регистрации товарного знака, но само по себе ее наличие не предполагает усиления охраняемых свойств средства индивидуализации. А приобретенная различительная способность может как самостоятельно возникнуть у изначального обозначения, так и быть результатом преобразования («усиления») первичной различительной способности уже существующего товарного знака. Несмотря на то, что иногда первичная различительная способность и приобретенная различительная способность *de-jure* независимо рассматриваются в разных обстоятельствах, названные категории различительной способности по существу характеризуются степенью выраженности их общего свойства — различительности.

Предположение о том, что ИПО является «причиной» возникновения товарного знака, позволяет полагать,

что признак первичной различительной способности заявляемого обозначения (являющийся одновременно условием его охраноспособности в качестве товарного знака) порождается признаком различительности ИПО. Возникновение различительности ИПО как имманентного логотипу свойства обусловлено целевым предназначением ИПО и характером деятельности по его разработке (созданию), а поэтому различительность ИПО можно определить как неординарность сочетания визуальных элементов в композиции изображения, направленную на ассоциативное восприятие потребителем товара по отношению к определенному производителю или социальному благу.

Свойство различительности ИПО обуславливает возникновение первичной различительной способности товарного знака, а в случае использования обозначения (после его регистрации в качестве товарного знака) способно катализировать проявление приобретенной различительной способности средства индивидуализации. Когда первичная различительная способность товарного знака рассматривается как свершившееся событие, а основой такого товарного знака является ИПО, приобретенная различительная способность достигается в том числе из-за использования в составе товарного знака композиции, обладающей определенной запоминаемостью и индивидуальностью, создающей первичную различительную способность для исходного обозначения. Следовательно, приобретенная различительная способность обозначения, используемого в качестве товарного знака, мультиплицируется различительностью ИПО. При этом признак различительности ИПО по смыслу его взаимосвязи с признаком приобретенной различительной способности товарного знака может являться одним из триггеров преобразования обозначения в общеизвестный товарный знак.

Возникновение совокупности выявленных признаков при создании ИПО предопределяет не только фактический, но и правовой способ бытия сущего, которое есть бытие права. Следует согласиться с мнением А. В. Стоббы, указавшим, что «искомым истоком правового сущего, откуда оно обретает правовой способ бытия, является правовое событие» [8]. Очевидно, что бытием права являются такие юридические последствия, которые возникают из факта создания ИПО творческим трудом. Совокупность признаков, составляющих различительность ИПО, является тем событием, которое влечет возникновение различительной способности товарного знака, включающего ИПО.

Именно наличие у ИПО свойства различительности является аргументирующим основанием возникновения товарного знака как объекта интеллектуальных прав, поскольку охраноспособность товарного знака предопределяется признаками ИПО. В определениях из словарей русского языка указано, что функция — это явление, зависящее от другого, основного явления, и служащее формой его проявления [9]. В системе координат «функ-

ция-аргумент» товарный знак является функцией от ИПО из-за того, что товарный знак можно считать функционально зависимым от ИПО: ИПО — причина возникновения товарного знака, товарный знак — следствие создания ИПО.

Предлагаемое в настоящей публикации понятие различительности ИПО сущностно отличается от применяемого в праве интеллектуальной собственности понятия различительная способность товарного знака. Различительность ИПО несет в себе интегральный эффект выявленных в настоящем исследовании признаков ИПО — спецификой организации визуальных элементов в композиции изображения и применение разработчиком

ИПО особых художественных средств. Указанный эффект приводит к возникновению первичной различительной способности и усилению приобретенной различительной способности товарного знака. В дихотомическом аспекте признаки первичной и приобретенной различительной способности товарного знака являются признаком различительности ИПО, разделенным на две части.

Итогом проведенного исследования можно считать вывод о том, что признак различительности ИПО является детерминантой¹ признака различительной способности обозначения, необходимой как для регистрации обозначения в качестве товарного знака, так и для признания товарного знака общеизвестным.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь/гл. ред. А. М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. — 1456 с.
2. Садовский, П. В. — Коллизии прав на товарные знаки с правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: Дис... канд. юрид. наук. Москва, 2007, с. 67
3. Веркман, К. Товарные знаки: создание, психология, восприятие/К. Веркман. — М.: Прогресс, 1986. — 395 с.
4. Белов, С. Производство в составе товарного знака: особенности правового регулирования // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. N 12. с. 26-32.
5. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике/Ионас В. Я. — М.: Юрид. лит., 1963. с. 81
6. Права на товарный знак: монография/Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожевич, В. В. Голофаев и др.; отв. ред. Л. А. Новоселова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 144 с.
7. Гражданское право: Учебник: в 2 т./С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с
8. Стомба, А. В. Что есть право?//Правоведение. 2013. № 4. с. 182
9. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006
10. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940

История авторского права в России

Бирюков Максим Борисович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

Древний фундамент российского авторского права, право быть идентифицированным как создатель произведений и иметь экономические права собственности, имеет свои корни в XVIII веке. В то время только появлялись предпосылки к тому, что эта юридическая категория должна регулироваться законом. В России авторское право развивается по-другому, нежели чем в других странах. В статье выявляются особенности становления данного института в России, определяются особенности каждого этапа и анализируются особенности, отличающие историю авторского права в России от других стран.

Ключевые слова: авторское право в России, история авторского права, эволюция авторского права, отличия авторского права России от других стран.

Авторское право в России имеет отличия от законодательства государств Западной Европы, а также США [1]. Первое, о чем стоит сказать, это тот факт, что первые законы, так или иначе защищавшие интел-

лектуальную собственность, возникают в Российской империи позже: в случае в Англии Статут королевы Анны был установлен в 1709 г., в США Указ о авторском праве — в 1790 г., в Франции полномочия авторов на-

¹ Происходит от лат. *determinans* «определяющий».

ходились под охраной 7 законов, принятыми в промежутки Великой французской буржуазной революции (1791-1793 гг.), то в России первоначальные законы, регулирующие авторские взаимоотношения, были приняты лишь во второй четверти XIX столетия [4].

Дореволюционные исследователи авторского права, в частности Переселенков С.А., объясняют данную ситуацию тем, что «книжное дело у нас чрезвычайно медленно развивалось, и круг читателей долгое время ограничивался исключительно лишь довольно скромным количеством любителей печатного слова. Обычные на Западе привилегии, дававшие там авторам или издателям гарантии от произвольных перепечаток, хотя изредка и практиковались в России, все-таки как-то в ней не прижились» [25].

До конца XVIII в. сохранялась тенденция монополии в книгоиздательстве [3]. Частные типографии в России появились после принятия Указа 1771 г., при этом разрешалось печатать лишь литературу на иностранном языке, и прошедшую процедуру цензуры. «На русском языке никаких книг, ни сочинений не печатать, дабы прочим казенным типографиям в доходах их подрыву не было» [26; 27]. Позднее, Указом от 15 января 1783 г., было снято вышеупомянутое ограничение и разрешено создание частных типографий, которые могли печатать книги в том числе на русском языке [28], однако через 13 лет — в правление Павла Первого — все «вольные» типографии были закрыты [8]. Далее, в 1801 г. Александр I вновь разрешает открывать частные типографии, однако монополистическое господствующее положение государства в сфере книгопечатания сохранялось вплоть до середины XIX в. [26, с. 34]. Таким образом, развитие авторского права во времена Российской империи, не складывалось, по ряду причин, среди которых в первую очередь, тот факт, что существовали условия искусственного сдерживания конкуренции между издателями.

В 1803 г. в Санкт-Петербурге было утверждено Положение, впервые в российском законодательстве, установившее принципы и нормы оплаты авторского вознаграждения, «дабы выгоды автора и переводчика были для них не подвержены никакому сомнению и служили бы одобрением к большим трудам» [29].

С момента принятия закона об авторском праве в России, отношения авторов и издателей не рассматривались как предмет правового регулирования. В странах Европы, создатели произведений, получали определенные льготы [6].

Это позволяет сделать вывод о том, что разница между законодательством об авторском праве в России и за рубежом была еще на ранней стадии его появления. Разница заключалась в подходе к регулированию [26, с. 34-35].

Еще одной отличительной чертой, которая отличает авторское право как правовую категорию от других правовых категорий, является цензурное законодательство [10]. По мере выделения правового статуса в отдельную категорию, были изданы указ и распоряжение,

регулирующие те или иные аспекты авторского права. Одним из таких, явилось распоряжение о правах создателя на произведение, их содержание, и способы доказательства права на произведение [30].

Первый закон, в котором право автора на созданное им произведение стало трактоваться как право собственности, которым можно торговать [31], в России появился также в рамках законодательства о цензуре. Третий Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., содержал специальную главу «О сочинителях и издателях книг» (параграфы 135-139). Срок авторского права был установлен в 25 лет со дня смерти автора, после чего произведение «становилось собственностью публики» (§ 137 Цензурного устава) [32, с. 345]. В 1830 г. было издано новое Положение о правах сочинителей, переводчиков и издателей, дополнившее правила 1828 г. Права сочинителей отныне прямо признавались правом собственности. Кроме того, появилась возможность продления до 35 лет срока охраны произведения после смерти автора. Позднее, срок защиты авторского права был увеличен до 50 лет после смерти автора [26, с. 35-36]. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что не столько экономический интерес авторов, проявившейся вследствие большей общественной самостоятельности их, сколько пример Запада, побудил законодателя к этому шагу [34].

В первой половине XIX в. в правоприменительной практике преобладала заявительная форма защиты прав сочинителей. Автор или издатель, чьи права нарушались, подавал заявление о запрете предоставлять другим издателям право на издание произведений в цензурный комитет, который, после расследования, обязывался не выдавать разрешение на печать посторонним лицам [12].

Большинство авторов и их преемники избегали судебного разбирательства. Они предпочитали решить проблему внесудебным путем, обратившись в цензурные комитеты или прошениями на Высочайшее имя.

Первым самостоятельным нормативно-правовым актом России в сфере регулирования отношений в области авторского права стал закон Российской империи «Об авторском праве» от 20 марта 1911 г. Акт был составлен на основе лучших образцов европейского законодательства и международных соглашений, регулирующих правоотношения с интеллектуальной собственностью. Он содержал основные понятия авторского права, перечень охраняемых объектов, срок действия авторского права, вопросы правопреемства, нарушения авторских прав, средства их защиты и др. [16]

Из списка запрещенных к использованию произведений были добавлены географические карты, топографические карты и атласы с изображениями природы. Рисунки по естествознанию (строительные и другие технические планы), рисунки для строительства или других технических планов: фотографии драматические, музыкальные драмы, фотографическое произведение.

Несмотря на европейский опыт и заимствование основ авторского права зарубежными странами, Россия так

и не ратифицировала Бернскую конвенцию. В частности, закон допускает свободный перевод произведений без получения разрешения автора [1] — это право свободно переводить произведения без согласия автора.

После Октябрьской революции 1917 г. перестаёт существовать Российская империя, а вместе с ней теряет юридическую силу всё законодательство, включая закон «Об авторском праве» 1911 г. Дальнейшая судьба авторского права напрямую зависела от Совета народных комиссаров (далее — СНК).

Закон «Об авторском праве» просуществовал до 1960-х гг., вплоть до периода кодификации законодательства, где было решено выделить авторское право в виде самостоятельного раздела в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик [21]. Согласно новому, адаптированному закону, авторское право подразделялось на два вида прав: личные права, дающие право распространять произведение под своим именем, псевдонимом или анонимно, право на неприкосновенность произведения, право на его опубликование и распростра-

Рис. 1. Схема развития авторского права в России

нение, и имущественные права, дающие право на получение материальной выгоды [9].

Что касается периода современной России, то в 1993 г. был принят закон РФ «Об авторском праве и смежных правах». Согласно законодательному акту, авторские права охранялись в течение жизни автора и ещё пятидесяти лет после его смерти, с 1 января последующего года. Авторское право подразделялось на личное и имущественное, и для охраны произведения не требовалось соблюдения формальных процедур [19].

Закон 1993 г. действовал вплоть до принятия четвертой части ГК РФ, работа над которой началась в 2005 г. Впоследствии ныне действующий закон объединит в себе охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Кроме того, сроки авторского права вновь были увеличены, и действуют в течение жизни автора и семидесяти лет после его смерти [21].

Литература:

1. Есипова, В. А. История книги: Учебник по курсу «История книжного дела». — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — 628 с.
2. Кобыляцкий, Д. А. Правовая охрана произведений в сети интернет. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ». Ростов-на-Дону, 2015.
3. Коэн, Р. Писать, как Толстой: Техники, приемы и уловки великих писателей. — ООО «Альпина Паблишер», 2018.
4. Козлова, Е. Б. История печатных средств информации: Учебное пособие. — Моск. гос. ун-т печати. Москва: МГУП, 2008. 202 с.
5. Канторович, Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения (второе значительно дополненное издание). — Петроград, склад издания в конторе общества «Брокгауз-Ефрон», 1916 г.
6. Полянская, Е. М., Кадовбенко В. Д. История возникновения и развития авторского права в российской федерации и в зарубежных странах/URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36855375_77822396.pdf
7. Статут королевы Анны 1710 г.
8. Володькова, Е. Н. Становление и развитие авторского права в Российской империи. Закон и право. 2019. № 9. с. 47-49.
9. Блинец, И. А. Авторское право и смежные права. 2-е издание. Учебник/И. А. Блинец, К. Б. Леонтьев. — М.: Проспект, 2015. — 330 с.
10. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г.
11. Гальперин-Каминский, И. Д. Общая польза авторского права: [доклад, читанный в Русском обществе книгопродавцев и издателей 15 января 1894 года, и перед Советом и Специальной комиссией Русского литературного общества 17 января 1894 года]. — СПб., 1894.
12. Гаврилов, Э. П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития/Гаврилов Э. П.; Отв. ред.: Рассудовский В. А. — М.: Наука, 1984. — 222 с.
13. Декрет ВЦИК от 29.12.1917 «О государственном издательстве» «СУ РСФСР», 1918, N 14, ст. 201
14. Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918 «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием»/«СУ РСФСР», 1918, N 86, ст. 900
15. Декрет СНК РСФСР от 10.10.1919 «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства»/«СУ РСФСР», 1919, N 51, ст. 492
16. Серебровский, В. И. Вопросы советского авторского права/Академия наук СССР. Институт права им. А. Я. Вышинского; В. И. Серебровский. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. — 283 с.
17. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925 «Об основах авторского права»/«СЗ СССР», 1925, N 7, ст. 67
18. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1928 «Основы авторского права»/«СЗ СССР», 1928, N 27, ст. 246
19. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»/«Свод законов СССР», т. 2, с. 6, 1990 г.

В процессе исследования состояния законодательства в сфере защиты авторских прав следует подчеркнуть, что российское правосудие заметно отстает по развитию не менее чем на два столетия от мирового развития и это может представляться одной из причин современных проблем с современными авторскими правами.

В качестве результатов исследования, представим схему развития авторского права в России (Рис. 1).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать предположительное заключение о том, что российское авторское право не имело возможности стабильно и поэтапно развиваться в имеющихся условиях, что создавало трудности его естественному формированию. Вплоть до XX века за авторами произведений не закреплялись в полном объеме авторские имущественные и личные неимущественные права.

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик» от 21 февраля 1973 «Ведомости ВС СССР», 1973, № 9, ст. 138
21. Матвеев, Ю. Г. Международные конвенции по авторскому праву. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Междунар. отношения. — 176 с.
22. Болдырев, С. И. Авторские права в современном информационно-телекоммуникационном пространстве Российской Федерации: гражданско-правовое регулирование и защита. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Курск, 2017
23. Мимеева, Н. Н. История возникновения и развития авторского права в России и за рубежом. / Н. Н. Мимеева // Молодой ученый. — 2020. — № 8 (298). — с. 167-172.
24. Будылин, С. Мы живем, под собою не чуя страны. Копирайт на произведения, созданные в Российской империи и СССР/URL: //https://zakon. ru/blog/2014/06/27
25. Переселенков, С. А. Пушкин в истории законоположений об авторском праве в России // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1909. Вып. 11. с. 52.
26. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. с. 34.
27. Краткие исторические сведения о петербургских типографиях с 1771 г. СПб., 1895. с. 17.
28. Авторское право: Учебное пособие // Авторский коллектив Allpravo. Ru — 2004./URL: //http://www. allpravo. ru/library/
29. Российское авторское общество: История. Электронный ресурс/URL: //http://www. rao. ru/orao/history/

Субъективные признаки доведения до самоубийства

Боргоякова Карина Владиславовна, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматривается вопрос о субъективных признаках преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Автором рассмотрены проблемы применения субъективных признаков на практике и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: вина, доведение до самоубийства, косвенный умысел, мотив, прямой умысел, субъективная сторона, субъект преступления.

Действия лица, совершаемые во время преступления, которые связаны с его психической деятельностью можно охарактеризовать как субъективную сторону в теории уголовного права. В данном понятии объективной стороной выступает факт совершения преступления лицом.

Многие отмечают, что субъективная сторона представляет собой весьма сложный элемент, который встречается в ходе совершения преступления. С целью установить субъективную сторону в преступлениях, связанных с таким деянием как доведение до самоубийства, необходимо предоставить оценку психическому состоянию личности в период совершения преступного деяния. Важным является также оценка понимания субъектом преступления последствий, которые могут наступить вследствие совершенного преступления. Помимо оценки психической составляющей, необходимо обратить внимание на установление вины, а именно ее корректность и правильность. Это связано с тем, что доведение до самоубийства можно связать с рядом других преступлений, которые могут совпадать по некоторым признакам. Пленум Верховного Суда Российской Федерации уста-

навливает особенную значимость установления субъективной стороны в преступных деяниях. Назначение наказания должно отталкиваться не только от объективной стороны, но также и от субъективной, беря во внимание вид умысла, мотив и цель совершаемого лицом преступления [3].

Ученые высказывают противоположные мнения касательно вопроса субъективной стороны.

С точки зрения многих авторов, доведение до самоубийства необходимо причислять к категории умышленных преступных деяний, будь они косвенными или прямыми. Альтернативное мнение высказал ученый-юрист Г.Н. Борзенков, который считает, что довести до самоубийства можно по неосторожности. Рассматривая данное мнение с нормативной точки зрения, стоит отметить, что Уголовный кодекс РФ в ч. 2 ст. 24 исключает ответственность по такому основанию, исходя из того, что в ст. 110 этого же кодекса отсутствует информация о неосторожной форме вины [2]. В рамках нашего исследования мы склонны придерживаться иной точки зрения. Вновь обратившись к ч. 2 ст. 24 УК РФ можно найти обстоятельство, которое определяется в Особой

части уголовного закона. Согласно нему, преступления по некоторым составам совершаются исключительно по неосторожности, тот момент, что в статье 110 УК РФ нет указания на форму вины, означает, что преступное деяние, а именно доведение до самоубийства может быть, как и с умыслом, так и без него.

В УК Армении существует только одна норма о самоубийстве (ст. 110 УК РА «Доведение до самоубийства») в ней определен формат виновности, данная статья считается преступной, совершенной будь, то косвенно, то по неосторожности. Подобная точка зрения, как результат, для российского уголовного закона может служить улучшением, поскольку такое описание нормы уголовного права ликвидирует неоднозначность в объяснениях субъективной стороны доведения до суицида при рассмотрении данных уголовных дел. Норма, описанная выше, помогает правоохранительным и следственным органам вычислить преступное деяние на раннем этапе обращения.

В.Б. Малинин и Э.Ф. Побегайло целиком и полностью согласны с данной позицией, а также указывают, что «в диспозиции закона не определяется форма вины по отношению к последствиям в виде самоубийства потерпевшего» [5].

В положениях ч. 2 ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, указано, что преступное деяние может быть совершенно сознательно или по неосторожности. Однако, если преступное деяние было совершено по неосторожности, то в данном умысле можно увидеть умышленную форму.

Мнения, что такое преступление как доведение до самоубийства, может произойти как по умыслу, так и по неосторожности, придерживается профессор А.И. Рарог [4].

Литература:

1. Аюпов, В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 2 (4). — с. 15.
2. Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2005.
3. Постановление ВС РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 05.11.2022).
4. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве: монография/науч. ред. Б.В. Здравомыслов. — М.: Проспект, 2018.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. Издание профессора Малинина. СПб, 2013.

Давайте вернемся к нашему видению проблемы данного исследования. Если было доказано, что доведение до самоубийства было умышленным, то данное преступное деяние следует относить к 105 статье УК РФ.

Субъективная сторона преступного деяния содержит в себе такие необязательные признаки, к примеру: мотив, цель или же эмоции. В настоящее время эти признаки не имеют никакого значения для квалификации тяжести рассматриваемого преступного деяния, но их значимость в квалификации содеянного весьма высока.

В.Ш. Аюпов считает, что мотивом для доведения человека до самоубийства, может быть все, что угодно, к примеру: зависть, личная неприязнь, корыстный умысел и т.п. Сам по себе мотив не имеет никакого значения, однако суд может учитывать данный момент, при вынесении наказания [1].

Лицо, достигшее 16 лет, может служить ответчиком за совершение преступного деяния по статье 110 УК РФ.

Опять же, возвращаясь к нашему видению, мы считаем, что возраст, с которого наступает уголовная ответственность, должен быть снижен. Все это обусловлено тем, что большое количество данных преступных деяний совершается несовершеннолетними лицами, судя по новостным данным различных СМИ.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо сделать несколько выводов, а именно:

- 1) ст. 110 Уголовного кодекса РФ определяет, что преступление может иметь как умышленный характер, так и может совершаться по неосторожности;
- 2) если в преступном деянии присутствует мотив, то следует рассматривать его по 105 статье УК РФ;
- 3) минимальный возраст уголовного преследования должен быть равен 14 лет, так преступления в основном совершаются несовершеннолетними.

Участие прокурора в прениях сторон

Бугаева Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье осуществляется анализ функций прокурора в уголовном судопроизводстве, а именно его роль в судебных прениях

Ключевые слова: прокурор, речь, функции

Прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции [1].

Вопрос о процессуальном положении прокурора в уголовном процессе всегда относился к числу дискуссионных. Прокурор — представитель государственной власти, единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и за исполнением законов, действующих на территории РФ, и его функции не ограничиваются уголовным судопроизводством. В то же время при рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях прокурор всегда имел статус государственного обвинителя. Это порождало многочисленные научные споры о функциях прокурора в уголовном процессе, так как надзор за исполнением законов и обвинение — понятия далеко не тождественные [2].

Для более детального анализа правового положения прокурора в РФ необходимо рассмотреть цель деятельности прокурора. В первую очередь это обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Для ее достижения прокуратура осуществляет надзор за соблюдением:

— законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;

— прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами,

а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

— законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

— законов судебными приставами;

— законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Прения сторон являются той стадией судебного разбирательства, в которой активность прокурора достигает кульминации. Она является итогом всей его деятельности по поддержанию государственного обвинения. Только на этой стадии прокурор может четко и ясно изложить свою позицию по конкретному уголовному делу, которая в ходе судебного процесса могла проявляться косвенным образом: через постановку вопросов, заявление ходатайств.

Для успешного осуществления своих функций государственный обвинитель должен четко представлять себе цели и задачи своего выступления в судебных прениях. Речь прокурора имеет большое общественное и процессуальное значение. В ней формулируется окончательная позиция государственного обвинителя по делу, вносятся предложения, выслушав которые, судьи получают возможность всесторонне разобраться в деле, лучше познать истину, принять правильное решение. Таким образом, речь прокурора способствует формированию внутреннего убеждения судей, вынесению законного и обоснованного приговора. Его речь должна не только способствовать правильному разрешению судом вопросов, связанных с постановлением приговора, но и иметь воспитательное значение. Для достижения указанных целей прокурору в ходе своего выступления в прениях необходимо решить широкий круг задач, каждая из которых определена в конкретном разделе его речи.

Учитывая приведенный перечень вопросов, к элементам речи прокурора следует отнести: 1) оценку общественной опасности совершенного преступления; 2) изложение фактических обстоятельств его совершения; 3) анализ и оценку исследованных в суде доказательств и их источников; 4) обоснование юридической формулировки и правовой квалификации содеянного; 5) характеристику личности подсудимого; 6) обоснование выводов

и решений по делу; 7) анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления и предложения по их устранению; 8) определение судьбы вещественных доказательств.

Ученые, занимающиеся вопросами участия государственного обвинителя в суде, пришли к мнению, что обвинительная речь прокурора должна включать в себя оценку опасности совершенного преступления, анализ представленных в суде доказательств, оценку наличия квалифицированных и привилегированных оснований, оценку мотива совершения преступления, оценку мнения подсудимого по делу, мнение о назначении наказания, мнение о применении конфискации имущества, мнение о возмещении материального ущерба и морального вреда [3].

Резюмируем все вышесказанное и определим, что функция прокурора по поддержанию государственного обвинения заключается в следующем: подготовка к обвинению, участие прокурора в суде касательно рассмотрения дела по существу, проверка законности, обоснованности и объективности решения, вынесенного судом.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 20.10.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., N 8, ст. 366.
2. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В. А. Лазарева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019-284 с. — (Высшее образование). — Текст: непосредственный.
3. Растопшин, Р. А. Права и задачи прокурора в уголовном процессе РФ и ФРГ // Проблемы экономики и юридической практики, № 4, 2017 с. 141-142.

Некоторые аспекты полномочий прокурора в исключительных стадиях уголовного процесса

Бугаева Елизавета Сергеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье осуществляется анализ функций прокурора на определенных стадиях рассмотрения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, стадия, функции

Особенного внимания для реализации прокурором своих функций заслуживают стадии надзорного рассмотрения дела. Пересмотр уголовного дела в порядке надзора служит важной гарантией права на судебную защиту. Надзорная инстанция является способом защиты прав и законных интересов субъектов уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Отличие от кассационной инстанции состоит в том, что в надзорном производстве поступление жалобы не подлежит обязательному рассмотрению в судебном

Функция обеспечения законности и обоснованности обвинения не дает прокурору особых процессуальных прав, позволяющих его выделить в отдельную категорию участников уголовного процесса. Но, если каждый участник обладает правом заявить на незаконное поведение кого-либо из участников в ходе судебного разбирательства, то для прокурора это является обязанностью, или главной целью его деятельности.

Государственное обвинение, представляемое прокурором в суде, может выражаться в двух формах. В зависимости от характера его направленности, обвинение может быть в виде:

- поддержания обвинения, выраженное в речь государственного обвинителя на стадии судебных прений;
- мотивированного заявления об отказе от обвинения полностью или частично.

Таким образом, мы пришли к выводу, что особенность процессуального положения прокурора в суде заключается в том, что прокурор одновременно представляет и обвинение в суде, и должен незамедлительно реагировать на любые нарушения российского законодательства.

заседании. Рассмотрение дела в порядке надзора ставит лицо, подавшее жалобу, представление или возражение, участвовать в судебном заседании или нет.

Представление прокурора о начале надзорного производства, равное по своим юридическим свойствам ходатайствам остальных участников судебного разбирательства, правомочных к подаче (надзорной) жалобы (ч. 1 ст. 402 УПК РФ), больше не освящено особой силой надзорного протеста и оценивается судом наряду с другими внесенными ходатайствами. Что само по себе отражает принцип равенства сторон уголовного процесса.

В порядке надзора может быть обжаловано одно или несколько судебных решений, в число которых входят определения судов, приговоры, постановления.

«При пересмотре дела прокурор должен руководствоваться принципом инстанционности. Он означает, что дело может рассматриваться надзорной инстанцией лишь при рассмотрении ходатайства нижестоящей надзорной инстанцией. Иногда это представляется недопустимым: в случае, когда члены президиума уже участвовали в рассмотрении дела или, был заявлен отвод судьбе» [2].

После того, как судья сделает свой доклад в ходе судебного рассмотрения надзорной жалобы, прокурор выступает с поддержкой внесенного представления. Если рассматривается жалоба иного участника уголовного процесса, то прокурор имеет право высказать свою точку зрения после объяснения оправданного, либо осужденного, а также их защитников и иных участников, при условии присутствия их в судебном заседании.

«Статья 412 УПК РФ ограничивает прокурора в подаче повторного представления, если такое представление ранее осталось без удовлетворения. Но только в случае, представление вносилось в нижестоящую инстанцию. А вот повторное внесение в вышестоящую надзорную инстанцию ничем не ограничивается».

Таким образом, хотелось бы отметить, что прокурор играет важную роль в ходе рассмотрения представлений и ходатайств надзорной инстанции. Обладая широким кругом полномочий, а также достаточно высоким уровнем профессиональных знаний, он может предотвратить и уберечь иных участников уголовного процесса от несоблюдения законов и нарушения их прав и законных интересов.

Отдельного внимания заслуживает такая стадия уголовного судопроизводства как стадия возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Данный вид производства служит отличным способом исправления недочетов и даже существенных ошибок, которые были допущены в ходе вынесения обвинительного приговора.

Необходимость такое стадии обуславливается тем, что нередко возникают ситуации, когда и во время вынесения обвинительного приговора, суду не была известна какая-либо информация, которая могла бы повлиять на исход конкретного дела. Последствием становится то, что приговор приобретает признаки незаконности и необоснованности, так как некоторые факты не были исследованы в ходе предварительного расследования и судом в силу их неизвестности.

Новыми обстоятельствами, влекущими возобновление производства по уголовному делу по заключению прокурора, являются не известные суду на момент вынесения

судебного решения: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, подтверждающие наступление новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

А также установленные в ходе расследования, обстоятельства, не известные ранее суду, свидетельствующие о непричастности осужденного к совершению преступления или о совершении им менее тяжкого преступления [1].

На данной стадии уголовного судопроизводства прокурор занимает играет роль, обладая полномочиями по надзору за законностью судебных решениями. Также, в ней сочетается и функция расследования преступления. Подтверждением тому служит тот факт, что дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам могут возобновиться лишь по инициативе прокурора.

Процессуальным актом, на основании которого суд решает отменить решение по делу, является заключение прокурора. Прокурор обладает исключительным полномочием возбуждать производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Как только прокурор выносит решение о возобновлении производства по делу, расследование проводится снова. Оно может производиться как прокурором, так и его по поручению следователем. В случае отсутствия вышеуказанных обстоятельств, прокурор выносит мотивированное постановление, о чем сообщает заявителю и разъясняет ему право, согласно которому он имеет право обжаловать принятое решение вышестоящему прокурору. Если следственные действия были поручены следователю, то прокурор проверяет их законность, а затем выносит заключение, которое направляется в суд в порядке ст. 417 УПК РФ.

Согласно ст. 418 УПК РФ суд при рассмотрении дела отменяет приговор и прекращает дело либо отменяет приговор и передает дело для производства нового судебного разбирательства. За судом остается право вынесения определения об отклонении заключения прокурора.

На стадии рассмотрения дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам прокурор занимает важное место, обладая полномочиями по надзору за законностью судебных решениями, сочетая в себе и функцию расследования преступления. Представление прокурора о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам — это акт прокурорского реагирования на вступившее в законную силу судебное постановление, вносимый в постановивший его суд с целью отмены данного судебного постановления и нового рассмотрения дела. Такое представление может быть подано в течение трех месяцев со дня установления оснований для пересмотра

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ// «Российской газете» от 22 декабря 2001 г. N 249.
2. Манова, Н. С. Уголовный процесс: учебное пособие. М.: Эксмо, 2019. с. 66.

Особенности правового регулирования реорганизации в форме слияния и присоединения в российском законодательстве

Будякова Ксения Олеговна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Цель статьи — выявление особенностей правового регулирования реорганизации в форме слияния и присоединения в российском законодательстве. На базе ретроспективного анализа зарождения и развития института реорганизации юридических лиц в России, автором выявлены правовая природа и существенные характеристики слияния и присоединения, а также определены содержательные стороны и отличия данных консолидирующих форм реорганизации.

Ключевые слова: формы реорганизации, слияние, присоединение, специфика, существенные отличия.

В условиях прогрессирующего финансового кризиса, тотальной дестабилизации экзогенных и эндогенных факторов функционирования предприятий и экстремально-высокой экономической турбулентности вопросы реорганизации приобретают архиактуальное значение, выступая инструментом аккумуляции и мобилизации ресурсов бизнеса. Существование самой парадигмы и института реорганизации обеспечивают предпринимателям право на свободу выбора законодательно определенных форм организации бизнеса. Одновременно с этим, необходимо констатировать некоторую ограниченность и проблемность российского законодательства в сфере реорганизации, что выражается, в первую очередь, в отсутствии четкого понятийного аппарата. Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), будучи главным нормативно-правовым актом, регулирующим реорганизацию юридических лиц, не содержит определения дефиниций слияния и присоединения (наиболее распространенных форм реорганизации).

Трактование дефиниций «слияние» и «присоединение» осуществляется лишь в специальных законах о юридических лицах, в том числе, в Федеральном законе «Об акционерных обществах» и Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью». Так, в п. 1 ст. 16 ФЗ «Об акционерных обществах» термин «слияние» интерпретируется как «возникновение нового общества посредством передачи ему всех прав и обязанностей. А п. 1 ст. 17 названного нормативно-правового акта определяет «присоединение» как упразднение одного или нескольких предприятий с последующей передачей их прав и обязанностей другому предприятию. Идентично обозначенные термины раскрываются в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 1 ст. 52). Опираясь на когнитивно-семантическое со-

держание терминов, приведенных в вышеуказанных ФЗ, можно констатировать, что законодатель истолковывает явления слияния и присоединения в контексте возникновения и прекращения реорганизуемых юридических лиц. Как корректно отмечает Белялова А. М. [5], данный подход характеризуется формализмом и ограниченностью, поскольку не обеспечивает полного понимания экономической и правовой природы исследуемых форм реорганизации.

В целях раскрытия сущностного ядра процессов слияния и присоединения, необходимо, в первую очередь, осуществить ретроспективный анализ становления института реорганизации в России. Как свидетельствует исторически экскурс, впервые создание новых хозяйствующих субъектов в нашей стране произошло в 1798 г., ознаменовавшемся учреждением Российско-Американской компании, внутренние уставы которой гласили: «компания сия не вновь учреждается, но составляется из двух существующих перед сим частных компаний Голикова с Шелиховою и Мыльниковою с товарищами». Базируясь на рассуждениях цивилистов Г. Ф. Шершеневича и П. Цитовича [8, 9] о том, что слияние есть соглашение соединения имущества двух акционерных товариществ в целях обеспечения их устойчивого развития путем прекращения существования одного или двух из них и учреждения нового юридического лица, можно предположить, что в до-революционный период, несмотря на отсутствие специального закона об объединении хозяйствующих субъектов, в правоприменительной практике уже использовались институты ликвидации и учреждения юридических лиц.

Однако, как отмечалось выше, неправомерно отождествлять процессы слияния и присоединения с процессами ликвидации и учреждения нового хозяйствующего субъекта, что аргументируется тем обстоятельством, что сли-

яние не предполагает полной ликвидации хозяйствующего субъекта. Как отмечает А.В. Венедиктов [7], «эти иные, чем при обычном прекращении, экономические отношения требуют и иной законодательной нормировки. Прекращение одного товарищества через слияние с другим должно быть регламентировано иначе, чем простое прекращение».

Важной вехой в эволюционировании правовых концептов «слияния» и «присоединения» стало принятие Положения от 15 июня 1927 г. «О порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении», в котором впервые регламентировались способы «прекращения кооперативной организации без ликвидации ее дел и имущества» (то есть реорганизации). Согласно п. 34 Положения, соединение организаций возможно двумя путями: 1) слиянием двух или нескольких организаций в одну с формированием нового устава и под новым наименованием; 2) вхождением одной или нескольких организаций в состав уже существующей под ее уставом и наименованием. При том, что закон не устанавливал и не легализовывал понятия реорганизации, в нем выделяется три формы реорганизации хозяйствующих субъектов, в том числе: слияние, присоединение и разделение.

Далее, мощный импульс становлению института реорганизации и правовой доктрине слияния и присоединения в России придали 90-е гг., ознаменовавшиеся кардинальными трансформациями экономической системы, интенсификацией процессов развития предпринимательства, переходом на рыночные рельсы и приватизацией государственного имущества. Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об акционерных обществах», принятые в этот период, закрепили в законодательстве пять форм реорганизации (слияние, разделение, выделение, поглощение и преобразование), а также их содержательные стороны. Так, в п. 143 Положения об акционерных обществах «слияние» определяется как процесс объединения контрольных пакетов акций с последующей конверсией акций либо путем изъятия акций одного общества с эквивалентной заменой акциями другого общества и консолидацией балансов. Однако, вновь акцентируем внимание на некорректности и однобокости данного трактования слияния и присоединения.

Для более глубокого понимания ценностно-смыслового ядра слияния и присоединения, необходимо выделить существенные признаки реорганизации:

- 1) учреждение или ликвидация юридических лиц, осуществляемые в результате их реорганизации;
- 2) наличие универсального правопреемства;
- 3) невозможность квалификации реорганизации в качестве гражданско-правовой сделки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022).

Вышеизложенные признаки справедливы как для слияния, так и присоединения, центральной общей чертой которых является направленность на укрупнение хозяйствующих субъектов в целях синергизации экономических эффектов и благ. В свою очередь, укрупнение предполагает сокращение числа хозяйствующих субъектов. Итак, слияние и присоединение не тождественные, но коррелируемые понятия и процессы, предполагающие объединение активов и пассивов реорганизуемых юридических лиц. Отличительной спецификой слияния является прекращение существования всех организаций, участвующих в реорганизации, специфика же присоединения — выбытие лишь одного хозяйствующего субъекта и включение его в состав другого. Также важная правовая особенность слияния заключается в формировании по результатам данного процесса нового субъекта гражданских правоотношений. В случае присоединения происходит лишь расширение компании, сопровождающееся передачей прав и обязанностей присоединяемой компании к уже существующему юридическому лицу. Данное положение отражено в п. 4 ст. 57 ГК РФ, гласящем: «при осуществлении реорганизации в форме присоединения юридическое лицо считается реорганизованным не с момента государственной регистрации вновь возникшего юридического лица (что характерно для всех остальных форм реорганизации), а с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица» [6].

Таким образом, выявив существенные признаки слияния и присоединения, можно дать наиболее корректное, полное, объемное определение данных консолидирующих форм реорганизации. Слияние необходимо трактовать как консолидирующую форму реорганизации, характеризующуюся универсальным правопреемством и направленную на наращивание капиталов и ресурсов (трудовых, финансовых, технологических) в процессе объединения двух и более юридических лиц в один хозяйствующий субъект. Результатом слияния в правовой коннотации служит возникновение нового субъекта гражданских правоотношений, обладающего всеми правами и обязанностями сливающихся компаний. Присоединение следует определять как консолидирующую форму реорганизации, в процессе которой права и обязанности участвующих в реорганизации юридических лиц передаются одному из них с прекращением существования других реорганизуемых лиц. Отметим, что слияние и поглощение могут быть осуществлены не только на добровольной основе, но и в принудительном порядке. Основания принудительного слияния или присоединения установлены в пп. 1-3 п. 1 ст. 189.26 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об акционерных обществах».
4. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью».
5. Березина, Ю. Г. Слияние и присоединение как консолидирующие формы реорганизации юридических лиц: историко-правовой и современный аспекты // Legal Concept, 2021. — с. 34-36.
6. Белялова, А. М. Правовое регулирование реорганизации коммерческих юридических лиц в России и за рубежом: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03/ — Москва, 2019. — 30 с.
7. Венедиктов, А. В. Слияние акционерных компаний/А. В. Венедиктов Пг.: Петрогр. политехн. инт имп. Петра Великого, 1914.
8. Цитович, П. Учебник торгового права. Вып. 1/П. Цитович. Спб.; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1891.
9. Шершеневич, Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года)/Г. Ф. Шершеневич. вступ. ст. е. А. Суханова. М.: Спарк, 1994.

Актуальные проблемы алиментных правоотношений

Власенко Татьяна Сергеевна, студент
Ульяновский государственный университет

Проблемы законодательной базы семейного права, регулирующие споры, связанные с алиментными обязательствами, являются одним из наиболее важных вопросов, решение которых в наибольшей степени требует внимания научного сообщества в поиске путей их устранения. В работе проводится анализ ряда теоретических и практических аспектов, связанных с институтом алиментных обязательств детей к родителям и предлагаются возможные пути решения проблем, возникающих с вышеуказанными правоотношениями.

Ключевые слова: алиментные обязательства, нетрудоспособный родитель, трудоспособные дети.

В современном обществе недостаточно развито правовое просвещение. С малых лет, в детских садах и средних общих учебных заведениях, проводятся правовые уроки, что, несомненно, повышает уровень правового развития, но, основываясь на судебной практике, стоит отметить, что данного уровня недостаточно. На сегодняшний день, наибольшая часть общества знает не только о своих обязанностях, но и о правах, однако говоря об алиментных обязательствах, зачастую граждане забывают, что такие обязательства есть не только у родителей к детям, но и у детей к своим родителям, а также и алиментные обязательства других членов семьи.

Переходя к основному вопросу, стоит уделить внимание понятию «алиментные обязательства». По мнению Е. А. Чефрановой, алиментными обязательствами являются обязательства по обеспечению получения средств на содержание несовершеннолетних и нетрудоспособных нуждающихся членов семьи от других ее членов. [1, с. 181].

Ссылаясь на семейное законодательство, можно выявить ряд оснований, критериев и особенностей, в соответствии с которыми такие обязательства возникают. В первую очередь, это совершеннолетие детей, то есть наступлении возраста 18 лет, либо эмансипации. Далее — трудоспособность детей и нетрудоспособность родителей и нуждаемость в помощи [ст. 87 СК РФ]. Как нам известно, уровень благополучия в семьях совершенно разный. Так как же определить необходимую степень нуждаемости,

при которой могут возникать алиментные обязательства по отношению к родителям? Как показывает практика, ее степень определяется судом по каждому конкретному делу. Он соотносит доходы родителя с расходами, которые необходимы для удовлетворения его жизненных потребностей с учетом возраста, состояния здоровья и других обстоятельств. Оценивая материальное положение родителя, суд учитывает:

— все виды его доходов, в частности пенсию, пособия, социальные выплаты, субсидии, доходы от предпринимательства;

— любое принадлежащее ему имущество.

Исходя из судебной практики, можно сделать вывод о том, что большинство судов не признают нуждающимися родителей и отказывают им во взыскании алиментов с детей, если пенсия родителя вместе с другими доплатами существенно превышает прожиточный минимум в конкретном регионе.

Как пример, можно рассмотреть решение Шилковского районного суда по делу № 2-414/2020 от 9 октября 2020 г., в котором суд рассмотрел дело по иску Павлоцкой Светланы Алексеевны к Павлоцкому Сергею Владимировичу о взыскании алиментов на нуждающегося родителя в твердой денежной сумме. [3] Суд, ссылаясь на то, что истицей не представлено убедительных доказательств, которые могли послужить основанием для взыскания с ответчика алиментов на содержание истицы, решил от-

казать в исковых требованиях. А также пришел к выводу, что доход истицы превышает прожиточный минимум для трудоспособного населения в Рязанской области, несмотря на то, что истица имела хроническое заболевание и нуждалась в ежемесячном приобретении дорогостоящих лекарств.

В законодательстве и судебной практике обязанность не связывают с наличием или отсутствием у детей постоянного и достаточного дохода, так как считается, что родители вправе получать необходимое содержание независимо от материального и семейного положения взрослых детей. На наш, взгляд, этот момент является спорным и должен рассматриваться в каждом конкретном случае, учитывая все внешние факторы и обстоятельства.

Несмотря на установленные правила, как исключения существуют решения суда, не поддерживающие вышеуказанную тенденцию. В судебной практике встречается ситуация, где суд, посчитав, что нетрудоспособному отцу пенсии хватает на все базовые потребности, в которые входили покупка необходимо минимального количества одежды, продуктов питания, вещей первой необходимости и оплаты услуг ЖКХ. В выплате алиментов было отказано.

Безусловно, обязать заботиться о своих нетрудоспособных родителях суд не в силах, так как это личный долг перед родителями и уже вопрос не правового, а больше морального характера. Однако в данном случае, как и в аналогичных делах следовало бы уделять внимание и иным обстоятельствам, к примеру, таким как оказание медицинских услуг. Очень часто мы сталкиваемся с ситуациями, когда в бесплатных медицинских государственных учреждениях получить необходимую медицинскую помощь своевременно не всегда получается. Нетрудоспособным гражданам приходится обращаться в частные клиники за получением необходимой, а, главное, своевременной помощи. И алиментные обязательства, по крайней мере, в данной ситуации, такого резерва не предусматривают, ставя нетрудоспособного родителя в тяжелое безвыходное положение. Судебная практика в таких ситуациях ссылается на право бесплатного оказания медицинских услуг, то есть если заболевание несерьезное, лечение должно осуществляться в муниципальной поликлинике. Но суд не учитывает срочность оказания медицинских услуг, что и влечет за собой обращение в частные клиники, на что и необходимы дополнительные расходы.

Стоит отметить, что в семейном законодательстве присутствуют нормы, регулирующие данные правоотношения. В Семейном Кодексе данные правоотношения расцениваются как исключительные случаях, в которых, помимо болезни, а как указывается в статье 88 «тяжелая болезнь», входят еще увечья родителя, необходимость оплаты постороннего ухода за ним и других. Возникает вопрос: если

необходимо незамедлительное оказание медицинских услуг, которые, конечно, получить в муниципальной поликлинике возможно, но с длительной очередью, а диагноз не относится к категории тяжелой болезни — будут ли такие расходы относиться к алиментным обязательствам в общем порядке? Из смысла вышеуказанной статьи, к дополнительным расходам по алиментным обязательствам они не относятся. В качестве решения данной проблемы предлагается ввести, так называемый, резерв на оказание внеплановых медицинских услуг, сумма которых будет учитываться исходя из конкретного случая.

Стоит отметить, что право на взыскание алиментов, закрепленное нормами семейного законодательства возможно при наличии определенных условий. Как уже указывалось ранее, получателем алиментов могут быть только нетрудоспособные нуждающиеся лица (родители), которые добросовестно относились к воспитанию ребенка до достижения им совершеннолетия. А также, выполнял обязанности по уплате алиментов без образования задолженностей и не был лишён судом родительских прав. Из этого следует, что при невыполнении данных обязанностей, трудоспособный ребенок освобождается от обязанностей по уплате алиментных обязательств, если подтвердит несоблюдение родителем своих обязанностей по воспитанию и содержанию. Это может быть подтверждено показанием свидетелей, медицинскими справками из наркологических диспансеров, подтверждающих у родителей алкогольную и наркотическую зависимость. А также протоколом комиссии по делам несовершеннолетних, подтверждающих факт предупреждения о лишении родительских прав. Абсолютным является основание в освобождении от уплаты алиментов лишение родительских прав в отношении ребенка. В силу того, что законодатель ставит перед судами задачу — проверить добросовестность исполнения родителями своих обязательств перед детьми, предшествующих вновь возникшим обязательствам уже детей перед родителями и дать им правовую оценку, считаем возможным и необходимым расширить перечень, подлежащих проверке суда вопросов и включить туда вопрос необходимого получения медицинской помощи вне рамок возможностей, обеспеченных прожиточным минимумом.

Таким образом, каждый нетрудоспособный, нуждающийся в помощи, добросовестно исполняющий свои родительские обязанности имеет право на получение материальной помощи со стороны своих детей, путем получения алиментов, способных обеспечить достойный уровень жизни. Также, считаем необходимым более подробно изучить вопрос о включении расходов на медицинские услуги как обязательную часть алиментных обязательств.

Литература:

1. Агапов, С.В. Семейное право: учебник и практикум для вузов/С.В. Агапов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 264 с.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16; Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (часть III). — Ст. 5277.
3. Решение Шиловского районного суд (Рязанская область) от 9 октября 2020 г. по делу № 2-414/2020 — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: //sudact. ru/arbitral/doc/lge1zGlCpoHp/(дата обращения: 07.11.2022).

Многофункциональный центр как форма предоставления государственных услуг (на примере ГБУ Курганской области «МФЦ»)

Воденников Михаил Михайлович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье авторами освещена тема предоставления государственных услуг органами исполнительной власти на базе ГБУ Курганской области «МФЦ». Затрагиваются актуальные в настоящее время проблемы межведомственного взаимодействия между органами исполнительной власти и МФЦ, а также основные трудности, возникающие при оказании государственных услуг.

Ключевые слова: многофункциональный центр, МФЦ, услуга, государственная услуга, муниципальная услуга, орган власти, межведомственное взаимодействие.

Вопрос взаимодействия власти и общества в России, как и во всём мире, во все времена был одним из главных. Одной из форм такого взаимодействия является оказание государственных услуг. В условиях развития современного информационного общества и перехода от традиционной бюрократической системы происходит упрощение взаимодействия между государством и обществом, повышение открытости деятельности органов власти. Меняется и сам характер взаимоотношений в сторону эффективности предоставляемых государственных услуг и удовлетворенности заявителя результатом оказания услуги.

Нормативной базой предоставления государственных и муниципальных услуг является Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ. Государственная услуга определяется как: «деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги» [1].

В Российской Федерации предоставление услуг населению реализуется через органы исполнительной власти

субъекта Российской Федерации, подведомственные им учреждения; территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти; органы местного самоуправления и подведомственные им учреждения; многофункциональные центры.

Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) — это организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), отвечающая требованиям, установленным настоящим Федеральным законом, и уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна» [1].

Принцип «одного окна» означает, что предоставление услуг различных органов власти, сосредоточено в одном месте, начиная от этапа подачи заявления и заканчивая этапом выдачи результатов оказанной услуги. Таким образом, личное обращение заявителя в орган власти не требуется, а МФЦ возлагает на себя обязанности по межведомственному взаимодействию. Одной из основных целей «одного окна» является сокращение необходимого количества документов, которые заявитель должен сам собрать и предоставлять в орган власти для принятия решения.

Остановимся на общих этапах предоставления государственных услуг в МФЦ, независимо от специфики этих услуг и предоставляющих органов:

1) Заявитель, предварительно записавшись на прием, или без предварительной записи, получив талон в терминале, ждёт, когда его вызовут на прием. Оказавшись в окне приёма, заявитель обязательно представляет доку-

мент, удостоверяющий личность, операционист удостоверяет личность и проверяет наличие необходимых документов;

2) Специалист по обработке документов МФЦ заполняет заявление на получение государственной услуги, формирует расписку о получении документов в 3-х экземплярах (один экземпляр расписки выдается заявителю для получения документов, 2-й экземпляр передается в орган вместе с остальными документами, а 3-й экземпляр остается в МФЦ, пока заявитель не получит результат услуги. Затем расписка уходит в архив МФЦ). Если предоставление услуги осуществляется в электронном виде, то все необходимые документы сканируются и отправляются в орган по защищенному каналу связи. В таком случае, расписка печатается в 2-х экземплярах;

3) на следующий день после дня приёма, курьером МФЦ документы доставляются в орган. При этом на каждую принятую услугу составляется отдельная ведомость в 2-х экземплярах (один экземпляр останется в органе, принявшим документы, а второй вернется отдел МФЦ с подписью приёмщика);

4) результат предоставления услуг, у которых предусмотрена выдача, доставляется в отдел МФЦ курьером по ведомости из органа. Если при предоставлении услуги документы отправлялись в орган в форме скан-образа, то сотрудником обработки документов из программы, в которой происходит обмен данными между МФЦ и органом, распечатывается итоговый документ, являющийся результатом услуги. Сотрудник, распечатавший данный результат, заверяет его своей подписью и печатью организации «Для документов»;

5) заявитель обращается за получением результата услуги лично или через доверенное лицо.

Предоставление государственных и муниципальных услуг в МФЦ осуществляется на основе соглашения о взаимодействии между органом власти и МФЦ [2]. Перечень функций, осуществляемых МФЦ в соответствии с соглашением, определён в статье 16 ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ. Соглашение о взаимодействии в ГБУ Курганской области «МФЦ», например, содержит следующие основные части:

1) наименование сторон соглашения о взаимодействии;

2) предмет соглашения;

3) перечень услуг, предоставляемых через МФЦ;

4) права и обязанности органа, предоставляющего услуги;

5) права и обязанности многофункционального центра;

6) порядок информационного обмена. Порядок участия МФЦ в предоставлении государственных услуг;

7) осуществление контроля органа, предоставляющего услуги порядка и условий организации предоставления государственных услуг в МФЦ;

8) ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение соглашения;

9) порядок внесения изменений и срок действия соглашения о взаимодействии;

10) материально-техническое и финансовое обеспечение предоставления услуг через МФЦ;

11) начало предоставления государственных услуг;

12) реквизиты и подписи сторон.

Правовые основы организации деятельности МФЦ определены в Постановлении Правительства РФ от 22.12.2012 № 1376 «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг», в котором содержатся требования к условиям и качеству предоставления услуг. Количество окон обслуживания МФЦ рассчитывается в зависимости от численности населения, из расчета не менее одного окна обслуживания на каждые 5000 жителей, проживающих в муниципальном образовании, в котором располагается МФЦ [3].

При оказании государственных и муниципальных услуг МФЦ вступает во взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления и другими организациями — участниками системы межведомственного электронного взаимодействия. Так, например, органами власти должно быть организовано электронное взаимодействие с МФЦ по оказанию 37 госуслуг [2]. В настоящее время возможность электронного взаимодействия с ГБУ «МФЦ» Курганской области по некоторым услугам организована УМВД России по Курганской области, УФССП России по Курганской области, Фондом социального страхования Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации.

В регионах РФ может быть реализовано несколько моделей управления МФЦ:

1) Централизованная модель — создание МФЦ субъектом РФ. В муниципальных образованиях субъекта РФ создаются обособленные подразделения. Субъект РФ создает уполномоченный МФЦ, который осуществляет заключение соглашений о взаимодействии с органами власти и организациями, предоставляющими услуги. Кроме этого, уполномоченный МФЦ ведет реестр заключенных договоров и соглашений, а также является оператором АИС (автоматизированной информационной системы) МФЦ.

2) Децентрализованная модель предполагает создание муниципальными образованиями самостоятельных отделов МФЦ.

3) Смешанная модель объединяет в себе оба варианта: создание МФЦ как субъектом РФ, так и муниципальным образованием.

Государственное бюджетное учреждение Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг» (ГБУ «МФЦ») создано в соответствии с Постановлением Правительства Курганской области от 24 января 2011 года № 17 «О создании Государственного бюджетного уч-

реждения Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг» [4]. Учредителем Учреждения является Курганская область. Функции и полномочия Учредителя Учреждения от имени Курганской области осуществляет Правительство Курганской области.

В городских отделах ГБУ «МФЦ» Курганской области оказываются 236 государственных услуг таких ведомств как:

- Управление Министерства внутренних дел РФ по Курганской области;

- Управление Федеральной службы Государственной Регистрации Кадастра и Картографии по Курганской области;

- Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Курганской области;

- Главное управление социальной защиты населения Курганской области;

- Департамент экономического развития Курганской области;

- Управление ЗАГС Курганской области;

- Департамент гражданской защиты, охраны окружающей среды и природных ресурсов Курганской области;

- Управление Федеральной налоговой службы по Курганской области;

- ГУ «Курганское региональное отделение Фонда социального страхования РФ»

- Управление Федеральной службы судебных приставов России по Курганской области (предоставление информации по исполнительным производством).

Согласно данным официального сайта МФЦ Курганской области, всего по области оказывается 867 услуги, из которых 676 муниципальных услуг, 120 региональных, 40 федеральных и 31 иная услуга [5].

За оказанием государственных и муниципальных услуг в Центры «Мои Документы» Курганской области в 2021 году поступило 625212 обращений. Больше всего обращений пришлось на ноябрь 2021 года — 71671, далее по убыванию следуют декабрь — 62370 обращений и октябрь — 59618 обращений. В отделе телефонного обслуживания (call-центр) ГБУ «МФЦ» в 2021 году зафиксировано 262699 звонков. Специалисты приняли 162422 звонка от заявителей, обратившихся за консультациями по предоставляемым услугам, и совершили 100277 звонков заявителям в порядке информирования о готовности документов.

Популярными в ГБУ «МФЦ» являются услуги Управления Росреестра по Курганской области (регистрация права на недвижимое имущество), УМВД России по Курганской области (выдача и замена паспорта, регистрационный учёт по месту пребывания и по месту жительства), Главного управления социальной защиты населения Курганской области (субсидия на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, назначение и выплата пособия на ребенка, пособие на ребенка от 3 до 7 лет).

В МФЦ услуги МВД составляют 20% от всех предоставляемых государственных услуг. В 2021 году в центрах

«Мои Документы» региона было предоставлено рекордное число услуг МВД России — 124798 услуг. Наиболее популярны у заявителей многофункциональных центров следующие услуги МВД:

1. Государственная услуга по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации (59887);

2. Выдача справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (26206);

3. Государственная услуга по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации (24615).

Деятельность МФЦ способствует повышению качества и сокращению сроков предоставления государственных и муниципальных услуг, упрощению процедур их получения (за счет экстерриториального принципа предоставления), противодействию коррупции за счет отсутствия личного общения с предоставляющими услуги служащими, повышению информированности заявителей о порядке, способах и условиях получения государственных и муниципальных услуг, удовлетворенности заявителей взаимодействием с государственными органами.

Однако на текущий момент существует ряд проблем, связанных с предоставлением государственных услуг через МФЦ. Количество оказываемых услуг из года в год только увеличивается, следовательно, специалист по приёму документов должен своевременно осваивать информацию по предоставлению новых услуг, знакомиться с требованиями регламента и знать необходимый комплект документов. Однако, в связи с большой загруженностью, выполнить вовремя это не всегда удаётся. Отсюда возникает большое количество ошибок и увеличивается время приёма.

Другая насущная проблема — высокая текучесть кадров, вызванная целым рядом причин. Это большая личная ответственность специалиста по приему за возможный отказ в предоставлении услуги, что в совокупности с низкой заработной платой приводит к оттоку кадров.

Следующая проблема предоставления государственных услуг через МФЦ, на наш взгляд, является основной. Речь о межведомственном взаимодействии при предоставлении государственных и муниципальных услуг. В настоящий момент этот механизм до конца не налажен. Основная причина в организации такого взаимодействия кроется в отсутствии совместного подхода по созданию и поддержанию единой информационной среды, несовместимость программного обеспечения различных органов, его устаревание. Сроки предоставления результатов межведомственных запросов значительно увеличиваются, а, соответственно и сроки оказания услуги.

Решением проблемы может стать создание единой базы данных и информационной сети для поддержки деятельности МФЦ по всем оказываемым услугам. Такая единая база, доступ к которой имеют органы государственной власти и местного самоуправления, взаимодействующие с МФЦ, позволит сократить количество ошибок и сроки приёма документов за счет постоянной актуализации содержащейся в ней информации. Для реализации единых подходов к обеспечению качества предоставления государственных и муниципальных услуг в МФЦ на всей территории Российской Федерации в законодательстве должны быть четко закреплены полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению деятельности МФЦ [6].

Актуальным является и проблема финансирования деятельности МФЦ. В связи с тем, что в МФЦ оказываются федеральные, региональные и муниципальные услуги, необходимо разработать механизмы предоставления средств из бюджетов соответствующих уровней на возмещение затрат МФЦ, сформировать соответствующую нормативную правовую базу. В настоящее время все затраты несет учредитель.

Последней проблемой является степень осведомленности заявителей о возможности получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде через портал «Госуслуги», а не только в МФЦ. Пока не все граждане знают о возможности получения государственных и муниципальных услуг через интернет, многие обращаются непосредственно в государственные (муниципальные) органы или в МФЦ, тем самым создавая очереди. При этом получить необходимую услугу возможно электронно, не выходя из дома, существенно сократив затраты времени. Главное, не только информировать о воз-

можностях, предоставляемых сервисом «Госуслуги», но и учить пользоваться.

Несмотря на озвученные выше недостатки, работа МФЦ способствует дальнейшему формированию и развитию информационного общества, так как обеспечивает доступ к порталам государственных и муниципальных услуг, тем самым способствуя повышению уровня компьютерной и правовой грамотности населения, преодолению информационного неравенства между субъектами Российской Федерации.

Так, например, в курганских городских и районных отделах ГБУ «МФЦ» с 27 сентября 2022 года началось предоставление сервиса Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по прохождению процедуры идентификации личности по заявлению на оформление персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования — «Карты болельщика».

Для оформления карты болельщика требуется учетная запись на портале «Госуслуги» — стандартная, упрощенная или подтвержденная. Создать учетную запись и подтвердить ее также можно в МФЦ.

С 26 октября 2022 года во всех отделах ГБУ Курганской области «МФЦ» началось предоставление услуги по составлению и выдаче заявителям документов на бумажном носителе, подтверждающих содержание электронных документов, по результатам предоставления государственных и муниципальных услуг органами, предоставляющими государственные услуги, и органами, предоставляющими муниципальные услуги, поступивших с Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Можно сделать вывод, что МФЦ является точкой доступа населения к электронным государственным и муниципальным услугам.

Литература:

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. // *Собрание законодательства РФ*. — 2010. — № 31. — Ст. 4179. — Текст: непосредственный.
2. Постановление Правительства РФ от 27.09.2011 N 797 (ред. от 28.04.2022) «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, публично-правовыми компаниями» // *Собрание законодательства РФ*. — 2011. — № 40. — Ст. 5559. — Текст: непосредственный.
3. Постановление Правительства РФ от 22.12.2012 N 1376 (ред. от 07.05.2022) «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» // *Собрание законодательства РФ*. — 2012. — № 53, ч. 1. — Ст. 7932. — Текст: непосредственный.
4. Постановление Правительства Курганской области от 24.01.2011 N 17 (ред. от 22.10.2019) «О создании Государственного бюджетного учреждения Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг» (вместе с «Уставом Государственного бюджетного учреждения Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг», «Перечнем мероприятий по созданию Государственного бюджетного учреждения Курганской области «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг») — Текст: электронный // URL: https://kurganobl.ru/assets/files/documents/2013/pravitelstvo/5rasp_pko_24_01_2011_17.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

5. Сайт ГБУ Курганской области «МФЦ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mfc45.ru/> (дата обращения: 07.11.2022).
6. Распоряжение Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 26. — Ст. 3826. — Текст: непосредственный.

Административная ответственность за правонарушения в области финансов, налогов и сборов для субъектов малого и среднего предпринимательства

Горохова Раиса Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрывается необходимость недопущения предпринимателями административных правонарушений в области финансов, налогов и сборов в современных условиях.

Ключевые слова: административное наказание, административная ответственность, предупреждение, виды административного наказания, виды административной ответственности.

Цель установления административной ответственности — защита интересов государства в правоотношениях, связанных с обеспечением режима функционирования государственных денежных фондов, а также с обеспечением экономической безопасности государства в целом. Особенно это становится актуальным в период кризисных явлений экономики, как это произошло, к примеру, в 2020 году в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Критически низкий потребительский спрос, рост дебиторской задолженности, острая нехватка средств для оплаты налогов и прочих отчислений при росте налоговой нагрузки, отмена единого налога на вмененный доход (ЕНВД), чрезмерное внимание к операциям бизнеса, увеличение цифровизации, а, следовательно, и контроля данных — все это заставило предпринимателей заново изучить свою ответственность не только согласно Налоговому Кодексу Российской Федерации, но и в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации в части правонарушений в области финансов, налогов и сборов. Многие предприниматели отмечают, что главная угроза — «в возможности произвольной трактовки законодательных норм контролирующими органами и пробелы в законодательстве». [5] При этом количество проверок со стороны государственных структур растет, и около 50% трудностей, с которыми сталкиваются предприниматели, кроется именно в области налогового законодательства.

Административным правонарушением признается противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ). Административная ответственность в сфере финансов — это ответственность

организаций, их должностных лиц и индивидуальных предпринимателей за налоговые правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Административная ответственность в области финансов, налогов и сборов предусмотрена статьями 15.1, 15.3-15.6, 15.11 КоАП РФ. Административная ответственность, установленная ст. 15.3-15.9, 15.11 КоАП РФ, не применяется к индивидуальным предпринимателям (примечание к ст. 15.3 КоАП РФ). Это объясняется тем, что лицо не может быть привлечено к ответственности дважды за одно и то же правонарушение. Поскольку составы правонарушений схожи с установленными НК РФ, предприниматель может быть привлечен только по НК РФ. Что касается организаций, то сами организации, как указано выше, могут быть привлечены за нарушение законодательства о налогах и сборах по НК РФ, а их должностные лица — по КоАП РФ. Для административного законодательства под должностным лицом понимается не только генеральный директор организации или главный бухгалтер. Это может быть и другой сотрудник, если обязанность по представлению налоговой отчетности возложена на него должностной инструкцией, приказом, распоряжением, иным локальным нормативным актом — иными словами, лицо, в чьи должностные обязанности входит осуществление данной функции (ст. 2.4 КоАП РФ). Необходимо обратить внимание, что в качестве субъекта административной ответственности могут выступать и организации, но только не в случае с налогами. Это объяснимо — наложение дополнительного административного штрафа на организацию, которая уже подверглась налоговому штрафу, означало бы нарушение принцип однократности привлечения к ответственности, а это недопустимо.

В зависимости от объекта административные правонарушения в области финансов подразделяются на подгруппы:

— правонарушения в области наличного денежного обращения (ст. 15.1 КоАП РФ «Нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, а также нарушение требований об использовании специальных банковских счетов»);

— правонарушения в области налогов (ст. 15.3 КоАП РФ «Нарушение срока постановки на учет в налоговом органе», ст. 15.5 КоАП РФ «Нарушение сроков представления налоговой декларации (расчета по страховым взносам)», ст. 15.6 КоАП РФ «Непредоставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля», ст. 15.7 КоАП РФ «Нарушение порядка открытия счета налогоплательщику», ст. 15.11 КоАП РФ «Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности»).

Самые распространенные случаи применения административной ответственности за налоговые правонарушения (от наиболее частого к менее распространенному):

1. ст. 15.5 КоАП РФ «Нарушение сроков предоставления налоговой декларации (расчета по страховым взносам)»

2. ст. 15.6 КоАП РФ «Непредоставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля»

3. ст. 15.11 КоАП РФ «Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности»

4. ст. 15.3 КоАП РФ «Нарушение срока постановки на учет в налоговом органе».

Штрафы, введенные в КоАП РФ, являются основной мерой ответственности за налоговые правонарушения, и они относительно невелики, но предусмотренная в не-

которых случаях такая мера административной ответственности как дисквалификация руководителя может оказаться тяжелее, чем финансовые санкции. Это влечет за собой корректировку записей в ЕГРЮЛ, изменение документов как внутреннего характера (назначение нового руководителя организации, перераспределение должностных обязанностей и т.п.), так и тех, которые регулируют отношения с партнерами. Также к нарушителям могут применяться такие меры наказания как предупреждение, конфискации предметов административного нарушения и другие, но на практике за налоговые проступки данные меры применяются редко.

При применении санкций предусмотрен ряд смягчающих и отягчающих обстоятельств. К административной ответственности за налоговые нарушения не могут привлечь по истечении годового срока давности. Или по истечении двухлетнего срока, если нарушено законодательство о бухучете. Сроки, введенные в КоАП РФ, обычно отсчитывают со дня, когда допущено нарушение. Особые правила — для сроков по делящимся нарушениям. Тут отсчет начинают со дня их выявления.

Административное наказание применяется, прежде всего, в целях воспитания лица, совершившего административное правонарушение. Оно выполняет также функцию предупреждения совершения правонарушения как лицом, привлекающийся в административной ответственности, так и другими лицами. В связи с вышеизложенным трудно переоценить роль института административной ответственности во взаимоотношениях государства и налогоплательщика, ведь от того насколько эффективной и, в то же время, справедливой будет такая ответственность, во многом зависит добросовестность и правовая корректность обязанной стороны налоговых правоотношений, а, в конечном итоге, и уважение к принимаемым в Российской Федерации законам.

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ
2. Четвериков, В. С. Административное право. Серия «Высшее образование». Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
3. Скаунова, Т., Штукмастер И., Урбан Ю. Административная и уголовная ответственность за нарушение налогового законодательства. — //Юридический справочник руководителя. — 2011. — № 06. — URL: <https://delo-press.ru/journals/law/yuridicheskaya-otvetstvennost/37696>
4. Сухова, А. И. Административные нарушения, выявляемые органами прокуратуры, в области финансов / А. И. Сухова. — Молодой ученый. — 2019. — № 40 (278). — с. 147-150. — URL: <https://mouch.ru/archive/278/62757>
5. Состояние малого и среднего бизнеса в России после года пандемии // Исследование Тинькофф Бизнеса и аналитического проекта Tinkoff Data: [сайт]. — 2021. — с. 9. — URL: <https://acdn.tinkoff.ru/static/documents/28042021-tinkoff-business-research-state-small-and-medium-sized-businesses-russia-after-year-pandemic.pdf> (дата обращения: 22.10.2022).

Проблемы и перспективы участия прокуроров в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов

Железняк Татьяна Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор пытается рассмотреть актуальные проблемы участия прокуроров в правотворческой деятельности, а также возможные пути их решения.

Ключевые слова: конституция, прокурор, правотворческая деятельность, формы участия в правотворчестве.

В настоящее время в России наблюдается наличие не-совершенства правотворчества, ввиду того что более половины принимаемых нормативно-правовых актов связаны с внесением изменений и дополнений в ранее изданные законы [1].

Многие авторы сходятся во мнении, что именно прокуратура является органом, осведомленным о состоянии законности в нашей стране, прокурорский надзор охватывает все значимые для общественной жизни сферы.

Как высказался в своем интервью прокурор Удмуртской Республики А. Ю. Николаев: «Только у нас в России прокуратура отвечает за все, и с нас спрашивают за все... Прокуратура в России осуществляет надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами контроля и управления, судебными приставами, администрациями органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторов, коммерческими и некоммерческими организациями, должностными лицами указанных органов и организаций, а также за соответствием закону издаваемых ими правовых актов...» [2].

Именно поэтому полагаем, что вопрос расширения сложившихся форм сотрудничества с государственными органами власти субъекта РФ в сфере нормотворчества является важным и острым.

Средствами такого взаимодействия уже на этапе подготовки правовых актов возможно устранить нарушения и коллизии, что исключит необходимость в опротестовании и судебном оспаривании незаконных правовых актов и как следствие, уже на начальном этапе исключит нарушение законных прав и интересов граждан.

Как мы рассмотрели ранее, действующая редакция ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» ст. 9 указал в качестве формы участия прокурора в правотворческой деятельности — внесение в органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

На практике организационно-распорядительные документы генеральной прокуратуры указывают и конкретизируют также иные правовые средства.

Можно выделить такие формы осуществления прокурором правотворческой деятельности, как участие в выявлении потребности в правовом регулировании общественных отношений, мониторинг, участие в обсуждении и подготовке проектов нормативных правовых актов, консультирование разработчиков проектов нормативных актов по правовым вопросам, проведение правовой экспертизы, участие в рассмотрении внесенных представлений и протестов представительными (законодательными) органами, применение прокурором мер к отмене незаконных правовых актов.

С. М. Кирюхина, к примеру, указывает, что последние три формы относятся к надзорной функции, а не к правотворческой как таковой, так как преследуется цель добиться отмены незаконных правовых актов или устранить иное выявленное нарушение закона.

Вместе с тем, Ю. Е. Винокуров, А. Ф. Смирнов, Н. В. Григорьева, В. Г. Бессарабов и Р. Б. Хуторецкий рассматривают указанные направления как формы участия прокурора в правотворческой деятельности и с этим сложно поспорить. Использование мер прокурорского реагирования по отмене незаконных правовых актов как одна из форм правотворческой деятельности прокурора также находит свое отражение и конкретизацию в приказах Генерального прокурора № № 144, 155, 195.

Прокурорам предоставлено право законодательной инициативы на региональном или местном уровне. Данное право закреплено уже в 82 субъектах, к примеру статья 37 Конституции Удмуртии, ст. 76 Конституции Башкортостан [3].

Но, в большинстве субъектов РФ органы прокуратуры обладают ограниченным правом законодательной инициативы: региональные законодатели, по аналогии со ст. 104 Конституции РФ, употребляют словосочетание «по предметам ее ведения».

К примеру, в Удмуртии абз. 2 ч. 1 ст. 37 Конституции УР изложен в следующей редакции: «право законодательной инициативы в Государственном Совете Удмуртской Республики принадлежит также Конституционному Суду Удмуртской Республики, Верховному Суду Удмуртской Республики, Арбитражному суду Удмуртской Республики, Прокурору Удмуртской Республики, Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики по вопросам их ведения».

В Нижегородской области Российской Федерации, к примеру, в силу абз. 3 ч. 1 ст. 48 Устава «право законодательной инициативы по вопросам их ведения принадлежит также Нижегородскому областному суду, Арбитражному суду Нижегородской области, прокурору Нижегородской области, избирательной комиссии Нижегородской области...» [4].

В такой ситуации примечателен пример Татарстана. Так, в Республике Татарстан прокурор республики наделен правом законодательной инициативы без указания на пределы в рамках «предмета ведения».

Часть 1 ст. 76 Конституции Республики Татарстан закрепляет, что «право законодательной инициативы принадлежит Президенту Республики Татарстан, депутатам Государственного Совета, Президиуму и комитетам Государственного Совета, Кабинету Министров Республики Татарстан, Государственному Советнику Республики Татарстан, Прокурору Республики Татарстан, представительным органам местного самоуправления» [5].

Представляется, что оговорка «по предметам ведения» может вызвать затруднения при реализации прокурором законодательной инициативы, поэтому не включение такой формулировки при наделении прокурора правом законодательной инициативы является излишним. В защиту указанной позиции следует указать, что по всей своей сути, пределы деятельности прокуратуры определяются предметом надзора и возложенными на нее функциями, главная и основополагающая из которых — надзор за соблюдением законности, соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

На практике, если Основным Законом субъекта РФ прокурору не предоставлено такое право или имеется оговорка «в пределах ведения», он обращается к уполномоченным органам государственной власти субъекта РФ, их должностным лицам с предложением об усовершенствовании законодательства.

Такие предложения не обладают обязательным характером, и их реализация связана с усмотрением участников правотворческой деятельности.

Однако, безусловно, впоследствии прокурор может принести протест, представление или обратиться к вышестоящему органу или в суд с целью устранения нарушения законодательства.

Все данные действия затягивают правотворческий процесс, в результате чего могут нарушаться права граждан, требования прокуратуры могут оставаться не реализованными, законодательные проблемы нерешенными вследствие утраты их актуальности, [6] а авторитет государственной власти в глазах общества — подорванным в следствие процессуальной «волокиты».

Органы прокуратуры различных уровней могли бы эффективнее влиять на законотворческий процесс, если бы обладали правом законодательной инициативы, поэтому представляется необходимым:

1. закрепить за Генеральным прокурором РФ в ст. 104 Конституции РФ право законодательной инициативы;

2. дополнить ст. 9 Закона о прокуратуре нормой, содержащей право прокуроров вносить предложения о совершенствовании законодательства, которые бы подлежали обязательному рассмотрению законодательными органами различных уровней, органами местного самоуправления.

3. наделить Прокуроров субъектов РФ хотя бы наделить «безусловным правом» законодательной инициативы без оговорок «в пределах ведения» во всех субъектах РФ без исключения.

Кстати, в реализацию этого предложения уже предпринимались попытки. Так, Правительство РФ в 2021 году внесло на рассмотрение депутатов подготовленный Министерством юстиции законопроект № 1219895-7, которым предлагается предоставить право законодательной инициативы в законодательном органе государственной власти субъекта РФ прокурору. Поправки предусматривают внесение изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [7].

Как отмечается в пояснительной записке, сейчас региональное законодательство наделяет 82 прокуроров субъектов РФ правом законодательной инициативы, и они активно его используют. «Анализ указанной работы показывает, что наличие у прокуроров субъектов Российской Федерации права законодательной инициативы способствует надлежащей защите интересов неограниченного круга лиц, общества и государства, обеспечивает качественное региональное нормотворчество, исключая сложную и затратную работу по опротестованию незаконных актов и их судебному оспариванию» [8].

Закрепление такого права на уровне федерального законодательства, как ожидается, будет обеспечивать качественное региональное нормотворчество. В настоящий момент законопроект № 1219895-7 находится на этапе Рассмотрения Советом Государственной Думы законопроекта, представленного ответственным комитетом [9].

необходимо проводить последовательную и целенаправленную работу по подготовке и переподготовке прокурорских кадров навыкам участия в правотворческой деятельности, для чего включить в планы занятий в институтах прокуратуры специальные программы, использовать различные формы и методы обобщения и распространения имеющегося правотворческого опыта.

Обращать особое внимание вопросам правотворчества при повышении квалификации прохождения стажировки действующих сотрудников прокуратуры с целью обновления их теоретических и практических знаний.

Разработать единые методические указания для участия прокурора в заседаниях законодательных (представительных) органов власти субъекта, участия в рассмотрении дел по заявлениям прокуроров в суде, подготовки проекта правового акта, заключения по нормативному акту.

Прокурором следует активнее проявлять инициативу в вопросах формирования нормативной базы, активнее использовать право законодательной инициативы, предложенное региональными органами власти.

Вместе с тем, следует учитывать, что прокуратура не должна подменять органы государственной власти в нормотворчестве. Основная цель прокуратуры — способствовать обеспечению прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства на основе верховенства закона, единства и укрепления законности.

Представляется, что внимание к выявленным проблемам и предложенные меры, несомненно, позволят повысить качество принимаемых в России нормативно-правовых актов.

В качестве общих выводов к главе следует указать, что Приказы Генерального прокурора от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления», а также Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») имеют организационно распорядительный характер и создают основу регламентации правотворческой деятельности прокурора. Определяют формы взаимодействия с государственными органами государственной власти субъекта.

Участие прокуроров в правотворчестве регламентировано также приказом Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» № 195, который обязывает прокуроров при выявлении неполноты и коллизий в действующем законодательстве вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, дополнении, об отмене или о необходимости принятия правовых нормативных актов.

Деятельность прокуратуры в сфере правотворчества государственных органов власти субъекта должен строиться на регулярной систематичной основе. Прокурорам необходимо осуществлять мониторинг и анализировать

ситуацию на поднадзорной территории, использовать информацию из доступных материалов сети Интернет, в том числе на официальных ресурсах органов власти, СМИ, обращений граждан и организаций в органы прокуратуры.

Для качественной и полной проверки массива проектов нормативных правовых актов необходимо обеспечить их поступление в органы прокуратуры своевременно, с установленным перечнем документов в качестве приложения.

Существенное значение имеет взаимодействие прокуратуры с участниками правотворческой деятельности — деловое конструктивное сотрудничество с государственными органами власти субъекта при подготовке проекта НПА, а также разработка межведомственного регламента или соглашения об обмене информацией и расширение сложившихся форм сотрудничества с государственными органами власти субъекта РФ будут способствовать эффективности указанной деятельности.

Остро стоит вопрос отсутствия у прокуроров конституционно закрепленного правомочия законодательной инициативы, а также с целью оперативного влияния на законодательный процесс представляется необходимым:

1. закрепить за Генеральным прокурором РФ в ст. 104 Конституции РФ право законодательной инициативы;
2. дополнить ст. 9 Закона о прокуратуре нормой, содержащей право прокуроров вносить предложения о совершенствовании законодательства, которые бы подлежали обязательному рассмотрению законодательными органами различных уровней, органами местного самоуправления;
3. наделить Прокуроров субъектов РФ хотя бы наделить «безусловным правом» законодательной инициативы без оговорок «в пределах ведения» во всех субъектах РФ без исключения;
4. проводить целенаправленную работу по подготовке и переподготовке прокурорских кадров навыкам участия в правотворческой деятельности;
5. разработать единые методические указания для по участию прокурора в заседаниях законодательных (представительных) органов власти субъекта, участия в рассмотрении дел по заявлениям прокуроров в суде, подготовки проекта правового акта, заключения по нормативному акту.

При этом следует соблюдать баланс и не допускать подмены деятельностью органами прокуратуры деятельность уполномоченных органов и должностных лиц государственной власти в нормотворчестве.

Литература:

1. Мищенко, В. Ю. Правотворческая функция органов прокуратуры как инструмент защиты прав и свобод человека и гражданина // Роль государства в обеспечении прав и свобод человека: эволюция и перспективы развития. Материалы регионального научно-практического круглого стола. 2017. с. 94.
2. Интервью прокурора/Удмуртской Республики А. Ю. Николаева, опубликованное в газете «Удмуртская правда» 12.01.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_18/mass-media/interviews-and-presentations?item=69635259

3. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года № ВС-22/15// «СПС Консультант-Плюс»
4. Устав Нижегородской области (Закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 г. N 219-З) (в ред. 07 июня 2022 г.) // «СПС Консультант-Плюс».
5. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (в ред. от 22 июня 2012 г.) // «СПС Консультант-Плюс».
6. Милосердов, Н. А. Некоторые проблемы участия прокурора в правотворческой деятельности//Ростовский научный журнал. № 3.2018. с. 93-102.
7. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. 14.07.2022)// Российская газет от 19 октября 1999 г. № 206.
8. Прокуроров субъектов РФ хотят наделить безусловным правом законодательной инициативы. Статья. Адвокатская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prokurorov-subektov-rf-khotyat-nadelit-bezuslovnym-pravom-zakonodatelnoy-initsiativy/>
9. Система обеспечения законодательной деятельности. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1219895-7>

К вопросу о правовом статусе государственных служащих

Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент;
Сухарев Дмитрий Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

На сегодняшний день государственные служащие представляют собой важный элемент государственного устройства, поскольку именно от них, по сути, и зависит качество выполняемых государством обязанностей. Несмотря на всю важность рассматриваемого вопроса, не только исследователями, но и самими практиками отмечается факт того, что правовой статус государственных служащих определен не до конца. Необходимо проанализировать эту проблему и предложить пути ее решения.

Ключевые слова: государственный служащий, служба, правовой статус.

Государственная служба — это профессиональная деятельность лиц, которые занимают должности в государственных органах и их аппарате по практическому выполнению задач и функций государства и получают за это заработную плату за счет государства [4, с. 24]. Уже из указанной дефиниции можно заметить уровень важности людей, замещающих данные должности и именно по этой причине законодатель предусмотрел особые условия работы и их особый правовой статус.

Во-первых, государственная служба призвала обеспечивать исполнение всех полномочий государственных органов.

Во-вторых, это является связующим звеном между гражданином и самим государством, посредством чего реализуется Конституционное предписание статьи 2 о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [1].

Соответственно, можно сказать о том, что существующие на сегодняшний день недоработки и проблемные вопросы в данной области препятствуют нормальному развитию не только института государственной службы, но и самого государства.

Впервые сам термин «государственная служба» появился в правовом поле России еще в 90-е годы. В те года

стали активно разрабатываться документы, в которых присутствовал данный термин. До введения таких документов, служащие государственных органов рассматривались все вместе, без особого разделения [5, с. 196].

Согласно Федеральному закону от 27.05.2003 «О системе государственной службы Российской Федерации», государственная служба представляет собой трехзвенную систему:

1. Государственная гражданская служба,
2. Военная служба,
3. Государственная служба иных видов [2].

Первое, с чем можно столкнуться при анализе данной темы, является факт того, что на сегодняшний день не создано единого специализированного акта, в котором были бы объединены все правоохранительные органы в единый вид государственной службы.

Еще одной проблемой является факт того, что законодатель не дает легального определения «правового статуса» государственного служащего. В теории права есть масса высказываний относительно данного понятия, но тем не менее, все они приблизительно одинаковы. Целесообразно рассмотреть данный вопрос через призму правового статуса личности. Так, Н.И. Матузов в своей работе делает вывод о том, что правовой статус личности «представляет собой совокупность прав, свобод, обязан-

ностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством» [6, с. 54].

Вместе с тем, проанализировав действующие нормативно-правовые акты, можно прийти к выводу, что правовой статус государственного служащего значительно шире.

В общем виде правовой статус государственного служащего представляет собой совокупность его прав, различных обязанностей, ограничений, запретов, социальных гарантий, обязательств, которые связаны непосредственно с государственной службой. Сюда также относятся вопросы порядка поощрения служащих, привлечение их к ответственности и разрешение служебных споров. Это межотраслевой статус, который включает в себя большое количество положений.

Например, Федеральный закон от 27 июля 2004 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в главе перечисляет вопросы правового положения (статуса) гражданского служащего. Многие исследователи говорят о необходимости включения в данную главу вопросов касаясь правовых гарантий служащих [3].

Государственные гарантии государственного служащего — это его важнейший способ обеспечения социальной защищенности, механизма защиты прав и свобод, соблюдение законных интересов служащих. Становится не ясно, почему законодатель проигнорировал их, поскольку социальные гарантии в некоторых случаях отличаются от мер, установленных в Трудовом кодексе Российской Федерации.

Как и любая социально-значимая деятельность, вопрос правового статуса государственного служащего

требует постоянного совершенствования. В последнее время можно заметить, что начинают предприниматься попытки для того, чтобы разработать какой-то универсальный подход для понимания правового статуса государственного служащего, что нельзя не отметить, как положительную тенденцию.

Ряд исследователей среди проблем, существующих в России в профессиональной деятельности госслужащих, обозначают проблему их правового положения: «правовой статус не обеспечивает эффективной работы государственной службы, так как у государственных служащих существует значительное число избыточных функций, и неэффективные механизмы их реализации являются серьезным препятствием для нормальной работы государственных органов, что в свою очередь ведет к подрыву доверия населения к государственной власти» [7, с. 85].

Таким образом, можно сказать о том, что на сегодняшний день многие аспекты правового статуса государственного служащего решены, однако некоторые из них требуют своей разработки и на основе чего можно сделать вывод о не полностью сформированной системы законодательства в рассматриваемой сфере.

Законодателю необходимо продолжать совершенствование данной темы, поскольку от этого зависит и качество деятельности государственной власти, которая выступает от его имени. Только совместная деятельность непосредственно граждан, государственных служащих и самого государства может выстроить стройную систему правового регулирования, в которой бы были учтены все интересы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. N 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изм. от 02.07.2021 № 351-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. от 30.12.2021 № 437-ФЗ) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215
4. Антипов, Д. В. Правовой статус государственного служащего: проблемы реализации/Д. В. Антипов // Сборник научных работ серии «Право». — 2019. — № 1 (13). — с. 24-34.
5. Максудова, Э. П. Правовой статус государственных служащих в Российской Федерации/Э. П. Максудова // NovaUm. Ru. — 2019. — № 21. — с. 195-198.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник/Н. И. Матузов А. В. Малько.: Юрист, 2004. — 245 с.
7. Мацакова, О. В. Правовой статус государственного служащего в Российской Федерации/О. В. Мацакова // Матрица научного познания. — 2020. — № 9-1. — с. 83-86.

Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения

Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент;

Сухарев Дмитрий Дмитриевич, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Коррупция — это одна из основных проблем XXI века. На сегодняшний день в Российской Федерации существует большое количество мер, направленных на ее предотвращение, однако этого до сих пор недостаточно для достижения минимального уровня данного явления. Необходимо проанализировать ответственность государственных служащих за допущенные коррупционные правонарушения, выявить достоинства и недостатки, а также предложить пути их решения.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупция, государственные служащие, ответственность.

По данным официальной статистики уровень коррупции в Российской Федерации достаточно высок по сравнению со всеми странами мира. Так, ежегодно рассчитывается индекс восприятия коррупции в странах, среди которого 0 — максимальный уровень коррупции, 100 — отсутствие коррупции.

В 2021 году лидером списка являлась Дания с индексом 88, на втором месте Финляндия с индексом 88, на третьем — Новая Зеландия с индексом 88. На 10 месте Германия с индексом 80, на 100 Сербия с индексом 38. Российская Федерация находится по состоянию на 2021 год на 139 месте из 180 возможных с индексом 29. За ней сразу идет Мавритания, Мьянма, Пакистан и Узбекистан [5].

К сожалению, показатели не отражают волнующую статистику, поскольку именно коррупция наносит обществу дестабилизирующий характер, от чего может пострадать и само государство в целом, чего допускать нельзя.

Для начала необходимо обратиться к понятию «коррупция».

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — ФЗ № 273), коррупция — это злоупотребление служебным положением и полномочиями, получение и дача взятки, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения противоречащее законным интересам государства и общества для получения выгоды в виде денежных средств, ценностей, другого имущества либо услуг имущественного характера, других имущественных прав для себя или для третьих лиц или незаконное предоставление выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также осуществление указанных деяний от имени либо в интересах организации (предприятия) [1].

Основные направления государственной антикоррупционной политики России на среднесрочную перспективу и этапы ее реализации определены в Национальном плане противодействия коррупции [4]. Одним из направлений, продиктованных данным Планом, является совершенствование правового регулирования ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов.

Правонарушение в сфере коррупции представляет собой особую разновидность дисциплинарного про-

ступка, что выражается в несоблюдении служащим определенных запретов и ограничений, установленных в законодательстве. Стоит сказать, что ряд ученых говорят о том, что коррупционное правонарушение не стоит признавать в качестве самостоятельного вида ответственности. Она может рассматриваться только через призму дисциплинарной, административной, уголовной ответственности.

Однако, некоторые говорят о том, что в статьях 59.1 и 59.2 ФЗ № 273 законодатель закрепляет отдельные виды взыскания за коррупционные преступления, что свидетельствует об иных мерах ответственности, которые отличны от дисциплинарного проступка [3, с. 40].

Проанализировав ряд источников, можно сказать, что правовая природа ответственности за нарушение коррупционных правонарушений именно государственными служащими до конца не определена, и по этой причине является одной из самых обсуждаемых тем не только теоретиками, но и практиками.

Например, С. А. Денисов в принципе предлагает перенести коррупционные правонарушения в сферу административного права и ответственности, так как он видит целесообразным создать специальный Кодекс поведения государственных служащих [3, с. 102].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Государственная служба является институтом, который призван обеспечивать реализацию контролирующего воздействия государства. Именно от имени государства действуют все служащие и поэтому недопустимо в их деятельности применять какие-либо коррупционные действия, которые могли бы подорвать авторитет государства.

На сегодняшний день существует большое количество способов борьбы с коррупцией, однако до сих пор не было придумано действительно эффективного средства, при котором бы коррупция максимально была убрана с государственного управления. Полностью убрать проблему коррупции не удалось ни в одной стране мира.

Ужесточение мер ответственности вряд ли приведет к ее исчезновению, о чем свидетельствуют страны, в которых предусмотрена смертная казнь за совершение коррупционных преступлений. Хочется верить, что подходы к модернизации отечественного антикоррупционного законодательства, продекларированные в Национальном

плане, будут осуществлены с учетом мнения научного сообщества, а существующие пробелы и коллизии правового положения (статуса) государственных гражданских служащих будут устранены.

Только при объединении усилий общества и государства, направленных на реализацию принципов противодействия коррупции, возможно добиться желаемого результата.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изм. от 07.10.2022 № 379-ФЗ) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.
3. Голоманчук, Э.В. Отдельные нюансы порядка и процедуры привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения/Э.В. Голоманчук // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. — 2018. — № 2 (14). — с. 101-105.
4. Зубанов, С.М. Особенности привлечения государственных гражданских служащих к ответственности за коррупционные правонарушения/С.М. Зубанов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 90. — с. 39-43.
5. Рейтинг стран по уровню коррупции // Nonews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption> (дата обращения: 06.11.2022).

Проблемы и направления развития регулирования договора на оказание медицинских услуг

Климова Олеся Сергеевна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

На данный момент количество медицинских услуг, оказываемых населению, растет с каждым годом. Этот рост связан с появлением новых технологий, методов, новых знаний и научных открытий, ростом дистанционной торговли, появлением новых возможностей для бизнеса в других странах. Поэтому как никогда актуальным стало изучение и совершенствование нормативного материала, связанного с оказанием платных медицинских услуг.

Ключевые слова: медицинские услуги, врач, пациент, договор, права, обязанности.

Problems and directions of development regulation contracts for provision of medical services

At the moment, the number of medical services provided to the population is growing every year. This growth is associated with the emergence of new technologies, methods, new knowledge and scientific discoveries, the growth of distance selling, the emergence of new business opportunities in other countries. Therefore, the study and improvement of the regulatory material related to the provision of paid medical services has become more relevant than ever.

Keywords: medical services, doctor, patient, contract, rights, obligations.

В соответствии с п. 11 положения, утвержденного постановлением № 1006, исполнитель обязан разместить на своем сайте и на информационных стендах, расположенных в помещении организации, следующие сведения:

- 1) наименование юрлица или Ф.И. О. индивидуального предпринимателя;
- 2) официальный адрес местонахождения медучреждения с данными из ЕГРЮЛ;

3) сведения о лицензии, перечень платных медуслуг с указанием их стоимости;

4) сведения о государственных программах бесплатного лечения;

5) информацию о профессиональной подготовке лечащего врача и иных сотрудников (например, ассистентов врача);

6) график работы клиники, контактные данные контролирующих органов.

В соответствии с п. 12 правил № 1006 информация, размещенная на информационных стендах, должна быть доступна всем посетителям в течение всего рабочего дня [2].

Информационные стенды устроены таким образом, чтобы Вы могли легко ознакомиться с размещенной на них информацией.

Кроме того, по требованию заказчика исполнитель должен предоставить:

- 1) копия учредительных документов или копия свидетельства о государственной регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) копию лицензии и перечень медицинских услуг, оказываемых клиникой по лицензии.

В случае несоблюдения указанных требований организация вправе в соответствии со статьями 14.5 и 14.8 КоАП РФ.

Следует тщательно проверять соблюдение данных требований, так как систематическое их нарушение может привести к прекращению медицинской деятельности организации (Решение Каменского районного суда от 05.12.2016 № 2-166/2017) [3].

Если пациент считает, что вопреки Правилу № 1006 ему навязывают платные услуги, он должен написать руководителю медицинской организации для получения информации об условиях оказания бесплатной медицинской помощи. Необходимо определить, входит ли требуемая медицинская услуга в программу государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи (разделы I-III программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи..., утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. № 1403) [5].

При наличии обоснованных сомнений в правомочности действий медицинской организации рекомендуется обратиться в Роспотребнадзор и страховую медицинскую организацию и потребовать проведения медико-экономической экспертизы (буква «в» п. 14 Положения о ФОМС). от 12.01.2010 № 230, пункт 26 Постановления Роспотребнадзора от 16.07.2012 № 764).

Оказание медицинской помощи может быть признано судом некачественным, если она была оказана с наруше-

нием медицинских технологий, повлекшим ухудшение состояния здоровья пациента (Приказ Санкт-Петербургского городского суда от 03.07.2017 № В в каждом конкретном споре суд определяет в индивидуальном порядке, был ли достигнут положительный результат медицинского вмешательства. Согласно устоявшейся судебной практике, услуга считается качественно безупречной даже в том случае, если результат, ожидаемый потребителем, не был достигнут, но врачи все сделали в добросовестно исправить состояние больного (Решение Московского городского суда от 20.06.2017 по делу № 33-11398) [2].

Ранее указывалось, что сторонами договора оказания платных медицинских услуг являются исполнитель, заказчик и потребитель. Рассмотрим подробнее договор между медицинской организацией и непосредственно пациентом.

Наконец, следует отметить, что в настоящее время в юридической литературе нет единого взгляда на вопрос об ответственности поставщиков медицинских услуг. В то же время практикующие врачи и специалисты в данной области обращают внимание на то, что ответственным лицом по договору оказания медицинских услуг является медицинская организация, работник которой от ее имени и под ее контролем осуществил соответствующее медицинское вмешательство. либо врач, производивший такое вмешательство, одновременно имеет должность ИП [7]. Важно понимать, что большинство споров можно разрешить во внесудебном порядке и что переговоры являются одной из самых важных сторон в разрешении претензии. К сожалению, пациенты, чьи права были нарушены, часто не знают, куда обратиться и с чего начать.

Учитывая рост популярности платной медицины и частных клиник, следует принять необходимые меры для минимизации конфликтных ситуаций в этой сфере. К таким мерам, как правило, относится создание на базе каждой поликлиники независимой юридической службы, где пациент может получить доступную информацию по интересующим его темам.

Литература:

1. Михайленко, Е. М. Гражданское право. Общая часть. Краткий курс лекций. — М.: Юрайт, 2016. — 192 с.
2. Нечаева, Н. Е. Социальное право. — М.: Юрайт, 2016. — 304 с.
3. Новиков, С. П. Гражданское право. Понятие и практика применения. — М.: ИВЭСЭП, Знание, 2016. — 48 с.
4. Новицкий Юриспруденция. — М.: Юриспруденция, 2017. — 464 с.
5. Пиляева, А. Н. Гражданское право. Части общая и особенная. — М.: КноРус, ТК Велби, 2016. — 800 с.
6. Постовой, В. В. Гражданское право России. — М.: Юриспруденция, 2016. — 400 с.
7. Радько, И. А. Основы гражданского права. — М.: Проспект, 2016. — 16 с.

Проблемы, связанные с административной преюдицией в уголовном праве

Ковшова Елизавета Николаевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рассматриваются отдельно взятые проблемы, связанные с применением административной преюдиции. Рассмотрение административной преюдиции в рамках признаков субъекта преступления. Разброс по категориям тяжести составов преступлений. Отсутствие единого понимания к определению неоднократности и сроков в тот период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Ключевые слова: административная преюдиция, субъект преступления, неоднократность, уголовное преступление, административное правонарушение.

Administrative prejudice in criminal law

Kovshova Yelizaveta Nikolayevna, student master's degree
Ryazan State University named after S. A. Esenin

Individual problems associated with the use of administrative prejudice are considered. Consideration of administrative prejudice within the framework of the signs of the subject of the crime. Scattering by categories of severity of offenses. The lack of a common understanding of the definition of frequency and timing in the period when a person is considered subjected to administrative punishment.

Keywords: administrative prejudice, subject of crime, repetition, criminal offense, administrative offense.

Уголовный закон содержит преступления с административной преюдицией. Во многих конструкциях составов преступления чаще всего используется формулировка «лицо, подвергнутое административному наказанию» (например, ст. 116.1, 158.1, 171.5, 191, 264.1 УК РФ) либо «лицо, ранее привлеченное к административной ответственности» (например, статьи 280.1, 282 УК РФ).

С точки зрения законодателя, административная преюдиция преследует профилактическую цель по отношению к совершению уголовного преступления. Нельзя не отметить взаимозависимость норм уголовного и административно-деликтного права, о чем свидетельствуют, в частности, такие формулировки в нормах КоАП РФ, как «если эти деяния не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния». Самым главным отличием административного правонарушения и уголовного преступления является — общественная опасность, которая присуща последнему. Но анализ, принимаемых в последнее десятилетие законодательных решений, указывает на тенденцию законодателя признать административное правонарушение общественно опасным деянием [3]. Такие решения порождают научно-теоретические и практические проблемы.

Рассмотрение административной преюдиции в рамках признаков субъекта преступления. Субъект рассматриваемых преступлений является специальным, поскольку помимо признаков общего субъекта, он должен обладать указанным специальным признаком. Административная преюдиция, содержащаяся в диспозиции уголовно-правовой нормы, не является предпосылкой уголовной ответственности, лежащей за пределами состава преступления, а составляет неотъемлемую часть состава преступления [1]. По смыслу закона такое престу-

пление не складывается из ряда тождественных действий, его общественная опасность определяется, в том числе, специальными признаками субъекта преступления. Вновь совершаемое противоправное деяние указывает на то, что у лица отсутствует желание подчиняться нормам действующего законодательства и правилам общежития, тем самым оно является потенциально опасным для общества [2]. Криминализации подверглось совершение не любых повторных противоправных деяний, а только тех, которые совершены лицом, подвергнутым административному наказанию. Таким образом, единый умысел на совершение нескольких противоправных деяний исключается.

Разброс по категориям тяжести составов преступлений. Уголовный закон содержит преступления с административной преюдицией, различающиеся по характеру и степени общественной опасности. Среди преступлений с административной преюдицией встречаются как преступления небольшой и средней тяжести, так и тяжкие преступления. Не совсем понятен такой разброс по категориям преступлений. По справедливому замечанию Д. Ю. Фисенко, если составы преступлений с административной преюдицией являются «промежуточным звеном» между правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой [5]. Соответственно, возникает вопрос об обосновании общественной опасности подобных деяний.

Справедливо заметить, что если правонарушение переходит в сферу уголовного права, оно не должно устанавливать резко отличающиеся для тождественного деяния правовые последствия.

Отсутствие единого понимания к определению неоднократности и сроков в тот период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Например, в примечании к статье «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (151.1 УК РФ) неоднократной признается продажа в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Указанный срок закреплен в статье 4.6 КоАП РФ и составляет один год со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до дня окончания исполнения данного постановления. Иная позиция относительно неоднократности содержится в примечании к статье «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (212.1 УК РФ). Лицо будет привлечено к уголовной ответственности по данной статье, если оно ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений по статье 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Отсутствует логичное обоснование использования различного толкования неоднократности в статьях УК

РФ, так как его понимание в рамках статей Особенной части с административной преюдицией не зависит ни от категории данных преступлений, ни от иных факторов [4].

Подводя итог, следует отметить, что административная преюдиция, содержащаяся в диспозиции уголовно-правовой нормы, составляет неотъемлемую часть состава преступления и не может являться предпосылкой уголовной ответственности, лежащей за пределами состава преступления.

Преступление с административной преюдицией не может слагаться из ряда тождественных действий. Его общественная опасность определяется, в частности, специальными признаками субъекта преступления.

Учитывая межотраслевой характер преступлений с административной преюдицией, представляется целесообразным на этапе проработки санкции преступления учитывать вид и размер административного наказания за предикатное правонарушение.

Понятия, которые используются в составах с административной преюдицией, должны подлежать единообразному толкованию, а не наполняться различным смыслом в зависимости от статьи УК РФ.

Литература:

1. Аюпова, Г.Ш. Признаки преступления с административной преюдицией, выделяемые в соответствии с формально-материальным способом определения понятия преступления/Г.Ш. Аюпова, В.Д. Кичук // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2021. — № 3 (88). — с. 32-36.
2. Безверхов, А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России //Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. 2013. № 1. с. 3-11.
3. Дерюга, А.Н. Общественная опасность — признак административного правонарушения // Журнал российского права. 2011. № 8. с. 48-54.
4. Кольцова, Е.Ю. К вопросу об административной преюдиции в российском уголовном праве/Е.Ю. Кольцова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2019. — № 1. — с. 12-14.
5. Фисенко, Д.Ю. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы 22 Междунар. науч.-практ. конф./отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019. с. 164-167.

Особенности этики речевой коммуникации в деятельности юриста

Коленкова Екатерина Геннадьевна, студент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье автор рассматривает особенности этики речевой коммуникации юриста и ее влияние на профессиональную деятельность.

Ключевые слова: речевая коммуникация, этика юриста, деловое общение.

Социальная повестка в современном обществе меняется и спрос на профессионализм, коммуникативную компетентность специалистов растет как в политическом, так и в социально-экономическом плане. Гуманизация общественной и политической жизни, возрастающая роль

профессионального юриста как самостоятельной единицы ставит вопрос о его коммуникативной подготовке, моральных и нравственных установках.

Вне всякого сомнения остается тот факт, что обращаясь к одним и тем же словам можно по-разному интерпрети-

ровать суть одного и того же правового акта, а при использовании одних и тех же документов можно прийти к противоположным выводам относительно их содержания. С помощью речевых коммуникативных средств юрист устраняет эту двусмысленность и неопределенность, управляет участниками социально-правовой практики и выносит эффективные и качественные решения по многообразным вопросам, регулируемым правом. Основная часть профессиональной деятельности юриста реализуется в процессе взаимодействия с людьми. Профессия юриста предполагает обширную вербальную практику, необходимость использования точных словесных выражений правовых понятий, категорий связана с подготовкой и оформлением большого количества правовых документов, с передачей и получением информации в устной и письменной форме.

Осуществление профессиональной деятельности в любой форме речевой коммуникации требует как специальной подготовки, так и владения стратегическими и тактическими навыками. Верный выбор юристом тактических средств речевой коммуникации ведет к ее оптимизации, а также к эффективному решению поставленных стратегических задач. В юридической практике речевая коммуникация может одновременно решать разные задачи: обмен информацией и демонстрация отношения друг к другу, взаимное влияние и понимание, плодотворное сотрудничество, стремление к сближению целей, улучшение партнерских отношений.

Под коммуникативно-речевой стратегией в юридической практике понимается линия речевого поведения, которую избирает юрист для выполнения коммуникативной задачи, достижения своих целей в речевом взаимодействии. Стратегия речевой коммуникации не только ориентируется на определенные ситуации, возникающие в процессе общения, а также на планирование вербального взаимодействия в зависимости от условий общения и личности собеседника. К стратегическим элементам речевой юридической коммуникации можно отнести выбор цели, ситуации, условий общения, объекта речевой юридической коммуникации [4 с. 155].

Между тем в процессе речевой коммуникации важно не только умение владеть словом, но и следование этическим нормам. Так, юридическая этика представляет собой науку о требованиях к морально-нравственным качествам работников юридической сферы, о культуре юридической деятельности. Профессиональная этика юриста формируется на основе взаимосвязи и взаимообусловленности правовых и нравственных принципов, норм правового и нравственного сознания [2 с. 19].

Этикет как установленный, принятый обществом порядок поведения отражается и в речевых формах. Общение людей обусловлено нормами вежливости, употреблением слов, словосочетаний и целых фраз, принятыми за эталон в определенной ситуации среди людей общей профессии, социальной группы, где проявляется стремление к единообразию в употреблении терминов и выражений. Области применения речевого этикета, имеющего свой обширный этический словарь самые различные, это

может быть приветствие при встрече, процедура знакомства, согласие или несогласие с чьим-либо мнением и т. п.

Каждое сказанное слово, и в особенной степени сказанное юристом, должно употребляться в точном значении и к месту, в частности, когда дается аргументация со ссылкой на законодательные акты. Нарушением элементарных норм приличия следует считать употребление экспрессивно сниженных слов и словосочетаний: в речи юриста недопустимы бранные слова, вульгарная речь, жаргонная лексика.

Основу вербальной коммуникации юриста составляет процесс делового общения, который представляет собой особую форму взаимодействия людей в процессе определенного вида трудовой деятельности, которая содействует установлению нормальной морально-психологической атмосферы труда и отношений партнерства между руководителями и подчиненными, между коллегами; создает условия для продуктивного сотрудничества людей в достижении значимых целей, обеспечивая успех общего дела.

Под этикой делового общения следует понимать сумму выработанных наукой, практикой и мировым опытом нравственно-этических требований, принципов, норм и правил, соблюдение которых обеспечивает взаимопонимание и взаимное доверие субъектов делового общения, повышает эффективность контактов и конечных результатов их совместных действий [2 с. 34].

Специфика делового общения обусловлена тем, что оно возникает на основе и по поводу определенного вида деятельности. Стороны делового общения выступают в формальных (официальных) статусах, которые определяют необходимые нормы и стандарты поведения людей.

Этические нормы пронизывают все формы человеческой активности, они универсальны, но в каждой сфере эти неписанные законы приобретают специфический характер. Это относится и к деятельности юристов, которая становится эффективной, когда она регулируется некими особыми этическими правилами, которые не только базируются на общечеловеческих моральных ценностях, но и учитывают конкретные условия данной организации.

Нормы этики юриста реализуются в сфере юридической практики и демонстрируют его этические установки. Наиболее наглядно они проявляются в конфликтных или проблемных ситуациях, когда у юриста нет иной, кроме этической основы для принятия решения.

Специфические профессиональные нравственные требования предъявляются как к юристам, так и к сотрудникам правоохранительных органов, что обуславливается важностью сферы деятельности. В этом отношении особенность профессиональной морали юристов является результатом специфического преломления общих принципов и норм морали в их служебной деятельности и неслужебном поведении и выражается в нескольких чертах. Так нормы поведения и морали юриста являются обязательными и определенными, а также они юридически оформлены и подкреплены законом. Данные нормы и принципы требуют исполнительности и обязательны к выполнению в профессиональной деятельности юриста. Вместе с тем юрист в своей деятель-

ности должен руководствоваться принципами справедливости, законности, уважения человеческого достоинства. Стоит отметить, что культура общения юриста с гражданами строится на индивидуальном подходе, соблюдении такта и внутренних этических установок. [5 с. 28].

Таким образом, в деятельности профессиональных юристов наблюдается синтез правовых и нравственных

принципов их взаимосвязь и взаимообусловленность. Соблюдение юристом этических норм в процессе вербальной коммуникации и следование нормам закона, повышение уровня нравственно-правовой культуры способствуют его положительному восприятию как гражданами, так и коллегами в условиях профессиональной деятельности.

Литература:

1. Джамалдинова, М. С. Юрист и профессиональная этика // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1 (30). с. 349-351.
2. Есикова, М. М. Профессиональная этика юриста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2015/esikova.pdf?ysclid=l7zybg5qjt768351748>
3. Зарубина, Е. В. О соотношении права и морали [Текст] // Наука и современность. 2015. № 40. с. 163-167.
4. Канафина, М. А. Профессиональная речь юриста [Текст] // Наука и современность. 2015. № 36. с. 154-157.
5. Кобликов, А. С. Юридическая этика: учебник для вузов / А. С. Кобликов М.: Издательство НОРМА. 2000. — 168 с.
6. Кошелева, С. В. Основы делового общения: учебное пособие / С. В. Кошелева. — Орел: ОрелГТУ, 2005. — 70 с.
7. Ляховненко, Ю. Г. Профессиональная этика и ее особенности в юридической деятельности // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека: сборник научных работ преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. / — Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула». 2021. с. 19-22.

Доведение до самоубийства несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Коновалова Юлия Андреевна, студент

Научный руководитель: Травина Ирина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В научной статье рассматривается понятие доведения до самоубийства, правовое регулирование в РФ, причины и условия, способствующие доведению несовершеннолетних до самоубийства, включая статистические данные попыток суицида за 2021 год, также использование социальных сетей как средства доведения до самоубийства несовершеннолетних.

Ключевые слова: доведение до самоубийства несовершеннолетних, социальные сети, интернет, группы смерти, суицидальная информация, причины и условия доведения до самоубийства несовершеннолетних.

Bringing minors to suicide using information and telecommunication technologies

Konovalova Julia Andreevna, student

Scientific adviser: Travina Irina Gennadiyevna, candidate of legal sciences, associate professor
Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after OE Kutafin (Kirov)

The scientific article examines the concept of suicide, legal regulation in the Russian Federation, the causes and conditions that contribute to bringing minors to suicide, including statistics of suicide attempts for 2021, as well as the use of social networks as a means of bringing minors to suicide.

Keywords: suicide of minors, social networks, the Internet, death groups, suicidal information, causes and conditions of suicide of minors.

Лучше всего начать работу с понятия. Что же такое доведение до самоубийства? Согласно ч. 1 ст. 110 Уголовного кодекса РФ, под доведением до самоубийства понимается совершение виновным лицом действий, толкающих потерпевшего на самоубийство путем приме-

нения угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

В качестве квалифицированных составов законодатель выделяет доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство в отношении несовершеннолетнего

или лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а также в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») [1].

Помимо Уголовного кодекса РФ вопрос доведения до самоубийства несовершеннолетних регулируется иными нормативно-правовыми актами, в частности, в п. 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывается, что государственное регулирование в сфере применения информационных технологий предусматривает обеспечение информационной безопасности детей. Также в ч. 6 ст. 10 вышеуказанного ФЗ говорится о том, что запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. [2]

Непосредственная обязанность по выявлению и запрету контента, противоречащего действующему законодательству, размещающегося в сети Интернет возложена на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). На сайте Роскомнадзора имеются различные направления по надзору за информацией. Например, существует единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [3].

Нельзя упускать в вопросе правового регулирования доведения до самоубийства деятельность прокуратуры РФ, которая осуществляет мониторинг социальных сетей, различных интернет — ресурсов на предмет наличия информации, нарушающей действующее законодательство. При выявлении такой информации прокурор обязан принять меры реагирования. В качестве примера можно привести обращение с иском в суд прокурора Железнодорожного района города Красноярск с требованием признать информацию незаконной и запретить ее распространение. Обращению послужила выявленная прокурором информация об открытых группах смерти в социальной сети «ВКонтакте», которые предлагают несовершеннолетним вступить в «игру» длительностью 50 дней. Участник должен выполнить 50 заданий, среди которых причинение себе реальных ран. При виртуальном общении на подростка оказывается психологическое давление, чтобы облегчить выполнение заданий. Итогом «игры» является самоубийство. Также прокуратура установила, что во «ВКонтакте» размещены страницы сайтов с призывами к суициду. Число подписчиков таких групп превышает 600 человек [4].

Согласно ежегодному докладу о деятельности уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2021 году число попыток суицида среди несовершенно-

летних за последние три года увеличилось почти на 13% с 3253 до 3675 (2019 год — 3253, 2020 год — 3051, 2021 год — 3675). Существенно выросло на 92,5% и число повторных попыток суицида со 188 до 362 (2019 год — 188, 2020 год — 296, 2021 год — 362).

Среди причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними самоубийства, можно выделить: отсутствие взаимодействия в семье, ссоры, конфликты родителями; психические расстройства ребенка; несчастная любовь; ссоры со сверстниками, недовольство своей внешностью; проблемы в обучении; влияние противоправной информации в сети Интернет и другие [5, с. 159].

В качестве основной причины рассмотрим влияние противоправной информации в сети Интернет. Преступники при помощи социальных сетей и интернет-ресурсов создают сообщества и так называемые «группы смерти», в целях воздействия на неокрепшее сознание подростка, результатом которого является суицид или попытка самоубийства несовершеннолетнего. В таких группах преступники пропагандируют смерть, суицид в качестве решения жизненных проблем. Если несовершеннолетний вне интернета сталкивается с проблемами в школе, непониманием родителей и многими другими, волей-неволей начинает думать, что его окружают «враги». В свою очередь, натываясь на группы смерти подросток обретает неких «друзей», понимание и поддержку с их стороны, сам не понимая того, что попадает под влияние преступных лиц. В таких группах ребенку будут навязывать суицидальные мысли, говорить о том, что жизнь никчемна, что родители его так никогда и не поймут, а друзей, кроме как в этом «дружелюбном» сообществе он нигде не найдет.

Такие сообщества создаются в различных социальных сетях — ВКонтакте, Facebook, Twitter и Instagram (заблокирована в РФ, организация Meta признана в РФ экстремистской и ее деятельность на территории РФ запрещена). Суицидальные игры именуются по — разному, в названиях встречаются такие слова «разбуди меня в 4.20», «киты плывут вверх», «#тихий дом», «ня. пока», «50 дней до моего...», «рина» и прочее. Чтобы вступить в суицидальную игру, необходимо отослать в смертельные группы их отличительные хештеги или определенные фразы, картинки, изображающие китов. Самой популярной «суицидальной игрой» стало «Синий кит», в котором преступники давали 50 заданий несовершеннолетним, например, нарисовать острием лезвия на своей руке кита, не вскрыв себе вены. Итогами таких заданий всегда был суицид. Если подросток начинал оказывать сопротивление в выполнении тех или иных игр или преступнику казалось, что несовершеннолетний не до конца «обработан», то ребенку поступали различного рода угрозы об убийстве его родных и близких, также преступник оказывал давление путем написания сообщений следующего содержания: «Я знаю где ты живешь, вот твой адрес и номер квартиры ... (адрес проживания несовершеннолетнего), «я знаю, где работают твои родители» и так далее. Под таким давлением несовершеннолетний начинал выполнять задания, опасаясь угрозы жизни и здоровья своих близких. Таким

образом, преступнику удается «завладеть» ребенком, манипулировать им, и в конечном итоге довести его до совершения самоубийства [6].

Хочется подвести итог всего вышесказанного, роль правового регулирования доведения до самоубийства несовершеннолетних достаточно велика, и она возрастает с каждым годом. Вопрос противодействия совершению преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ должен выражаться в деятельности не только государства, но и общеобразовательных учреждений. В школах необходимо проводить классные часы или психологические беседы со всеми учащимися на темы «Суицид», «Доведение до самоубийства». Подросткам необходимо разъяс-

нить существование таких групп, их направленность и конечно, последствия совершения самоубийства, особенно лицам, подпадающим под группу риска (более склонным к совершению суицида). Непосредственная обязанность по противодействию суицида несовершеннолетних лежит на самих родителях. В семьях также необходимо проводить подобные беседы, быть внимательными к своему ребенку, его окружению, стараться понять какие проблемы имеются у ребенка, какие эмоции он испытывает, на гаджетах, обладающих доступом в интернет ставить «родительский контроль». Если каждый родитель в первую очередь, будет ответственно следить за жизнью своего ребенка, то проблема станет менее выраженной.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 24 мая 1996 г. (ред. От 24.09.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст электронный.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст электронный.
3. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [Электронный ресурс] // Роскомнадзор: офиц. сайт URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения 04.11.2022).
4. Красноярская прокуратура потребовала запретить «группы смерти» [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/prokuratura-potrebovala-zapretit-gruppi/55365650/?ysclid=la2p5a55rd763966520> (дата обращения 04.11.2022).
5. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: [OucV7OrXsDXyb6xBrHFF.pdf](https://deti.gov.ru/) (deti.gov.ru) (дата обращения 04.11.2022). с. 159.
6. Синий кит — задания, которые убивают [Электронный ресурс]. URL: Синий кит — задания, которые убивают, как уберечь ребенка? (psihomed.com) (дата обращения 04.11.2022).

Особенности правового регулирования административной опеки и попечительства

Коротовских Юлия Михайловна, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Сущность и значение понятий административная опека, административное попечительство. Особенности регулирования административной опеки и административного поручительства.

Ключевые слова: административная опека, административное попечительство.

Features of legal regulation administrative custody and guardianship

Korotovskikh Julia Mikhaylovna, student
South Ural State University (Chelyabinsk)

The essence and meaning of the concepts of administrative custody, administrative guardianship. Features of regulation of administrative guardianship and administrative surety.

Keywords: administrative custody, administrative guardianship.

Какие же имеются особенности в правовом регулировании общественных отношений, связанных непосред-

ственным образом с такими понятиями как административная опека, а также административное поручительство.

Для того, чтобы начать разбираться в вышеуказанном вопросе, следует обратиться для начала к теории, к истокам. Иными словами: что же представляют собой такие понятия, как административная опека и административное поручительство, каковы их признаки и существенное значение.

Стоит отметить, что в действующем российском законодательстве не имеется определений по вышеуказанным понятиям. Исходя из этого, следует обратиться к научным, доктринальным, теоретическим позициям ученых и правоведов в области юриспруденции. Одним из них является Демьян Николаевич Бахрах. Под административной опекой он понимал систему государственной помощи, непосредственно не связанной с трудом, службой лиц, которым она предоставляется [1].

Анализируя вышеуказанное определение, следует выделить основные его существенные признаки. Итак, во-первых, это административная опека — это определенным образом выделенная и закреплённая система. Во-вторых, данная система является некой государственной помощью, иными словами поддерживается и функционирует за счет принимаемых в отношении нее нормативных правовых актов, а также деятельности различных органов государственной власти и местного самоуправления, и входящих в нее должностных лиц. В-третьих, рассматриваемая административная опека, ее система непосредственным образом не связана с какой-либо трудовой деятельностью, самим трудом. И наконец, в-четвертых, все та же изучаемая система прямым образом не связана со служебной деятельностью лиц, которым она предоставляется.

Следует отметить, что понятие административное попечительство, как в российском, так и в зарубежном праве, не является выделенным проработанным.

Если обратиться к действующему федеральному законодательству, то можно отметить, что определения понятий опека и попечительство в нем имеются. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»: «опека — форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия» [2].

Под следующим пунктом той же статьи, того же нормативного правового акта является определение термину «попечительство». Под ним понимается форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотре-

блений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Исходя из рассмотренных в российском законодательстве двух понятий, следует отметить, что по своему существенному значению, а также иным характеристикам они являются во многом схожими.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятия, как административная опека, так и административное попечительство являются во многом схожими и аналогичными между собой.

Как ученые-теоретики, так и практики заостряют внимание на том факте, что рассматриваемые в данной научной работе два явления, термина должны всегда отличаться от иных похожих и аналогичных на первый взгляд понятий. К ним следует отнести опеку и попечительство из гражданского законодательства.

Ведь сущность данных гражданских понятий в основном сводится к воспитанию, нематериальной помощи нуждающимся субъектам в нашем государстве, в то время как административные понятия, термины в основном сводятся именно к материальной, выраженной в том числе в денежной форме, системе, которая конечно же, оказывается самим государством, его органами и входящими в них должностными лицами.

В административном праве Франции и ряда других стран в понятие «административная опека» вкладывается иной смысл. Она понимается как государственный контроль за законностью и целесообразностью деятельности автономных по отношению к центральной власти публичных органов, учреждений.

Когда речь идет об административной опеке следует учесть, что ответственность несет государство, а в случае с гражданско-правовой — назначенный опекун.

Административная опека подразумевает ежемесячные выплаты пенсий малоимущим слоям населения, в гражданско-правовой же подразумевается создание благополучных условий для развития личности, находящейся под опекунством. Его развитие, обучение и т. д.

Как видно из вышеперечисленного, административная опека отличается от гражданско-правовой опеки своей глобальностью, которая захватывает все слои населения, т.к. идет ответственность за большую часть населения государства. Что касается гражданско-правовой опеки способ восполнения дееспособности и защиты прав и интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц.

Ту же аналогию можно и провести между попечительством из гражданского оборота и административным.

К основным законодательным нормативным правовым актам об административной опеке и административном попечительстве следует относить уже ранее упомянутый ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ, конечно же, КоАП России, Конституцию России, различные нормативные и нормативные правовые акты министерств и ведомств, а также всё-таки хотелось бы отнести, хотя,

возможно, это не совсем и правильно, как с точки зрения теории права, так и практики, — Гражданский Кодекс, поскольку у него все же имеется много важных аспектов, благодаря которым мы можем понимать, что из себя представляет система опеки и попечительства.

Таким образом, подводя итог по всей научной работе, хотелось бы сделать несколько основных выводов. Во-первых, понятия административная опека и административное попечительство являются между собой иден-

тичными. Под ними принято понимать помощь нуждающимся субъектам со стороны государства, которая прямым образом не связана с трудом, службой лиц, которыми она предоставляется. А во-вторых, говоря об особенностях правового регулирования административной опеки и попечительства, следует сделать вывод, что у неё имеется достаточно обширная, но в тоже время не структурированная и до конца не разработанная законодательная база.

Литература:

1. Бахрах, Д. Н. Учебник Административное право России/М.: НОРМА, 2002.
2. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Российской газета. 30.04.2008. № 94.

Отличия медиации от других видов примирительных процедур

Кудрина Анастасия Аркадьевна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье рассмотрены отличия медиации от других видов примирительных процедур.

Ключевые слова: медиация, переговоры, посредничество, судебное примирение, примирительные процедуры

Основной закон Российской Федерации гарантирует каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В соответствии со статьей 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее-ГПК РФ) одной из основных задач гражданского судопроизводства является способствование мирному урегулированию спора.

В главе 14.1. ГПК РФ изложены полномочия суда по примирению сторон в гражданском процессе. Законодателем было указано, что примирение сторон возможно на любой стадии процесса и при исполнении судебного акта. Главой 14.1. ГПК РФ регламентируется содержание и форма мирового соглашения, а также процессуальный порядок утверждения судом мирового соглашения.

В процессуальном законодательстве РФ отмечено, что примирительные процедуры должны осуществляться на основе 4 принципов:

1. Добровольности;
2. Сотрудничества;
3. Равноправия;
4. Конфиденциальности.

Следует подчеркнуть, что процессуальный кодекс не содержит четкого определения термина «примирительные процедуры», в нем изложены лишь принципы, на основании которых должны осуществляться примирительные процедуры, а также возможность использования процедуры на любой стадии, виды примирительных процедур, такие как:

1. Медиация. Процедура медиации в РФ законодательно регулируется Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее-Закон «О медиации»).

Каимова Ю. А., Руднева Ю. В. отмечают, что медиатор является объективной и непредвзятой стороной, у которого отсутствуют собственные интересы, его функция заключается в помощи сторонам найти решение, которое устроит обе стороны и прийти к заключению медиативного соглашения [1].

2. Переговоры. Законодатель выделил переговоры как отдельный вид примирительных процедур, но не определил их структуру и содержание.

В пункте 1 статьи 153.4. ГПК РФ указано, что стороны вправе урегулировать спор путем проведения переговоров в целях примирения. Переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами (п. 2 ст. 153.4. ГПК РФ). На законодательном уровне процессуальный порядок проведения переговоров не регламентирован.

Переговоры, в отличие от медиации, лишены формальности и носят более свободный способ урегулирования спора. Однако, медиация по сравнению с переговорами, имеет определенную последовательность, которую медиатор должен придерживаться для того, чтобы упорядочить механизм урегулирования спора.

Основное отличие переговоров от процедуры медиации заключается в том, что переговоры как вид примирительной процедуры не предполагают наличие по-

средника. Тем самым, стороны не несут дополнительных финансовых расходов на оплату услуг посредника, в отличие от процедуры медиации.

3. Посредничество. По аналогии с переговорами, процедура посредничества как самостоятельная форма урегулирования конфликта не раскрыта в законодательстве.

Термин «посредничество» в проекте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» используется как родовое, а судебное примирение и медиация являются специальными по отношению к нему.

Решетникова И. В. справедливо определяет, что «посредник добровольно избираемый сторонами, не выносит какого бы то ни было решения, он лишь подводит стороны к тому, чтобы они сами нашли путь разрешения правового конфликта» [4, с. 461-462].

4. Судебное примирение. Судебное примирение регулируется ГПК РФ и Регламентом проведения судебного примирения № 41 от 31.10.2019 (далее — Регламент).

На первый взгляд судебное примирение и процедура медиации являются схожими, но при глубоком анализе можно выявить ряд значительных отличий.

Во-первых, основанием для проведения процедуры медиации является согласие сторон и соглашение о применении процедуры медиации. В тоже время, для проведения судебного примирения недостаточно инициативы и согласия сторон, дополнительно требуется определение суда.

Во-вторых, практика медиатора может осуществляться на профессиональной основе и на непрофессиональной основе.

Требования к медиатору, осуществляющему свою деятельность на профессиональной основе, значительно шире, чем требования к медиатору, осуществляющему деятельность на непрофессиональной основе.

Согласно Регламенту, посредником при судебном примирении может выступать только судья в отставке и включенный в список судебных примирителей, утвержденный Пленумом ВС РФ. Так, например, на территории города Санкт-Петербурга и Ленинградской области только десять бывших судей наделены правом осуществлять судебное примирение.

В-третьих, роль медиатора и роль судебного представителя на первый взгляд схожи, но есть существенные отличия.

Потапова Л. В. отмечает, «что медиатор ориентируется, прежде всего, на неформальные способы урегулирования спора, используя знания в сфере психологии и конфликтологии» [2].

По мнению Борецкой Л. Р. и Потаповой Л. В. «судебный примиритель, использует свой опыт работы судьей, осуществляет полномочия независимого юриста» [3].

При анализе российского законодательства, регулирующего процедуру медиацию и судебное примирение, можно выявить, что деятельность судебного примирителя

в большей степени напоминает судебный процесс. Данный вывод можно сделать из положений Регламента, к примеру, судебный примиритель обладает правом с разрешения суда ознакомиться с ходатайствами, жалобами, иными материалами дела, кроме того, получать копии судебных актов.

По мнению автора статьи, судебный примиритель обладает большими правами и более активной позицией в примирении, чем медиатор.

В-четвертых, порядок проведения процедуры медиации устанавливается сторонами в виде соглашения о проведении процедуры медиации. Таким образом, стороны могут определить место проведения процедуры самостоятельно (например, переговорная комната).

Место проведения судебного примирения, в отличие от процедуры медиации, регламентировано и проводится в отдельном помещении здания суда.

В-пятых, статья 13 Закона «О медиации» указывает, что максимальный срок для проведения процедуры медиации установлен 180 дней. В то время, срок для проведения судебного примирения устанавливается определением суда.

В-шестых, положительным итогом процедуры медиации является заключение сторонами медиативного соглашения (медиативного консенсуса). В ходе судебного примирения стороны могут прийти к результатам, изложенным в пункте 1 статьи 153.7 ГПК РФ.

В-седьмых, в преамбуле (вводной части) Регламента отмечено, что судебное примирение спорящими участниками гражданского процесса не оплачивается. Вознаграждения судебным примирителем регламентируется Постановлением Правительства РФ от 14.04.2020 № 504, выплаты осуществляется из федерального бюджета, непосредственно после завершения процедуры судебного примирения.

Что же касается оплаты услуг медиатора, она осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином.

Исходя из вышеуказанного, процедура медиации и судебное примирение являются различными по таким критериям, как: основание для применения процедур; требования, предъявляемые к медиатору/судебному примирителю; роль медиатора/судебного примирителя; место проведения примирительных процедур; сроки проведения процедур; результаты прекращения (завершения) примирительных процедур; расходы на проведение примирительных процедур.

Автором статьи были проанализированы виды примирительных процедур, изложенные в главе 14.1. ГПК РФ. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что рассмотренные примирительные процедуры имеют существенные отличия.

Участникам гражданских правоотношений стоит более внимательно присмотреться и при возникновении правовых споров чаще использовать перечисленные при-

мирительные процедуры. Ведь только благодаря примирительным процедурам, возможно, прийти к решению, которое устроит обе стороны спора.

Акцентирую внимание, что примирительные процедуры могут быть применены последовательно, стороны

могут начать с переговоров, затем обратиться к процедуре медиации. В случае если переговоры и процедура медиации не приведут к намеченному результату, и спор перейдет в судебную плоскость, стороны вправе обратиться к судебному примирителю.

Литература:

1. Каемова, Ю. А., Руднева Ю. В. Примирительные процедуры в России // Научная электронная библиотека eLibrary [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41512975_97308022 (дата обращения: 05.09.2022).
2. Потапова, Л. В. Примирительные процедуры в гражданском процессе: новые возможности урегулирования споров // Научная электронная библиотека eLibrary [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_44731341_13386208 (дата обращения: 06.09.2022).
3. Борецкая, Л. Р., Потапова Л. В. Сущность и правовая природа примирительных процедур в цивилистическом процесс // Научная электронная библиотека КиберЛенинка [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-pravovaya-prirodaprimiritelnyhprotse-dur-v-tsilivisticheskom> (дата обращения: 17.09.2022).
4. Решетникова, И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

Ответственность за незаконное предпринимательство в уголовном и административном законодательстве: сравнительный анализ

Курочкина Елена Сергеевна, студент магистратуры;
Грошев Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В данной статье анализируются конкурирующие составы по всем элементам, формирующим их структуру. При рассмотрении уголовной и административной ответственности, за незаконное предпринимательство, можно сделать вывод, что основополагающим признаком, позволяющим дифференцировать рассматриваемое деяние, является степень его общественной опасности, которая определяется размером полученного дохода или причиненного вреда.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, дифференциация норм права, смежные составы, уголовная ответственность, административная ответственность, разграничение видов юридической ответственности.

Современное российское государство предоставило огромные возможности для осуществления предпринимательской деятельности своим гражданам, закрепив в Конституции Российской Федерации свободу предпринимательской и иной, не противоречащей закону деятельности. Именно свобода предпринимательства отнесена к неотъемлемым правам и свободам человека и гражданина. Однако у любого права есть свои границы, и за нарушение которых предполагается ответственность.

Именно такая ответственность закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации и регламентирована в ст. 171, и в ст. 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Эти составы устанавливают публичную юридическую ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Таким образом, смежные составы уголовного законодательства и законодательства об административной ответственности имеют общие признаки противоправных деяний.

В сфере предпринимательства с развитием в стране рыночных отношений участились случаи преступности в виде осуществления незаконной предпринимательской деятельности, что негативно сказывается на престиже государства и на нормальном функционировании рыночных отношений в целом.

Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации является одним из проявлений подобных нарушений. Отметим, что такая деятельность ставит под угрозу контроль государства над общественными отношениями в сфере бизнеса, наносит вред добросовестным участникам гражданского оборота (как потребителям, так и предпринимателям), провоцирует рост теневой экономики, а также эконо-

мических, коррупционных правонарушений и преступлений.

Как отмечается в судебной практике экономические преступления создают большую угрозу безопасности общества и государства, так как все чаще сопровождаются криминализацией. Легализация предпринимательской деятельности, развитие коммерческих организаций и создание рынка услуг и товаров происходят при криминализации общественных отношений, приводящих к обострению социально — экономических противоречий, снижения уровня жизни населения.

А.Г. Бешуков, акцентировав внимание на причинах возникновения и существования незаконного предпринимательства, выделяет общие и конкретные факторы, способствующие развитию данного негативного явления.

В первую очередь к общим факторам он относит несоответствие законодательной базы современному этапу развития экономических отношений, недостатки проведения реформ и управления экономикой, диспропорция в системе распределительных отношений, а также деформация товарно-денежных отношений. К конкретным же факторам, у подавляющего большинства граждан, автор определяет, отсутствие навыков экономического поведения в условиях развития рыночных отношений, а также низкую осведомленность о процедурах и правилах совершения сделок и других хозяйственных операций [8].

На наш взгляд, указанные факторы во многом объясняют обоснованность квалификации незаконного предпринимательства как массового явления, сопровождающего современный этап развития российской экономики.

На основании вышесказанного в целях обеспечения соответствия закону, устанавливается административная и уголовная ответственность, которая может возникнуть как внутри самого предпринимательского сообщества, так и при его взаимодействии с государством.

Административная ответственность регламентирована ч. 1 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а уголовная ответственность ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Для того, чтобы правильно отграничивать состав преступления от аналогичного состава административного правонарушения, необходимо выделить определяющие критерии.

Современные исследователи не раз ставили вопрос о конкуренции норм права, устанавливающих административную и уголовную ответственность за одно и то же деяние. Однако, как показывает судебная практика, признаки, которые бы позволили четко разграничить административное правонарушение от уголовного преступления, до настоящего времени не были сформулированы.

Данный факт в совокупности с распространенностью исследуемого явления обуславливает актуальность темы настоящей статьи.

В первую очередь определим, чем элементы состава правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ,

отличаются от элементов состава преступления, закрепленного ст. 171 УК РФ.

В рассматриваемых составах можно отметить, что родовым и видовым объектами в обоих случаях являются общественные отношения в сфере предпринимательской (экономической) деятельности и установленный законом, а также другими нормативными правовыми актами порядок регистрации и осуществления такой деятельности. Здесь стоит отметить, что ст. 171 УК РФ устанавливает наказание не только за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации, но и за отсутствие лицензии в случаях, когда она обязательна.

Таким образом, кроме порядка регистрации и осуществления предпринимательской деятельности в отдельных случаях непосредственным объектом преступления выступает порядок ее лицензирования. В КоАП РФ данный порядок является объектом самостоятельного состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1 УК РФ.

Достаточно лаконично, свое мнение представляет Л.С. Аистова, рассматривая объект преступления, указанного в ст. 171 УК РФ и определяет его как: «Незаконное предпринимательство не какой-либо вид запрещенной законодательством деятельности, а порядок осуществления любого вида предпринимательской деятельности, которую можно зарегистрировать либо получить на ее осуществление лицензию. Деятельность, которая не подлежит регистрации или по своей сути незаконна, не является предпринимательской» [7].

На наш взгляд, данный вывод вполне обоснован и применим при квалификации незаконного предпринимательства не только как преступления, но и как административного правонарушения.

Учитывая изложенное, можно отметить, что по объекту посягательства, предусмотренными ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ и ст. 171 УК РФ, отграничить друг от друга указанные правонарушения и преступления не представляется возможным.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, совпадает с одной из форм объективной стороны преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 171 УК РФ, и выражается в осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

В вопросе определения возможной формы деяния, характерной для преступления, точка зрения некоторых исследователей расходится, так как одни утверждают, что она может выражаться бездействием, а другие определяют данное преступление только при наличии совершения действий.

Анализируя состав административного правонарушения ранее, мы пришли к выводу, что «объективная сторона незаконного предпринимательства в абсолютном большинстве случаев характеризуется сложносоставной (комплексной) формой, которая заключается в одновременном наличии в деянии лица как активного (самостоя-

тельного и систематического действия), так и пассивного (бездействие) поведения». Поскольку по своему внешнему проявлению деяние как признак объективной стороны в составе административного правонарушения, как и в составе преступления, имеет одинаковый характер (незаконное осуществление предпринимательской деятельности), считаем возможным разграничить данные деяния по факультативным признакам объективной стороны состава преступления. В качестве факультативных признаков данного преступления в ст. 171 УК РФ выступают последствия в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо в виде извлечения дохода в крупном, а в квалифицированном составе — в особо крупном размере.

Согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ под крупным ущербом и доходом в крупном размере понимается ущерб и доход в сумме, превышающей 2,25 млн рублей, а доходом в особо крупном размере является доход, превышающий сумму 9 млн рублей.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров, работ, услуг за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности [6].

Таким образом, в ходе рассмотрения уголовных дел, не должны приниматься во внимание показатели бухгалтерской отчетности, отражающие расходы или убытки лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

В отличие от состава административного правонарушения, который имеет ярко выраженный формальный характер, факультативные элементы объективной стороны преступления определяют его формально-материальную структуру. Учитывая данный факт, при отсутствии крупного ущерба, крупного или особо крупного дохода, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации, данные противоправные деяния не могут квалифицироваться как покушение на незаконное предпринимательство и должны рассматриваться исключительно в рамках законодательства об административной ответственности [9].

В связи с указанным хотелось бы отметить несоизмеримость максимальной санкции за совершение административного правонарушения (2 тыс. руб.) и негативных последствий, которые оно может повлечь (причинение ущерба до 2,25 млн руб.). Очевидно, что при таких обстоятельствах административное наказание не способствует достижению целей законодательства об административной ответственности, установленных КоАП РФ [15].

Таким образом, одним из критериев разграничения административного правонарушения и преступления, связанных с предпринимательской деятельностью без регистрации, выступает объективная сторона их составов,

обуславливающая формальный или формально-материальный характер противоправного деяния соответственно.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, как и субъектом правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

В обоих случаях субъект привлекается к административной или уголовной ответственности в общем порядке, так как не обладает признаками специального или особого субъекта. Совершение преступления или административного правонарушения группой лиц в обоих рассматриваемых случаях выступает обстоятельством, отягчающим юридическую ответственность.

При этом в УК РФ незаконное предпринимательство, совершенное организованной группой, выделено законодателем в квалифицированный состав преступления, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 171. Кроме того, в отличие от законодательства об административной ответственности уголовное законодательство содержит институт соучастия (гл. 7 УК РФ). Так, согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В качестве критериев устойчивости группы лиц считаем возможным использовать критерии, указанные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [5]. Согласно п. 4 данного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [4], а именно стабильность ее состава, имеет тесную взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений. При этом следует иметь в виду, что «закон не исключает создания организованной группы и всего лишь из двух лиц, и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки преступления».

Необходимо еще раз уточнить, что обязательным признаком преступления, совершенного организованной группой, выступает причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере, т. е. в размере, превышающем 2,25 млн руб. Факты причинения ущерба или получения дохода в меньшем размере должны рассматриваться в рамках ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ.

В то же время, как уже отмечалось, КоАП РФ не содержит ни правового понятия (института) соучастия, ни критериев, по которым причастной к совершению ад-

министративного правонарушения может считаться именно группа лиц.

Например, при рассмотрении ряда дел об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, суд установил, что в материалах этих дел имеется информация, отражающая факт добычи и реализации группой лиц строительного песка. Однако, принимая постановление о назначении административного наказания, суд не установил обстоятельств, отягчающих административную ответственность, и административное наказание было назначено в пределах минимальной санкции [2]. Изучив судебную практику по данному вопросу, мы приходим к выводу, что подобная ситуация не является единичной.

Учитывая отсутствие в КоАП РФ норм о соучастии в совершении административного правонарушения, при выявлении признаков состава административного правонарушения, совершенного группой лиц, в отношении каждого лица возбуждается и рассматривается отдельное дело об административном правонарушении.

Однако, при рассмотрении позиции Н.А. Морозова, в действующих правовых условиях возможна ситуация, при которой в силу различных обстоятельств не все лица, входившие в группу лиц, совершивших правонарушение, будут привлечены к ответственности. В связи с этим можно согласиться с данным автором о необходимости введения в законодательство об административной ответственности института соучастия [14].

Возвращаясь к вопросу разграничения преступления и административного правонарушения, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации, отметим, что, несмотря на отсутствие квалифицированного состава в КоАП РФ, осуществить данное разграничение, анализируя лишь признаки субъектов совершения соответствующих деяний, не представляется возможным ввиду полного совпадения.

При определении субъективной стороны правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, можно определить, как умышленную, так и неосторожную формы вины. Умысел может быть прямым или косвенным, а неосторожность выражаться в самонадеянности или небрежности. В отношении характера субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, существует несколько точек зрения.

Как определяет Т.Д. Устинова, «незаконная предпринимательская и банковская деятельность осуществляется только с прямым умыслом. Субъект осознает, что занимается перечисленными видами деятельности без регистрации, без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением условий лицензирования, и желает совершения либо продолжения этих действий» [18]. Противоположную точку зрения в своих суждениях, отметила Л.С. Аистова, что «при подобном анализе субъективной стороны не получают правовой оценки указанные в диспозиции ст. 171 УК РФ условия уголовной ответствен-

ности — причинение крупного ущерба и извлечение дохода в крупном размере».

В целом многие авторы приходят к следующим выводам: 1) субъективная сторона в случае формального состава преступления (т.е. при извлечении дохода в крупном размере) принимает форму прямого умысла; 2) если речь идет о материальном характере состава (т.е. о причинении крупного ущерба), то субъективная сторона может рассматриваться в форме как прямого, так и косвенного умысла.

На наш взгляд, первый из указанных выводов можно считать вполне обоснованным. Так как, если обратиться к определению понятия предпринимательской деятельности, содержащегося в Гражданском кодексе Российской Федерации, следует, что ее целью является систематическое получение прибыли. Отсутствие этой цели не позволяет признать такую деятельность предпринимательской и говорить о наличии состава рассматриваемого преступления. Таким образом, в случае извлечения дохода в крупном или особо крупном размере действия субъекта могут носить лишь осознанный характер и обуславливаются желанием наступления последствий в виде получения такого дохода. Указанная точка зрения находит свое отражение и в судебной практике [16].

Что касается второго вывода, то, подвергая анализу состав преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, Л.С. Аистова приходит к заключению, что при причинении крупного ущерба вина в форме прямого умысла исключается, поскольку «цель данного преступления — избежать объявления себя на рынке хозяйствующим субъектом путем уклонения от регистрации и лицензирования. Если при этом не уплачиваются налоги и иные платежи, то речь может идти о наличии корыстных мотивов». Однако, как представляется, это суждение автора не охватывает всех возможных целей совершения рассматриваемого преступления. Об этом же свидетельствует и судебная практика. Так, при рассмотрении уголовного дела, связанного с осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации, суд пришел к выводу, что подсудимый, совершая преступные действия, «осознавал их общественно опасный и противоправный характер, предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения экономического ущерба государству и желал этого» [21].

Анализ субъективной стороны рассматриваемого преступления показывает, что оно не может быть совершено по неосторожности, что выступает главным отличием данного преступления от смежного административного правонарушения.

Обобщая все вышеизложенное, отметим, что, во-первых, административные правонарушения не лишены признака общественной опасности, во-вторых, материальный критерий, характеризующий общественную опасность деяния, является одним из критериев разграничения преступлений и смежных административных правонарушений. Мы также поддерживаем теоретические выводы, согласно

которым в рассматриваемом случае именно размер причиненного имущественного вреда выступает средством дифференциации ответственности, указывающим на повышенный уровень общественной опасности преступного посягательства по отношению к внешне сходному с ним административному правонарушению.

Таким образом, при разграничении состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, и состава адми-

нистративного правонарушения, регламентированного ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, необходимо принимать во внимание признаки их объективной и субъективной стороны. Различия между ними обуславливают возможность квалификации незаконного предпринимательства в качестве преступления только при наличии крупного ущерба или дохода в крупном и особо крупном размере, а также его совершения с умышленной формы вины.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022)
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Правовая система «Консультант Плюс»
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Правовая система «Консультант Плюс»
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Правовая система «Консультант Плюс»
7. Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство и смежные составы: учебное пособие. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2005. 124 С.
8. Бешуков, А. Г. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия незаконному предпринимательству // Современная научная мысль. 2012. № 1. с. 77-84.
9. Иванова, С. И. Особенности квалификации деяний при конкуренции преступлений и административных правонарушений // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. тр. по материалам международных конкурсов «Лучший научно-исследовательский проект — 2016», «Лучшее научное эссе — 2016». Астрахань: Олимп, 2016. с. 152-155.
10. Карпович, О. Г. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность // Юрист. 2003. № 2. с. 59-61.
11. Карташов, Р. А. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере экономики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2010. № 3. С 58-62.
12. Кисин, В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7. с. 12-16.
13. Константинов, П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. 2005. № 3. с. 58-74.
14. Морозова, Н. А. Соучастие в совершении административного правонарушения // Журнал российского права. 2014. № 8. с. 113-125.
15. Попов, А. В. К вопросу о размере административного штрафа за незаконное предпринимательство. 2019. № 2 (26). с. 85-87.
16. Постановление Октябрьского районного суда г. Владимира № 1-169/2015 от 27 апр. 2015 г. по делу № 1-169/2015. URL: <https://clck.ru/FqZVu>; Приговор Яковлевского районного суда Белгородской обл. № 1-88/2018 от 24 сент. 2018 г. по делу № 1-88/2018.
17. Соловей, Ю. П. О законодательном определении понятия административного правонарушения // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 10 (22). с. 31-39.
18. Устинова, Т. Д. Ответственность за незаконную предпринимательскую и банковскую деятельность // Законность. 1999. № 7. с. 14-19.
19. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов: в 2 т./под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. Т. 2. 848 с.
20. Приговор Белореченского районного Суда Краснодарского края от 12 ноября 2013 г. № 1-342/131-342/2013 по делу № 1-342/13.
21. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 22 сент. 2016 г. № 1-392/2016 по делу № 1-392/2016. URL: <https://clck.ru/FqZx4>

Правовые подходы к пониманию электронного правительства в Российской Федерации

Масаров Максим Темурович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию «электронного правительства» как новой формы государственного управления, обосновывается вывод, что «электронное правительство» в России становится формой модернизации государственной власти, как принципиально нового способа организации государственного управления в новых общественных условиях.

Ключевые слова: электронное правительство, государственное управление, власть.

Вопросы информационных технологий в государственном управлении, в первую очередь, связываются с новейшим направлением в правовом и социально-политическом плане как электронное правительство. Поэтому многие российские специалисты отмечают, что «перевод термина «электронное правительство», как электронное государство более удачен и отражает содержание программ информатизации государств» [1, с. 24].

Основная задача, в данной статье рассмотреть основные концептуальные подходы к пониманию электронного правительства в России.

Мировые тенденции глобализации и информатизации привели к возникновению и реализации практически во всех странах мира, а также на международном уровне концепции электронного правительства. Как отметил Тарасов А.М., «содержание понятия «электронное правительство» (далее — Electronic Government, E-Government, Э-правительство) сегодня заслуженно находится в одном ряду с понятием «эффективность государственного управления». В этом контексте данный термин все чаще используется в лексике руководителей органов государственной власти различного уровня». Взаимодействие органов государственной власти и общества посредством информационно-коммуникационных технологий нашло отражение в концепции электронного правительства (e-government, electronic government), которая возникла и приобрела известность в 1990-х годах [2, с. 98].

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационной сети Интернет вызвало необходимость, а также дало возможность модернизировать и упростить взаимодействие государства и социума. Информационно-коммуникационные технологии в современном мире играют определяющую роль не только в социальном и политическом разрезе улучшения взаимодействия между государственными (муниципальными) органами и гражданами, но и по мнению Дашян М.С. важно для «гармонизации культуры правовых отношений в обществе».

По мнению И.Л. Бачило понятие e-government может быть переведен «не только как электронное правительство, но и как электронная администрация или электронное управление» [3, с. 250-251]. Эту точку зрения разделяет

и Э.В. Талапина, подчеркивая, что «электронное управление — это интерактивные взаимоотношения не только государства с гражданами и организациями, но и государственных органов между собой». В основном же, когда говорят об электронном правительстве, фактически подразумевают «электронное государство», то есть речь идет об электронной инфраструктуре, используемой государством для осуществления его исполнительных функций. Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества, превращая его в информационное, с совершенно новыми чертами. Также трансформируется и государство, приобретая прежде ему несвойственные способы взаимодействия с обществом. Исходя из выше сказанного, можно говорить о новом государстве периода информационного общества.

В этом случае под понятием «информационное общество» следует понимать непрерывно возрастающее количество людей, владеющих инновационными информационными и коммуникативными технологиями, возрастающую роль таких технологий в жизни современного общества и создание глобального информационного трансграничного пространства.

Впервые термин «информационное общество» прозвучал в Японии в беседе архитектора Кисё Курокава и антрополога Тадао Умесао в 1961 году. Позднее, начиная с 1990-х годов это понятие получило широкое распространение в западных странах [4, с. 48]. Достаточно часто термин «цифровой» употребляли в значении термина «электронный» («цифровые технологии», «цифровая связь», и т.д.), что является не совсем верным. Электронные или информационно-коммуникационные технологии включают в себя цифровые технологии, как одно из средств передачи сигнала.

Все многообразие значений электронного правительства можно классифицировать в 2 группы: в рамках первой группы понятие дается в узком смысле, в рамках второй группы в широком.

Первая группа отображает использование информационно-коммуникационных технологий в управлении центральными органами исполнительной власти (правительством), коммуникации между собой различных отраслей, управление финансами и т.д. Этот термин впервые стал

использоваться администрацией Б. Клинтона, Президента США. Именно в этот период бурное развитие ИКТ придал компьютеризации и внедрению электронных способов управления в США стратегическое значение. В последствии в западных странах повсеместно стали появляться целевые программы, направленные на использование новых ИКТ в управлении государством (e-Europe, e-Austria, Indonesia National e-Strategy и т. п.).

Изначально понятие «электронное правительство» принималось как средство повышения эффективности управления и прозрачности работы государственного аппарата, а также способ предоставления гражданам облегченного электронного доступа к программам, услугам и информационным ресурсам государственных и муниципальных органов власти. В широком значении трактовка термина «электронное правительство» представляет особый интерес для исследования.

Так как «электронное правительство» есть нечто большее, чем просто внедрение и использование ИКТ в целях повышения эффективности и предоставления услуг гражданам в режиме онлайн. Онлайн платформа является всего лишь одной из частей системы «электронное правительство». Прежде всего «Электронное правительство» — это новая концепция государственного управления, требующая глобального изменения на всех уровнях государственного управления. Данная концепция предполагает кардинальное изменение схемы взаимоотношений между государством и обществом, то есть реинжиниринг процессов управления, фундаментальное переосмысление, и радикальное перепроектирование бизнес-процессов.

Суть концепции «электронного правительства» состоит в переходе к новым, простым формам взаимодействия в системе государственного управления, к прозрачности государства, декоррупцированности и дебюрократизации. Эти цели невозможно достичь простым подключением к телекоммуникационной сети интернет. Акцент в претворении в жизнь этой концепции должен быть сделан на:

— Автоматизацию: перевод в автоматизированный режим функции связанных со сбором, хранением, обработкой и передачей информации. Переход на безбумажный принцип работы в органах государственного управления.

— Информатизацию: информационную поддержку реализуемых функций (создание автоматизированных систем поддержки управленческих решений в государственном секторе.

— Трансформацию: создание и поддержку новых функций, реализуемых с помощью ИКТ или выполняемые сотрудниками (развитие новейших методов предоставления государственных услуг с помощью интернет-технологий).

Электронное администрирование в широком смысле направлено прежде всего на оптимизацию внутренней работы органов государственного управления и относится к процессу трансформации внутренних взаимодей-

ствий в системе государственного управления, а в «Окинавской хартии глобального информационного общества» задачи и вопросы электронного правительства поднимаются на межгосударственном уровне.

Такие социально значимые сферы жизни как создание сети государственных учреждений и институтов, а также сокращение бедности, образование, здравоохранение и культура, включая школы, научно-исследовательские центры и университеты, нуждаются во внедрении информационных технологий для более эффективного функционирования. Также электронное правительство оценивается как эффективный инструмент борьбы с коррупцией». Главенствующую роль в задаче противодействия коррупции играет информационная открытость и доступность публичного управления для граждан. Указ Президента РФ от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» определил порядок размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Обратим внимание еще на один подход, выдвинутый Тарасовым А. М., «электронное государственное управление — это целенаправленное соучастие и воздействие субъектов всех ветвей и органов государственной власти на различные сферы общественной жизни с использованием информационно-коммуникационных технологий с целью повышения эффективности государственного управления, оперативного осуществления взаимодействия между государственными органами, а также упрощения процедур взаимодействия государства с неправительственными организациями, бизнесом, населением в сфере оказания электронных услуг. Электронное государственное управление направлено также на достижение таких весьма позитивных целей, как снижение уровня бюрократизации и коррупционности в системе государственной власти».

Мы разделяем мнение Федосеевой Н. Н., которая отмечает, что функций электронного государства «во многом зависят от уровня внедрения информационных технологий в обществе. Например, в России, где электронное правительство проходит начальный этап своего становления, это понятие сужается до совершенствования государственного управления с помощью использования новых информационно-компьютерных технологий, что, безусловно, должно повысить его эффективность; например, по словам одного из видных чиновников, «это неточный термин, мы не должны говорить об электронном правительстве, мы должны говорить о правительстве, которое использует информационные технологии. Мы должны говорить о Федеральном Собрании, которое использует информационные технологии. Мы должны говорить о судах, которые используют информационные технологии. Мы говорим о некой коммуникационной среде,

которая позволяет структурам власти и структурам гражданского общества, бизнесу взаимодействовать в единых стандартах, понятных друг для друга» [5, с. 14].

По моему мнению, концепция «электронного правительства» несет в себе смысловую нагрузку не как формы модернизации государственной власти, но как принципиально нового способа организации государственного управления в новых общественных условиях. Для этого, информационные и телекоммуникационные технологии призваны стать средством повышения эффективности

управления, обеспечить помощь государству в выполнении его функций и услуг. Кроме того, Концепция «электронного правительства» несет в себе смысловую нагрузку не как формы модернизации государственной власти, но как принципиально нового способа организации государственного управления в новых общественных условиях. Для этого, информационные и телекоммуникационные технологии призваны стать средством повышения эффективности управления, обеспечить помощь государству в выполнении его функций и услуг.

Литература:

1. Жарова, А. К. Теоретические основания правового регулирования создания и использования информационной инфраструктуры Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук. М. 2020. — с. 24.
2. Тарасов, А. М. Электронное правительство и информационная безопасность [Текст]: учебное пособие для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России/А. М. Тарасов. — Санкт-Петербург: Галарт, 2011. — 646 с.
3. Бачило, И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. — М. Юрическое издательство «ЮРКОМ-ПАНИ», 2012. — с. 250-251
4. Сагынбекова, А. С. Цифровая экономика: понятие, перспективы, тенденции развития в России // Теория, практика, инновации. — 2020. — № 4. — с. 48.
5. Туровец, В. В. Преобразование информационной системы государственного управления на основе концепции электронного правительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — с. 14.

Роль банковского надзора в механизме публично-правового регулирования банковской деятельности

Медведев Герман Александрович, студент магистратуры

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В рамках научной статьи изучается роль банковского надзора в механизме публично-правового регулирования банковской деятельности. Особое внимание уделяется правовой базе, устанавливающей основы регулирующего воздействия надзорного органа на банковскую систему. Так, в статье установлено, что в Российской Федерации банковский надзор осуществляется в соответствии с международными стандартами, разработанными Базельским комитетом банковского надзора, а также нормами национального законодательства. Проанализированы сложившиеся в доктрине подходы к пониманию «банковского надзора». Предложено авторское понимание банковского надзора, а также сделан вывод о реализации Банком России и контрольных функций одновременно с надзорными.

Ключевые слова: банковская система, банковская деятельность, банковский надзор, Банк России, пруденциальный надзор.

В настоящее время вопросы устойчивого развития банковской системы и как следствие вопросы совершенствования банковского надзора относятся к ключевым. Это в первую очередь связано с тем, что качественная реализация экономической функции государства невозможна без должного урегулирования, как денежно-кредитных отношений, так и банковской деятельности. Соответственно, стабильная банковская система — это залог не только эффективного развития экономики, но и поддержания баланса

интересов, возникающих одновременно у государства и общества.

В России сегодня продолжается формирование эффективной системы банковского надзора. Достижение обозначенной цели осуществляется за счет создания органа «мегарегулятора», надзорные полномочия которого распространяются на всех без исключения субъектов банковского сектора.

Все вышесказанное повышает значимость Центрального Банка Российской Федерации (далее — Банка

России) как органа надзора, реализующего свои полномочия в банковской сфере.

Банковский надзор в Российской Федерации в настоящее время строится на внедрении и последующем апробировании новых методик, которые разработаны Базельским комитетом банковского надзора. Эти методики преимущественно ориентированы на повышение финансовой устойчивости банковской системы мирового уровня. Основываются Базельские стандарты («Базель II» и Базель «III») на внедрении риск-ориентированного подхода в надзорную деятельность, а также использовании при его проведении информационно-цифровых технологий. Стоит отметить, что Базельские стандарты по своей природе императивными не являются. Однако они оказывают существенное влияние на национальные банковские системы. Российская Федерация исключением не является. Для реализации международных связей правовой основой является часть 2 статьи 9 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон № 86-ФЗ) [1]. Обозначенная норма предоставляет Банку России право принимать участие в деятельности, осуществляемой международными организациями по вопросам развития сотрудничества, как в денежно-кредитной и валютной сферах, так и банковской. Банк России с целью исполнения обозначенных предписаний является участником Базельского комитета. Соответственно, он принимает непосредственное участие в разработке стандартов комитета и их последующем одобрении.

Особый конституционно-правовой статус Банка России определен статьей 75 Конституции Российской Федерации [2]. Так, ключевой функцией Банка России является обеспечение устойчивости рубля, а также его защита. Реализацию данной функции осуществляет Банк России независимо от других публичных органов власти. Кроме того, на конституционном уровне закреплено, что только Банку России принадлежит право эмиссии наличных денежных средств. Пункт «ж» статьи 71 Конституции Российской Федерации является дополнительной гарантией исключительности эмиссионного права Банка России. В обозначенной конституционной норме декларируется постулат следующего содержания: отнесена эмиссия денежных средств к ведению Российской Федерации. Обозначенные нормы закладывают основы не только правового статуса Банка России как регулирующего органа в банковском секторе, но и как надзорного органа, хотя прямо нормы Конституции России не содержат положения о возложении на Банк России надзорных полномочий.

Обобщая вышесказанное, отметим, что Банк России при реализации своих функций от органов публичной власти независим. Его назвать можно органом с особым статусом (ни к одной из систем органов власти он не относится). Банк России сформирован был в первую очередь для целей обеспечения устойчивости национальной валютной системы, а также регулирования банковской

системы. Достижение обозначенных целевых установок осуществляется, во-первых, посредством реализации денежно-кредитной политики в Российской Федерации. А, во-вторых, посредством реализации в банковской сфере надзора с наличием возможности применения за нарушение предписаний банковского законодательства конкретных санкций.

Положения статьи 56 Закона № 86-ФЗ на Банк России возлагают обязанность по осуществлению надзора в банковском секторе. Надзорные функции Банк России осуществляет на постоянной основе. Изучение данной нормы позволяет сделать вывод о том, что Банк России в отношении поднадзорных субъектов не имеет никаких административных полномочий, связанных с управлением кредитными организациями. Кроме того, он не имеет право в их деятельность вмешиваться, проверяя целесообразность осуществляемых ими банковских операций. Предмет надзора — это соблюдение действующего российского законодательства, а также актов, принимаемых Банком, в которых установлены обязательные нормативы либо же их индивидуальные предельные значения (Например, положений, предусмотренных инструкцией Банка России от 29.11.2019 № 199-И [3]).

Банковские учреждения несут ответственность за достоверность данных, связанных не только с расчетом обязательных нормативов, но и с их расшифровкой. В полномочия Банка России входит проверка, как правильности, так и достоверности предоставления кредитными организациями информации, на основе которой осуществляются расчеты обязательных нормативов.

Право Банка России осуществлять надзор за деятельностью кредитных организаций также закреплено и в статье 41 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [4].

Осуществляет функции Банк России через действующий на постоянной основе Комитет банковского надзора (положение о нем утверждается Советом директоров) [5].

В Законе № 86-ФЗ обозначена и приоритетная цель банковского надзора. Она заключается, во-первых, в поддержании стабильности банковской системы, а, во-вторых, в защите интересов, имеющих, как у вкладчиков банковской организации, так и у кредиторов. Основы надзорной деятельности Банка России обозначены в главе 10 Закона № 86-ФЗ.

Изучая категорию банковского надзора, представляется правильным изучить сложившиеся в доктрине подходы к пониманию данного правового феномена.

Стоит отметить, что действующее в настоящее время законодательство не предусматривает закрепление дефиниции «банковский надзор». Изучение специальной научной литературы позволяет сделать вывод об отождествлении таких категорий как «надзор», «контроль» и «регулирование». Итак, обозначим отдельные подходы, сложившиеся в доктрине к пониманию анализируемой категории.

Собственное понимание банковского надзора предложено было Е. М. Дудником. Он в своих научных трудах сформулировал следующее его понимание: это система мер, посредством которых обеспечивает государство стабильность функционирования кредитных организаций и их безопасность. Такие меры позволяют ликвидировать дестабилизирующее воздействия на банковскую систему, оказывая в целом позитивное развитие на нее [6].

Иная позиция в понимании «банковского надзора» предложена была А. А. Пономаревым. В его понимании анализируемый термин является разновидностью государственного финансового контроля. Соответственно, банковский надзор — это элемент управления системы финансов государства. Вместе с тем, он позволяет достигать стабильность, являющуюся необходимой для банковской системы. Такое состояние достигается за счет действий регулятора, осуществляемых в активной форме. В своем большинстве такие действия преимущественно ориентированы на проверку соблюдения кредитными организациями предписаний, установленных как банковским законодательством, так и нормативными документами, принимаемыми Банком России [7].

По мнению Т. Э. Рождественского банковский надзор — это особый вид публично-правовой деятельности. Приоритетная цель ее реализации заключается в поддержании, как стабильности банковской системы государства, так и обеспечении ее развития, включая обеспечение защиты интересов, которые имеются не только у вкладчиков, но и у кредиторов [8].

Согласно позиции А. В. Андриянова, банковский надзор — это наблюдение, осуществляемое Банком России за исполнением положений законодательства, которые осуществляют на банковскую деятельность регулирующее воздействие, а также установленных Банком России нормоустановлений, включая, как финансовых нормативов, так и правил бухгалтерской отчетности. Если говорить тезисно, то это надзор за реализацией в сфере банковского дела нормативности. Основывается организация банковского надзора не только на внутригосударственной законодательной базе, но и на рекомендациях, которые утверждаются международным банковским комитетом [9].

Под банковским надзором согласно позиции Э. В. Рогатенюк, необходимо понимать совокупность действий, реализуемых в рамках установленной компетенции органом банковского надзора. Действия, осуществляемые органом надзора, реализуются в целях обеспечения стабильной деятельности банковской системы, а также защиты интересов кредиторов в соответствии с опубликованными официально процедурными нормами [10].

Понимание надзорной деятельности в банковской сфере предложено было и И. В. Винниковой. По ее мнению, это деятельность Банка России, которая осуществляется на основе правовых норм. По своему содержанию такая деятельность представляет собой систему мероприятий по надзору на постоянной основе за соблюде-

нием законодательства, как кредитными организациями, так и банковскими группами. Банковский надзор структурно включает в себя и меры воздействия на субъектов, нарушивших законодательство о банковском деле. В качестве приоритетной цели банковского надзора по мимо указанных в законе необходимо также обозначить такую как обеспечение эффективной деятельности финансового рынка и финансовой безопасности [11].

Обобщая сложившиеся в доктрине подходы к пониманию категории «банковский надзор» предложим собственное его понимание. Это ключевое направление деятельности, осуществляемое Банком России. Цель реализации надзорных полномочий в анализируемой сфере — обеспечение стабильного функционирования банковской системы Российской Федерации. Банк России, реализуя функцию надзора за соблюдением нормоустановлений, как банковского законодательства, так и собственных актов, проверяет деятельность кредитных организаций и защищает одновременно не только публичные интересы, имеющиеся у государства, но и частные, которые есть у каждого вкладчика и кредитора банковского учреждения. Стоит отметить, что Банк России помимо надзорных полномочий реализует еще и контрольные. Последние ошибочно исключаются из сферы полномочий Банка России, так как имеет место в банковском законодательстве смешение терминологии и не ясность ее закрепления в соответствующих нормативных актах. Так, контрольная функция Банка России преимущественно ориентирована на обнаружение отклонений в соблюдении регулятивных норм и требований, в том числе и выявление причинного комплекса опосредующих их возникновение.

Изучая банковский надзор стоит отметить, что он осуществляется в определенных формах. Обозначим их предварительный (проводится на этапе выдачи лицензии банковскому учреждению); пруденциальный (проводится в процессе повседневной деятельности банковской организации); последующий (здесь надзор осуществляется за теми банковскими учреждениями, которые нарушили предписания законодательства о банковском деле либо же находятся в стадии ликвидации в связи с реализацией банкротных процедур).

Стоит отметить, что именно пруденциальный надзор занимает основную часть надзорной деятельности Банка России. Данный вид надзора позволяет осуществлять контроль за соблюдением нормоустановлений в сфере банковской деятельности поднадзорными лицами, а также позволяет выявить нарушения санкционированных предписаний с применением законодательно предусмотренных мер воздействия к нарушителям. Именно пруденциальный надзор позволяет, как обеспечить стабильность банковской системы, так и предотвратить для заинтересованных лиц (вкладчиков и кредиторов) наступление последствий неблагоприятного характера еще на этапе их зарождения, разрешив постфактум, возникшие проблемные ситуации в деятельности каждого банка.

На основании исследования, проведенного в научной статье, сделаем ряд взаимосвязанных выводов. Банковский сектор на современном этапе развития экономических отношений в сегменте финансового рынка государства занимает безусловно доминирующее положение. Это преимущественно связано с тем, что в настоящее время кредитные организации сегодня выполняют функцию перераспределения денежной массы с целью обеспечения потребности в денежных средствах. Обозначенное обстоятельство является ключевым фактором, обеспечивающим рост рыночной экономики в любом государстве. Однако нормальное функционирование банковской индустрии и как следствие ее развитие априори невозможно без надзора со стороны уполномоченного органа за деятельностью банков. Сегодня банковский надзор — это одно из ключевых направлений деятельности, осуществляемых Банком России. Приоритетная цель реализации надзорных полномочий заключается в обеспечении стабильного функционирования банковской системы Российской Федерации. Банк России, реализуя функцию надзора за соблюдением нормоустановлений, как банковского законодательства, так и собственных актов, проверяет деятельность кредитных организаций и защищает одновременно не только публичные интересы, имеющиеся у государства, но и частные, которые есть у каждого вкладчика и кредитора банковского учреждения. Представляется

правильным с акцентировать внимание на том, что Банк России помимо надзорных полномочий реализует еще и контрольные. Последние ошибочно исключаются из сферы полномочий Банка России, так как имеет место в банковском законодательстве смешение терминологии и неясность ее закрепления в соответствующих нормативных актах. Так, контрольная функция Банка России преимущественно ориентирована на обнаружение отклонений в соблюдении регулятивных норм и требований, в том числе и выявление причинного комплекса опосредующих их возникновение. Основную часть надзорной деятельности Банка России занимает пруденциальный надзор. Сущность указанного вида надзора заключается в осуществлении контроля за соблюдением в сфере банковской деятельности нормоустановлений, содержащихся как в законодательстве о банковском деле, так и в актах, принимаемых органом надзора. Кроме того, в рамках пруденциального надзора применяются меры, позволяющие обеспечить стабильную деятельность банковской системы, а также для заинтересованных лиц (вкладчиков и кредиторов) предотвратить наступление последствий неблагоприятного характера еще на этапе их зарождения, разрешив постфактум, возникшие проблемные ситуации. Таким образом, сегодня в механизме публично-правового регулирования банковского сектора банковский надзор занимает особое место, определяемое его целями и задачами.

Литература:

1. Федерального закона от 10.07.2022 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2022. № 28. Ст. 2790.
2. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 06.10.2022.
3. Инструкция Банка России от 29.11.2019 г. № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» // Справочная правовая система «Консультант-Плюс».
4. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 06.12.1990. № 27. Ст. 357.
5. Положение Банка России от 26.01.2022 N КБН-2022 «О Комитете банковского надзора Банка России» (утв. решением Совета директоров Банка России, протокол от 21.01.2022 № ПСД-1) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Дудник, Е. М. Банковский надзор. — М.: Академия естествознания, 2019. — 110 с.
7. Пономарева, А. А. К вопросу о понятии банковского надзора. — URL: <https://clck.ru/MxeTd> (дата обращения: 25.10.2022).
8. Рождественская, Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: учебное пособие для магистратуры/Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 176 с.
9. Андриянова, А. В. Банковское регулирование и надзор // Молодой ученый. 2020. № 44 — с. 158-160.
10. Рогатенюк, Э. В. Контрольно-надзорная деятельность Банка России: сущность, формы и виды, инструментальное обеспечение // Экономика строительства и природопользования. 2018. № 3. — с. 86-93.
11. Винникова, И. В. Банковский надзор в системе финансово-правового регулирования банковской деятельности: Автор. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук по специальности 12.004 — финансовое право; налоговое право; бюджетное право. — М.: ФГБОУ ВПФ «Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 2015. — 24 с.

Проблемы правового регулирования Единой информационной системы в сфере закупок

Мечевский Антон Николаевич, студент магистратуры

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина, Ленинградская обл.)

В статье рассмотрены основные положения правового регулирования Единой информационной системы в сфере закупок, рассмотрены правила и требования, применяемые к государственным информационным системам. Проанализированы нововведения и изменения, касающиеся правового регулирования ЕИС, принятые в 2022 году. Определены проблемы и дальнейшие тенденции развития ЕИС в текущих экономических условиях.

Ключевые слова: единая информационная система, государственные закупки, муниципальные закупки, государственная информационная система.

Федеральный закон, регулирующий ЕИС в сфере закупок, а именно ФЗ № 44 от 5 апреля 2013 г., вступил в силу довольно давно, однако к нему, как и в целом к правовому регулированию Единых информационных систем, все еще остается достаточно вопросов. Согласно вышеуказанному закону, ЕИС в сфере закупок должна работать во взаимодействии с другими ЕИС. Сама по себе, эта информационная система должна содержать в себе подробную информацию обо всех этапах государственных и муниципальных закупок. Т. е., ЕИС должна предоставлять информацию о планировании, подрядчике, заключении контракта и его исполнении. Помимо этого, в ЕИС проводится мониторинг реализуемых закупок и контроль за соблюдением законодательства в ходе их проведения.

Что касается региональных и муниципальных закупок, то их информационное обеспечение отдано в руки региональных и муниципальных информационных систем (РИС и МИС соответственно), интегрированных с Единой информационной системой. Правительство РФ устанавливает одинаковые требования к РИС и МИС, которые заключаются в требованиях гарантированной передачи информации между ними и ЕИС. При этом, в случае несоответствия информации между РИС/МИС и ЕИС, приоритет в достоверности информации отдается именно ЕИС. Создание иных информационных систем для работы в сфере закупок не допускается [1, с. 138].

С 1 января 2019 года, с помощью ЕИС проводятся не только аукционы, но и остальные конкурентные закупки, к которым относятся различные конкурсы, запрос котировок и предложений.

Здесь стоит отметить, что ЕИС в сфере закупок является государственной информационной системой, а значит подчиняется правилам создания и работы ГИС, указанных в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Однако, закон содержит лишь общие требования и правила к ГИС, что негативно сказывается на возможности унификации требований к таким информационным системам, в том числе и к ЕИС в сфере закупок [4, с. 161]. Также,

к ЕИС применяются специальные принципы контрактной системы, а именно обеспечение свободного и безвозмездного доступа к информации, обеспечение открытости, прозрачности, полноты и достоверности информации о закупках. Данные принципы закреплены в статье 7 ФЗ «О контрактной системе».

В условиях экономических санкций и ограничения доступа к технологиям, особое значение приобретают требования к техническим и программным средствам работы ЕИС, которые можно было бы закрепить в отдельной статье ФЗ «Об информации». В качестве таких требований можно закрепить организацию бесперебойной работы технического обеспечения ЕИС, обеспечение более тесного взаимодействия с другими информационными системами, усиление цифровой защиты баз данных и серверов, обеспечивающих работу информационной системы [3, с. 31].

Безусловно, ЕИС на данный момент является важнейшим компонентом информационной системы в сфере закупок. Посредством ЕИС происходит взаимодействие субъектов ЕИС и пользователей сайта ЕИС, права и обязанности которых несколько различаются. Пользователями являются различные физические и юридические лица, которые пользуются системой в целях поиска и работы с закупками. Согласно принципам контрактной системы, пользователям должен быть предоставлен полный доступ к достоверной информации в сфере закупок. Требования к файлам, выкладываемым на сайте ЕИС, содержатся в Руководстве пользователя ЕИС, разработанным Федеральным казначейством. Однако, распространённым нарушением данных требований является размещение файлов, содержащих информацию о закупке, с ограничением поиска и копирования текста, а также размещение информации не в полном объеме [1, с. 141].

Разработка и улучшение функционала ЕИС в некоторых случаях приводит к сбоям работы системы, в связи с устаревшей технической базой, поэтому в современных условиях, необходимо обратить особое внимание на обеспечение стабильности работы системы.

Нельзя обойти вниманием и изменения, внесенные в ФЗ «О контрактной системе». Так, с 1 июля 2022 года,

в реестр недобросовестных поставщиков будут вноситься организации, отказавшиеся исполнять обязательство по закупке, если на заказчика были наложены санкции и ограничительные меры. Это позволит несколько предостеречь исполнителей от разрыва контрактов в случае, если на заказчика будут наложены санкции иностранных государств. Помимо этого, в этот реестр будут включаться и юридические лица, отказавшиеся от своих обязательств в одностороннем порядке.

Также были внесены изменения в требования к закупочным комиссиям заказчиков в целях усиления противодействия коррупции в сфере закупок. Новые требования возлагают на заказчиков обязанность исключить конфликт интересов обеспечить отсутствие личной заинтересованности в своей деятельности. Если кто-то из состава закупочной комиссии перестал отвечать требованиям к её членам, то он должен быть незамедлительно заменен на другого человека. Обязанность замены члена комиссии возложена на заказчика, создавшего данную комиссию.

С 1 января 2022 года были введены новые случаи проведения закрытых закупок. К ним законодатель отнес закупки, связанные с созданием, модернизацией, ремонтом и обсаживанием вооружения и военной техники. Также, закрытые закупки будут проводится в случае закупок товаров и услуг для Росгвардии и ФСО РФ.

Подводя итоги, можно говорить о том, что на сегодняшний день, ЕИС является исключительной информационной системой, позволяющей обработать

гигантское количество информации, поступающей из разрозненных, слабо связанных источников, что являлось бы совершенно невозможным обработать в ручном порядке за разумное время. Однако, несмотря на высокий процент информатизации всех этапов проведения госзакупок, значительным остается бумажный документооборот, который, без сомнений, лишь замедляет весь процесс [2, с. 42]. В недавнее время, полный отказ от бумажного документооборота являлся бы логичным шагом, однако на данный момент стоит признать, что он необходим. Это связано прежде всего с наложенными на Российскую Федерацию, санкциями и ограничения доступа к технологиям, которые могут повлечь серьезное нарушение стабильности ЕИС в случае неполадок в технических средствах. Также видится логичным шаг по созданию резервных систем в целях сохранения информации в случаях нарушения работы основной ЕИС.

Единая информационная система, как и любая информационная система на сегодняшний день, безусловно имеет недостатки. Необходимо продолжить работу по совершенствованию законодательства в сфере электронных закупок, как в плане обеспечения прав заказчиков и исполнителей, так и унификации технических требований к ЕИС. С учетом сегодняшних событий, законодатель во взаимодействии с техническими специалистами, должен обеспечить гибкость информационных систем для наиболее эффективной работы в интересах отечественной экономики.

Литература:

1. Андреева, Л.В. Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 8 (117). — с. 136-145. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-funktsionirovaniya-edinoy-informatsionnoy-sistemy-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok> (дата обращения: 07.11.2022).
2. Бирюкова, Е.А. Система госзакупок в Российской Федерации: проблемы, нарушения, изменения в законодательстве // Научные записки молодых исследователей. — 2022. — № 10 (1). — с. 39-50. — URL: <http://elib.fu.ru/art2022/bv34.pdf/download/bv34.pdf> (дата обращения 07.11.2022).
3. Епифанова Валентина Ивановна, Подосинников Евгений Юрьевич Единая информационная система в сфере государственных закупок: Сравнительный анализ данных и региональные закономерности функционирования // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2020. — № 1 (43) — с. 30-34. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinaya-informatsionnaya-sistema-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok-sravnitelnyy-analiz-dannyh-i-regionalnye-zakonomernosti> (дата обращения: 08.11.2022).
4. Чечерина, У.С. Правовое регулирование электронных закупок // Молодой ученый. — 2022. — № 39 (434). — с. 160-163. — URL: <https://moluch.ru/archive/434/95124/> (дата обращения: 07.11.2022).

Актуальные проблемы и тенденции развития пенсионной системы Российской Федерации

Муромцев Виталий Михайлович, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор выявляет актуальные проблемы пенсионной системы в Российской Федерации, определяет пути их решения и описывает тенденции развития пенсионного законодательства.

Ключевые слова: пенсионная система, развитие, страхование.

Особенности возникновения любой пенсионной системы состоит в том, что система возникает по причине и вследствие развития экономического, социального и географического положения государства, поскольку это напрямую влияет на вопросы, рассматриваемые пенсионной системой (например — в Нигерии не будут актуальны вопросы льгот для народов севера по причине тёплого климата, и наоборот — в Швеции вопрос о засухе и поиске воды не будет обстоит так серьезно, как в африканских странах).

В современном мире Россия занимает ведущее место в мировой экономике, что способствует благотворному влиянию на пенсионную систему. Но, стоит отметить, многие изменения не могут происходить методично и успешно во всех аспектах. В ходе рассмотрения законопроектов в сфере пенсионной государственной политики нельзя затронуть все отношения, возникающие вследствие принятия закона. Не стоит также забывать об отношениях, возникающих из новых законов вследствие обстоятельств, о которых нельзя было иметь представления и они не могли предполагаться на этапе принятия и рассмотрения, но возникли при внедрении закона на практике.

Проблемы, на которые в будущем будут направлены изменения в случае недостатка ясности или полноты в понимании проблемы, будут решаться принятием нового закона в сфере социального, государственного и медицинского страхования граждан Российской Федерации.

На данный момент и в связи с изменениями пенсионного законодательства 01.06.2022 и грядущих изменениях 01.01.2023 можно выделить следующие проблемы:

1. Изменение показателя индексации пенсий на каждый год в меньшую сторону до 8,6%, связанное с состоянием мировой экономики и работой российского законодательства над разрешением экономических вопросов.

2. Отсутствие перспектив в дальнейшей поддержке системы накопительных пенсий. Пенсионная система развивается в направлении оптимизации маршрутов получения необходимого страхования. В связи с этим система накопительных пенсий не получает должного развития, зачастую стоимость усилий для её получения и реальное

количество средств, составляющих эту пенсию, не являются выгодными для гражданина.

3. Проблема недостаточной оптимизации системы в период эпидемии COVID-19, система страхового, медицинского обеспечения при возникновении случая заболевания или для людей, пострадавших вследствие распространения вируса (или родственники пострадавших в период эпидемии) не предусматривала вопросы дополнительного страхования или льгот, пока установлен режим эпидемии вируса COVID-19.

4. Проблема уменьшение количества взносов от страхователей и застрахованных лиц — в период с 2016 года до сегодняшних дней более существенно влияет на развитие системы пенсионных отношений, так как фонды существуют за счёт вкладов застрахованных лиц, уменьшение количества средств сильно сказывается на функционировании выплат, льгот, качества предоставляемых пенсионных услуг. Подтверждение данной информации представлено в таблице 1.

5. По причине уменьшения процента индексации пенсий, а также ценовой политики минимального размера пенсий и назначения социальной пенсии, при недостаточности стажа [1], большая часть страховых пенсий не может компенсировать доход, который теряет гражданин при выходе на пенсию, что подталкивает его на продолжение работы даже после выхода на пенсию. Также это снижает заинтересованность граждан в формировании страховой пенсии и к взносам в пенсионную систему.

6. Проблема тенденции к увеличению дефицита Пенсионного фонда России, покрытие которого из государственного бюджета снижает устойчивость последнего.

Основная задача, которая сейчас стоит перед пенсионным законодательством — гарантировать устойчивость и стабильную денежную политику пенсионного страхования на ближайшие годы. То есть необходимо не только сохранить стабильность текущих доходов, но и увеличивать их.

Система пенсионного страхования проводит чёткие расчёты текущих доходов и выплат, а также просчитывает все варианты и возможности, в сторону которых будет развиваться социальная политика, идти расширение прав и, соответственно, обязанностей лиц в сфере пенсионного страхования Российской Федерации.

Таблица 1. Общая численность пенсионеров в Российской Федерации на 1 января 2022 года

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общая численность пенсионеров, тыс. человек	43327	43797	45182	45709	46070	46480	46198	45637	44682
из них получающие пенсии:									
по старости	33950	34422	35555	36004	36336	36710	36341	35747	34638
по инвалидности	2511	2418	2365	2280	2202	2137	2181	2149	2218
по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи)	1541	1527	1608	1628	1636	1632	1612	1614	1632
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	302	312	332	382	422	443	459	475	487
федеральные государственные гражданские служащие	67	66	71	68	74	77	78	78	78
за выслугу лет	2009	2044	2142	2212	2243	2292	2328	2337	2355
Социальные	2946	3007	3108	3134	3156	3188	3198	3236	3273
Общая численность пенсионеров, приходящаяся на 1000 человек населения	301,6	304,2	308,3	311,4	313,7	316,7	314,8	312,2	307,0
Численность занятых, приходящихся на одного пенсионера (в среднем за год), человек	1,65	1,60	1,59	1,57	1,55	1,53	1,51	1,57	...

Даже на данный момент, когда система социальных отношений сформирована и достаточно устоялась, будут актуальны внешние и внутренние образования, которые способствуют совершенствованию пенсионной системы (например, неработающие пенсионеры, при различии минимального прожиточного минимума региона и федерального прожиточного минимума в сторону первого, пенсионер имеет право претендовать на назначение пенсии за счёт средств регионального бюджета).

Также проведена плавная интеграция новых систем пенсионных правоотношений, которые возникли в результате реализации пенсионной реформы 2019 года [4].

Пенсионная система Российской Федерации построена по принципам, которые неразрывно связаны с демографической политикой государства. Это способствует увеличению числа льгот, предоставляемых населению.

Объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования позволит социальной политике двигаться в сторону более удобной организационной структуры пенсионных правоотношений и доступной системы пенсионного страхования для всех граждан РФ.

На фоне грядущих изменений 2023 года технологическое развитие общества также ставит перед пенсионной системой задачу ужесточения условий предоставления пенсионных услуг (как результат работы обширной системы социального обеспечения).

Характерной чертой нашего пенсионного законодательства является заявительный порядок предоставления пенсионных услуг. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа случаев «автоматической» реализации пенсионных прав. Это, например, касается корректировки пенсий работающим пенсионерам. На эту тенденцию хорошо повлияет развитие межведомственных связей как внутри системы пенсионного документооборота, так и развитие внешних коммуникаций между государственными органами по передаче необходимых данных о гражданах.

На данный момент систему медицинского страхования не планируется интегрировать в единую пенсионную систему, к которой стремиться законодательство Российской Федерации. Вопросы предоставления медицинских страховых услуг всегда были острыми для системы правоотношений любого социального государства. Учитывая значительный опыт изменений в зависимости от актуальных потребностей (например, ковидного периода) важно отметить, что объём работ и услуг, предоставляемых данным фондом, значительно не уменьшился. Если в случае Пенсионного фонда и Фонда социального страхования объединение их систем уместно, то для системы медицинских правоотношений упрощение структуры или объединение с другой страховой системой на данный момент сложно представить.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12.2001 N 166-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Опубликован 08.03.2022 на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 11.11.2022).
2. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 06.12.2021) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения 11.11.2022).
3. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Опубликован 30.12.2013 на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 11.11.2022).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 N 350-ФЗ (ред. от 28.01.2022, с изм. от 17.03.2022) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения 11.11.2022).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 45 (440) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 23.11.2022. Дата выхода в свет: 30.11.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.